

ИСТОРИЯ
Л.Г.В. КАЗАЧЬЕГО
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ПОЛКА

2
1-70
1903.6

ИСТОРИЯ

ЛЕЙБЪ-ГВАРДИИ КАЗАЧЬЯГО
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

ПОЛКА

1775—1813—1875—1913

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СОСТАВИЛЪ Б. Р. ХРЕЩАТИЦКІЙ

МОСКОВСКИЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XIV-09911
И РУМЯНЦЕВСКИЙ МУЗЕЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913

2007044380

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ДЕРЖАВНОМУ ШЕФУ

ПОЛКА.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАИ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
ДЕРЖАВНЫЙ ШЕФЪ ПОЛКА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Преданія старины родной—для русскаго священны; завѣты предковъ нерушимы. Крѣпко держится русскій человекъ и обычаевъ своей страны. Приверженъ вѣрѣ онъ отцовъ своихъ и преданъ искони природнымъ государямъ; всѣмъ помысломъ, всѣмъ сердцемъ любитъ родину свою.

И понынь, воспѣвая въ былинахъ и пѣсняхъ, прославляетъ нашъ народъ добрыхъ молодцевъ, своихъ богатырей стародавнихъ временъ.

Сердцу русскаго человека всегда было любезно и наше казачество, происхожденіемъ своимъ плоть отъ плоти, кость отъ кости русскаго народа, съ незапамятныхъ временъ проявлявшее всю мощь Руси Великой Православной!

„По путинамъ великимъ, по протореннымъ дорожкамъ, по невѣдомымъ тропинкамъ,
„Собирались съ земли русской на три

запольныя великія рѣки ¹⁾,

„Удалые добры-молодцы. Поосѣвши на тѣхъ рѣкахъ, казаки,—по рѣкамъ и прозвалися.

„Вольной-волюшкой на широкомъ на просторъ показали они буйну удалъ свою.

Русскій воинъ XVI столѣтія.

¹⁾ Волга, Донъ и Яикъ—главные пути разселенія восточно-русскаго казачества.

„На свой страх да на совѣсть ширили они предѣлы земли родной.
„Разумомъ своимъ да дородствомъ забирали чужеземныя крѣпости-города.
„Въ дальнихъ поискахъ на челнахъ своихъ они море пѣнили.
„Забирали полонъ, разбивая корабли бусурманскіе.
„На вспомогу боевую ратямъ Государей своихъ всегда во-время поспѣвали.
„Исповѣдуя православный святой крестъ, за вѣру да за други своя,
„Животъ-душу на полъ брани въ жертву приносили ¹⁾“.

Такими похвальными словами въ стародавней записи-былинѣ воздается должное казачеству.

Царскими грамотами, жалованными „вѣрнолюбезнымъ казачьимъ войскамъ“, признаны на вѣки заслуги ихъ предъ престоломъ и отечествомъ; живымъ и нагляднымъ памятникомъ воинской доблести казаковъ служатъ Высочайшія пожалованія имъ регалій, знаменъ и знаковъ отличій за службу государству „твердымъ и надежнымъ оплотомъ“ и „за геройское мужество и неустрашимую храбрость, столь свойственную доблестнымъ казачьимъ войскамъ, принимавшимъ участіе во всѣхъ войнахъ, которыя Россія была принуждена вести... въ знакъ особаго Монаршаго благоволенія... и въ вѣщшее поощреніе присущаго духа воинской доблести славнаго казачества ²⁾“.

Сохраненіе памяти о вѣковыхъ заслугахъ и отличіяхъ казачества, въ примѣръ и поученіе молодежи, на утѣшеніе и гордость старикамъ—священная обязанность каждаго служилаго казачьяго поколѣнія. Вѣрный сынъ по крови и по духу Тихаго Дона, Лейбъ-Гвардіи Казачій ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полкъ неразрывно связанъ со всѣмъ Великимъ Войскомъ Донскимъ.

Доблести Войска Донского ярко отражаются въ лѣтописи полка, а подвиги и слава Лейбъ-Казаковъ на всемъ полуторавѣковомъ служебномъ поприщѣ ихъ, нераздѣльны со славой Дона, запечатлѣнные на вѣки Царскимъ словомъ:

„Лейбъ-казаки! болѣе ста лѣтъ вы твердо и вѣрно служите своимъ Царямъ и Отечеству, какъ въ военное время въ бояхъ и походахъ, такъ и въ мирное время. И теперь, въ тѣ смутные дни, которые Господь ниспослалъ Россіи, вы, какъ и все Войско Донское, служите честно, вѣрно и беззавѣтно Отечеству и Мнѣ.“

¹⁾ Изъ собранія старинныхъ русскихъ и казачьихъ былинъ и пѣсень Р. А. Хрещатицкаго.

²⁾ Изъ Высочайшихъ похвальныхъ грамотъ, жалованныхъ казачьимъ войскамъ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
ДЕРЖАВНЫЙ ШЕФЪ ПОЛКА.

ЦАРСКОЕ слово, обращенное къ Л.Гв.Казачьему ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полку
во время ВЫСОЧАЙШАГО смотра 31го Декабря 1905го года :

Лейбъ-казаки, болѣе ста лѣтъ вы твердо и вѣрно служите своимъ Царямъ и Отечеству, какъ въ военное время въ бояхъ и походахъ, такъ и въ мирное время. И теперь, въ тѣ смутные дни, которые Господь ниспослалъ Россіи, вы, какъ и все Войско Донское, служите честно, вѣрно и беззавѣтно Отечеству и Мнѣ. Въ вашемъ лицѣ благодарю вѣрное Войско Донское, а всѣмъ вамъ, дорогимъ Моему сердцу лейбъ-казакамъ, сердечное спасибо за службу.

Гг. офицеры, отъ души благодарю васъ за вашу славную и примѣрную службу.

Въ знакъ Моего благоволенія къ полку и Войску Донскому Я беру вашего командира въ Мою свиту, а командующаго Моей сотней назначаю Моимъ флигель-адъютантомъ. “

Въ вашемъ лицѣ благодарю Войско Донское, а всѣмъ вамъ, дорогимъ Моему сердцу Лейбъ-Казакамъ,—сердечное спасибо за службу ¹⁾“.

Пусть же наша полковая лѣтопись, вѣчный памятникъ родныхъ именъ, подвигами своими прославляющихъ полкъ, скрижаль боевыхъ отличій и Высочайшихъ пожалованій за заслуги предъ Престоломъ и Отечествомъ, свидѣтель прошлаго—послужитъ залогомъ не меньше славнаго будущаго намъ, Государевымъ Лейбъ-казакамъ на честь, на гордость Дону ²⁾).

КАЗАЧЕСТВО.

Полный удали и славы,
Съ шашкой, пикою въ рукъ,
Въ дикомъ вихрь бурной лавы
Съ гикомъ мчится на конь.
Смѣлый онъ, неутомимый
Въ рукопашной ли, пѣшкою
Для врага неумолимый
На завалахъ подъ ружьемъ.
Въ бою ратномъ, на походъ,
Службы тягости несетъ,—
Жажду, голодъ, непогоду
И безъ ропота умретъ.
Вѣрный церкви, Государю,
Безпредѣльно Русь любя,—
Ну скажите, кто удалый,
Кто отважный казака?
Отъ вѣковъ давно минувшихъ
И до этихъ лѣтъ
Съ славой имя неразлучно,
Славенъ внукъ, какъ славенъ дѣдъ.
Турокъ, венгръ, шведъ и ляхъ
Нашу удали всѣ узнали,
Разнося повсюду страхъ,
Мы Россію расширяли.
Ни единой нѣтъ земли,
Чтобъ мы кровью не полили,—
Поль Россіи казаки
Государю покорили:
Степи южныя, Кавказъ,
Крымъ, Сибирь, Уралъ, Азовъ—

То Россіи даръ отъ насъ,
То подарокъ казаковъ.
Русь подъ игомъ какъ стонала,
Какъ татаринъ Русь давилъ,
Все казачество возстало,
Съ нами Дмитрій побѣдилъ.
Въ время смутное печали
Отовсюду шли враги—
И не разъ Москву спасали
Отъ разгрома казаки.
Какъ въ тяжелый годъ нашествья
Всей Европы войско шло,
Отъ позора, отъ безчестья
Русь—казачество спасло.
И въ Турецкую войну
За свободу кровныхъ братій,
Много славы казаку,
Много нашихъ пало въ рати.
Тихо все на рубежъ
И Россія миръ блюдетъ,
А казакъ на сторожъ,
Онъ границы бережетъ.
Но какъ только брань начнется
На потѣху казаку,
Наше войско понесется
На кровавый пиръ къ врагу,
Снова шашки засверкаютъ,
Вспыхнутъ села, города—
И вспомянетъ врагъ, узнаетъ
Буйну удали казака ³⁾).

¹⁾ Изъ рѣчи Державнаго Шефа полка ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, обращенной къ полку во время Высочайшаго смотра 31-го Декабря 1905 года.

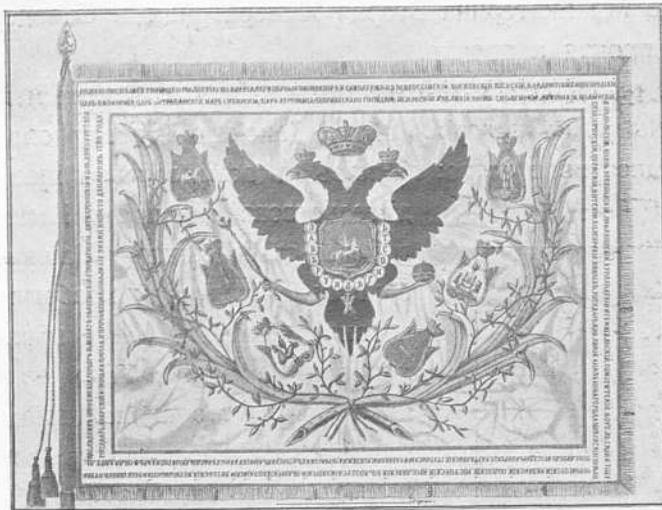
²⁾ Что живъ казачій духъ и въ нынѣшнемъ Донскомъ поколѣннѣ, свято сохранившемъ заветы предковъ, свидѣтельствуетъ участіе казачества въ послѣднихъ событіяхъ, связанныхъ съ смутными днями 1905—6 гг. „Въ Имперіи нашлись стихіи могучаго сопротивленія, которыхъ революція не ожидала. Однимъ изъ главныхъ устоевъ власти явилась та часть нашей арміи, которая называется казачествомъ. Казачьи полки были разсыяны во время смуты по всей Россіи и выдержали, если не слишкомъ кровопролитную, за то крайне изнурительную кампанію. Тихій Донъ еще разъ оказалъ Имперіи историческую услугу и можетъ быть величайшую въ своей исторіи“.—Статья Меншикова: „Берегите Казачество“. „Новое Время“ 14-го Февраля 1912 года № 12904“.

³⁾ Посвященіе первенцу Дона—родному полку изъ стих. Б. Х.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.
ДЕРЖАВНАЯ ОСНОВАТЕЛЬНИЦА ПОЛКА.

Одно из войсковых знамен Войска Донского.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Пятивѣковое существованіе—служба Войска Донского.—Отношеніе ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II къ Войску Донскому.—Ея личное знакомство съ Донцами.—Вызовъ Донцовъ на службу ко Двору.—Предписаніе Потемкина.—Значеніе для Дона сформированія Придворной команды.—Обзоръ положенія Войска Донского къ концу XVIII вѣка.—Реформы Потемкина въ Войскѣ.—Войсковой Атаманъ Иловайскій.

Къ концу XVIII столѣтія, въ «славный вѣкъ Екатерины», Войско Донское «вѣрнолюбезное» Россійскимъ Государямъ, за все время своего пятивѣкового существованія ¹⁾, уже къ тому времени двѣсти лѣтъ непрерывно служившее Престолу и Россіи ²⁾, имѣвшее не мало «честныхъ клейнодовъ»—знаковъ Царской милости ³⁾ и въ послѣднихъ событіяхъ, предшествовавшихъ сформированію придворной Донской Лейбъ-казачьей команды, побѣдоносныхъ войнахъ и подавленіи Пугачевской смуты, еще разъ доказало свою непоколебимую вѣрность и мужество:

¹⁾ Первое упоминаніе о Донскихъ казакахъ въ исторіи, дошедшее до насъ, относится къ 1380 году, въ связи съ Куликовской битвой: «...того ради послѣди прославися образъ Пресвятыя Богородицы Донскій, зане къ Великому Князю Дмитрію Іоанновичу Донскіе казаки, увѣдоши о пришествіи въ междорѣчьи Дона и Непрядвы, вскорѣ въ помощь благославному воинству пришли бяше и сей Пречистыя Богоматери образъ въ даръ благовѣрному Великому Князю и всему православному воинству на побѣжденіе нечестивыхъ агарянь вручили».—Слова лѣтописца архимандрита Антонія.—Русская лѣтопись по Никоновскому списку, VII, 338.—Рукописные разряды.

²⁾ Съ 1570 года, который принято считать первымъ годомъ уже исторически опредѣленной службы Войска Донского Россійскимъ Государямъ, такъ какъ старѣйшею изъ сохранившихся на Дону похвальныхъ царскихъ грамотъ, является таковая отъ 3-го Января зтого года; въ ней Царь и Великій Князь Іоаннъ IV Васильевичъ пишутъ: «Донскимъ атаманамъ и казакамъ... тѣмъ бы вы Намъ послужили... а Мы васъ за вашу службу жаловать хотимъ».

³⁾ Войско Донское отъ временъ Царя Іоанна IV Васильевича и кончая нынѣшнимъ царствованіемъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, имѣетъ всего Высочайшихъ грамотъ, насѣкъ, перначей и булавъ, знаменъ, штандартовъ и бунчуковъ—свыше двухсотъ—знаковъ его достойной службы.

«Божією милостію Мы Екатерина Вторая Императрица и Самодержица Всероссийская и прочая и прочая и прочая.

« — На Донъ въ верхніе и нижніе юрты всѣмъ атаманамъ и казакамъ, атаману Алексѣю Иловайскому, канцеляріи Войска Донского и всему оному Войску. Наше Императорское милостивое слово: принявъ въ всемилостивѣйшее уваженіе, засви-

Великій князь Дмитрій Іоанновичъ Донской.

дѣтельствовавшие предъ Нами отъ всѣхъ предводительствовавшихъ Нашими заграничными арміями и корпусами храбрые и неутомленные подвиги, каковыми Наше вѣрнолюбное и знаменитое Донское войско во время минувшей съ Портою Оттоманской войны и при устроении бывшихъ замѣшательствъ, во всѣхъ случаяхъ и вездѣ, гдѣ польза службы требовала, къ прославленію побѣдоноснаго Нашего оружія украшалось такъ, что врожденное онаго Войска военное искусство и неутомленность во всегдашней передовой стражѣ, не токмо не позволяли непріятелямъ нигдѣ во вредъ нашихъ войскъ скрыть своего движенія, но превозмогали и совершенно уничтожали всегда всякое онаго покушеніе, чѣмъ способствовали славнымъ Нашего оружія успѣхамъ. И толь знаменитыми побѣдами, какъ и похвальною къ Намъ и Оте-

честву службою обратили на себя правосудное Наше вниманіе и Высокомонаршую милость, которую и восхотѣли Мы ознаменовать силою сея Императорскія грамоты ко всенародному свѣдѣнію, на память будущихъ временъ, что отличныя сего храбраго и полезнаго Намъ и Отечеству Нашего Донского Войска оказанныя въ войнѣ заслуги не токмо пріемлемъ Мы достойными Монаршаго Нашего отмѣннаго благоволенія и милости, но и сохранимъ оныя всегда въ правосудномъ Нашемъ признаніи и памяти. Напротивъ чего надѣмся, что оное Войско, видя таковыя Высокомонаршія Наши къ нему благоволенія почтется и впредь усугублять сію свойственную ему славу ревностью и усердіемъ во образѣ отправляемой имъ толь полезной для Отечества службы; впрочемъ пребываемъ ко всему оному Войску вообще и каждому особенно Императорскою Нашею милостію благосклонными. Дана въ Престольномъ Нашемъ городѣ Москвѣ Іюня 28-го дня 1775 года, а Государствованіе Нашего въ 14-е лѣто. Екатерина».

И вотъ, славная служба Войска Донского отмѣтилась новой царской милостію: Императрица Екатерина II, увѣрившаяся лично въ преданности Донцовъ еще при восшествіи своемъ на Престоль, когда атаманъ Войска Донского Степанъ Даниловичъ Ефремовъ принималъ дѣятельное участіе въ походѣ на Петергофъ 28-го Іюня 1762 года, возведемъ Императрицу на Царствованіе. Находясь въ то

время въ Петербургѣ, атаманъ Степанъ Ефремовъ, съ старшиною Михаиломъ Поздѣвымъ, войсковымъ дьякомъ Иваномъ Яновымъ, походными есаулами: Семеномъ Сулинымъ и Иваномъ Горбиковымъ, во главѣ значительнаго числа Донскихъ Гребенскихъ, Терскихъ и Яицкихъ казаковъ, сопровождали Императрицу въ Петергофъ и обратно, за что, по собственноручной резолюціи Государыни, Ефремовъ удостоился получить саблю въ богатой серебряной оправѣ, а находившіеся подъ его началомъ старшины и есаулы были награждены «за заслуги» золотыми медалями каждая вѣсомъ въ 30 червонныхъ, а рядовые казаки получили по 10 рублей «противъ Гвардіи солдатъ» ¹⁾.

Съ тѣхъ поръ неизмѣнно благоволившая къ Донцамъ Императрица пожелала приблизить къ себѣ Донское казачество, чтобы не во временномъ лишь пребываніи въ столицѣ легкихъ и зимовыхъ станицъ, или въ случайныхъ, по очередному наряду несущихъ службу, частяхъ, имѣли Донцы своихъ представителей, но чтобы они, избранные изъ лучшихъ Донскихъ людей, находились тамъ постоянно, служили на виду при Дворѣ Ея Императорскаго Величества. Эта-то новая Монаршая милость и положила начало Лейбъ-Гвардіи Казачьему ЕФО ВЕЛИЧЕСТВА полку.

Выполняя Царскую волю, главнокомандовавшій всѣми казачьими и иррегулярными войсками графъ (впослѣдствіи Свѣтлѣйшій Князь Таврической) Потемкинъ 12-го Ноября 1774 года писалъ на Донъ бывшему въ то время атаманомъ Семену Никитичу Сулину: «По полученіи сего имѣеть Войсковая канцелярія, выбравъ изъ самыхъ лучшихъ и способнѣйшихъ въ оборотахъ казацкой службы 65 человекъ, на легкихъ и прочныхъ лошадяхъ отправить въ Москву, приказавъ явиться у меня, стараясь при томъ, чтобы оные къ Январю мѣсяцу наступающаго года прибыть туда могли. А какъ оные имѣють быть употреблены въ знакъ ревности и усердія всего Войска, при Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества Дворѣ, то и не сомнѣваюсь я, что Войско Донское избраніемъ къ тому изъ имянитыхъ и лучшихъ людей соотвѣтствующихъ какъ знаніемъ службы, такъ и поведеніемъ своимъ оправдаетъ то непрестанное мое у Престола Ея ходатайство, которое я непрестанно къ благополучію его употребляю» ²⁾.

Свѣтлѣйшій князь Потемкинъ-Таврической.

¹⁾ Сенатскій архивъ: Высочайшій указъ отъ 25-го Февраля 1763 года. Между прочимъ въ числѣ казаковъ, бывшихъ «въ походѣ до Петергофа и обратно», находились Иванъ Платовъ—отецъ знаменитаго атамана Графа и Карпъ Денисовъ—отецъ А. К. Денисова, бывшаго впослѣдствіи Войсковымъ Атаманомъ.

²⁾ Изъ дѣлъ походной канцеляріи Потемкина за 1774 годъ.

И вотъ, по зову Войскового Атамана, по выбору стариковъ, слетались со всего Тихаго Дона, съ верхнихъ и нижнихъ станицъ въ Черкасскъ городъ лучшіе Донскіе соколы добры-молодцы, цвѣтъ Войска Донского. Съ заботою и любовью снаряжало ихъ Войско на почетную Царскую службу; великая честь выпала на долю избранныхъ, но и большая отвѣтственность лежала на нихъ. Вѣдь эта придворная Лейбъ-казачья Донская команда являлась не только особенной воинской частью,—она была представительницею предъ Царицей и властями всего Донского казачества. Команда эта должна была показать въ Петербургѣ, представить все Донское Войско, поддержать и закрѣпить за нимъ его заслуженную славу, а вмѣстѣ съ тѣмъ разсѣять и то недовѣріе, которое жило во многихъ, не знавшихъ или не хотѣвшихъ понимать казачество и огульно связывавшихъ съ нимъ имена: Разина, Булавина и Пугачева.

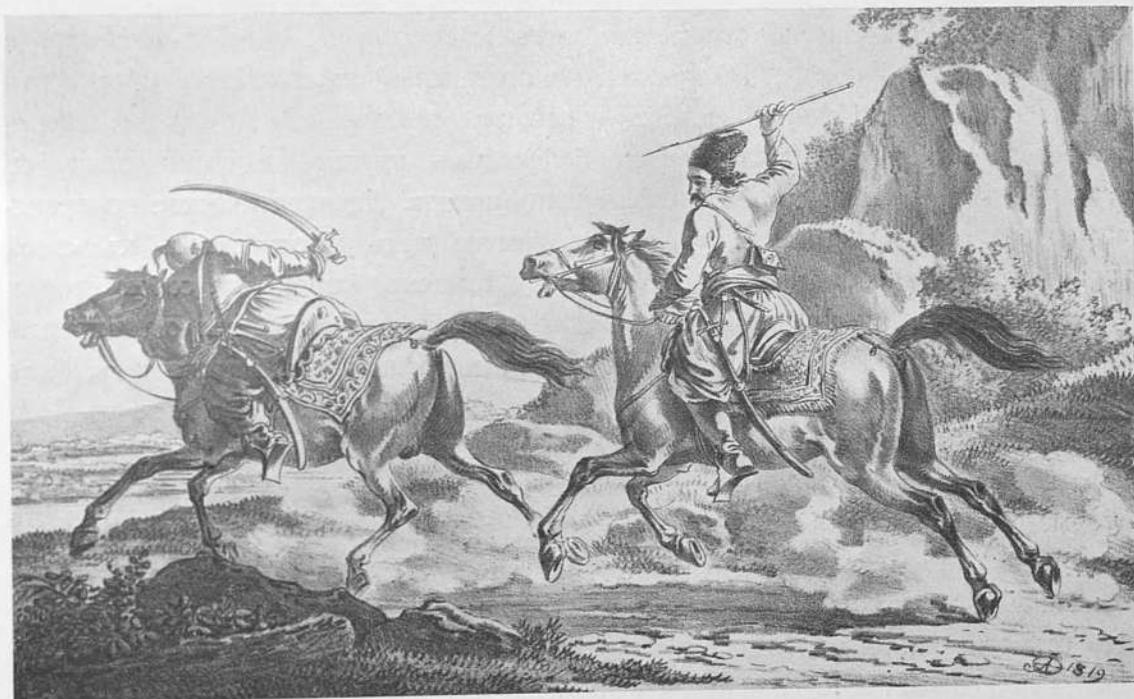
Чтобы установить правильный взглядъ на значеніе для Дона сформированія придворной команды, необходимо обрисовать положеніе Войска Донского того времени и, хотя бы слегка, вспомнить событія, въ которыхъ тогда приняли участіе Донцы.

Поставленное въ нѣкоторыя правительственныя рамки Державною рукою Петра Великаго буйное удалство и вольное самоуправленіе Донскихъ казаковъ, ко времени Императрицы Екатерины II, подчиняясь естественному тяготѣнію къ родной Руси, въ силу новыхъ экономическихъ и соціальныхъ причинъ, вызвавшихъ на Дону вмѣстѣ съ зарожденіемъ гражданственности, появленіе вліятельнаго класса казачьей знати,—должно было смѣниться «ревностной службою Престолу и Отечеству» на опредѣленныхъ условіяхъ, исходнымъ началомъ которыхъ являлась идея вѣрноподданческаго долга. Казачьи части идутъ уже изъ Войска не на поиски и набѣги, не на войну лишь, а «по вызову на службу» ¹⁾, при чемъ точно опредѣляется свѣше, куда и сколько надлежитъ выставить полковъ и подъ чьимъ начальствомъ имъ находится; часто случается Донскимъ полкамъ исполнять служебныя обязанности и въ мирное время, а высшая власть на Дону въ лицѣ Войскового атамана «жалуется» Высочайшей волей ²⁾. Сама жизнь на Дону уже подлежитъ нѣкоторому контролю Россійскаго правительства въ лицѣ регулярнаго начальства крѣпости Св. Дмитрія (гор. Ростовъ на Дону) и Войско сносятся не непосредственно съ Державной Властью, а черезъ Военную Коллегію подъ всеобъемлющимъ началомъ главнокомандующаго. Естественно при всей пользѣ для общегосударственнаго порядка и для службы кое-что изъ этого «порядка» приходилось не совсѣмъ понутру наиболѣе свободолюбивымъ сынамъ Тихаго Дона, да и правительственные представители отъ Военной Коллегіи, при-

¹⁾ Напр. Высочайшая грамота отъ 17 марта 1763 года—о командированіи съ Дону къ Кіеву 8-ми казачьихъ полковъ въ составъ 2-хъ корпусовъ, предназначенныхъ въ соединенные лагери по Смоленской и Курляндской границамъ.

²⁾ Первый атаманъ, утвержденный въ этомъ званіи Высочайшей властью 1718 года 26-го Февраля Петромъ I—Василій Фроловичъ Фроловъ; въ его время въ 1721 году Войско Донское поступило въ вѣдѣніе Военной Коллегіи.

существовавшие на Дону в Войсковой Канцелярии, бывало тоже не умѣли сглаживать шероховатости, смотря на Донцовъ съ чуждой имъ «регулярной» точки зрѣнія, не понимая мѣстнаго уклада жизни. Отчасти запутывали эти отношенія и сами казаки, среди которыхъ, вмѣстѣ съ усиленіемъ Донской знати, иногда начиналъ проскальзывать нѣкоторый разладъ между рядовыми казаками «войскомъ» и старшиною войсковою. Съ незапамятныхъ временъ собравшійся на берегахъ Тихаго Дона народъ искалъ вольной-волюшки не въ мирномъ трудѣ пахаря, онъ выказывалъ ее въ удалыхъ набѣгахъ на Кабарду, на Туретчину, на

Татаринъ и казакъ XVI столѣтія.

Крымъ, не прочь былъ иной разъ пограбить и служилыхъ людей, не отказывался и отъ купеческихъ каравановъ, проплывавшихъ по Волгѣ. Прошлаго на Дону не было да и не могло быть. Явившись на Донъ, каждый начиналъ свою жизнь сызнова, здѣсь онъ становился равнымъ всѣмъ остальнымъ:

«Вчерашній воръ и князь опальный,
«Разбой дикаго сыны,
«Монахъ-бѣглець, старикъ печальный,
«Холопъ, бояринъ— всѣ равны...
«Здѣсь только смѣлости заслуги
«Спасти и выручить могли,
«Здѣсь князь и рабъ въ бояхъ, какъ други,
«За землю Русскую легли 1)».

1) Гиляровскій.

Единственнымъ необходимымъ на Дону качествомъ была удаль, а проявить ее искать долго не приходилось, — боевая жизнь была ключемъ въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ, безпокойные сосѣди Донцовъ не давали ржавѣть ихъ пикамъ и шашкамъ, а если и случался перерывъ, такъ сама молодежь казачья и голытьба не засиживались по станицамъ, а были не прочь поразмыкать свою силушку, и частенько на станичной площади удалецъ-охотникъ сзывалъ казаковъ: «атаманы молодцы, кто со мной на Сине море, на Черное поохотиться, на Куму иль на Кубань рѣку за ясыремъ, аль на Волгу матушку рыбки половить». Возвращались изъ похода станичники нагруженные всякимъ добромъ, съ цѣлымъ запасомъ рассказовъ о подвигахъ, а нѣкоторые изъ нихъ и со славою «удальца-богатыря» и конечно, въ случаѣ похода, въ полковники и атаманы выкрикивались именно эти удальцы гулебщики. Кончался походъ и всѣ эти полковники и атаманы складывали свои булавы и насѣки передъ Войсковымъ кругомъ и смѣшивались съ остальною массою казачества до слѣдующаго похода. Демократическое по происхожденію и своему составу, Донское казачество такъ и относилось къ своей старшинѣ. Сегодня походный полковникъ или атаманъ, ведущій за собою своихъ станичниковъ, онъ завтра становился рядовымъ казакомъ. Единственною наградою «походнаго старшины», въ случаѣ совершенія имъ дѣйствительныхъ заслугъ, было лишь уваженіе казаковъ, а отсюда большая авторитетность его голоса въ Войсковомъ кругѣ. Но были честолюбивыя лица, которымъ одного уваженія было мало, которымъ положеніе бывшаго полковника или атамана не нравилось и которые старались сохранить свое привилегированное положеніе навсегда, для чего приходилось искать поддержки у Россійскаго правительства. Въ это время, къ началу XVIII столѣтія, когда на Дону Войсковой кругъ начиналъ принимать видъ отчасти аристократическаго учрежденія въ силу взаимной родственной поддержки выдвинувшихся старшинъ, что, въ свою очередь, какъ сказано было выше, заставляло все больше и больше считаться съ центральнымъ правительствомъ Государства, которое постепенно все забирало въ свои руки, значеніе и самого Войскового круга падало, и близка была замѣна его правительственною властью. Это сознавалось болѣе дальновидными старшинами, которымъ оставалось одно, добиваться утвержденія Царскимъ правительствомъ всѣхъ тѣхъ привилегій и льготъ, которыми они до сего времени пользовались. И вотъ, старшина войсковая сейчасъ же перенесла свои вождельнія на берега Невы, прекрасно понимая, что милости, полученныя изъ рукъ Верховнаго правительства, затмятъ собою то, что давалъ имъ Войсковой кругъ. Замѣчается стремленіе къ жалованнымъ ковшамъ, саблямъ, медалямъ и къ чинамъ, чего добиваются всѣми силами и способами. Простые рядовые казаки въ массѣ своей не всегда сочувственно смотрѣли на это. А правительство, занятое войнами и имѣя нужду въ «спокойныхъ Донцахъ», какъ въ боевомъ матеріалѣ, охотно шло навстрѣчу исканіямъ старшинъ, и на Дону появляются Царскіе Указы, гласящіе о пожалованіи ковшей, сабель и медалей, званій старшинъ, орденовъ, армейскихъ чиновъ, земель и, наконецъ, крѣпостныхъ

крестьянъ. Къ чиновнымъ лицамъ примыкали семьи ихъ вмѣстѣ съ атаманомъ и его многочисленною роднею и составившіе аристократическій классъ, начинавшій крѣпко забирать Войсковую власть въ свои руки ¹⁾). Получался разладъ въ Войскѣ, все чаще и чаще обращающимся къ Государственной власти за разрѣшеніемъ своихъ домашнихъ споровъ. Для правительства такимъ образомъ возникла задача, цѣлью которой было установить наиболѣе соответствующее желательное положеніе вещей и отношеніе свое къ Войску Донскому, имѣя на вѣсахъ съ одной стороны своевольство казаковъ, раскольничіе нелады, старшинскія неурядицы, нѣкоторую тревожность Донцовъ за свою участь, вызванную сокращеніемъ Малороссійскаго казачества, а съ другой стороны воинскія доблести Дона, оказавшаго громадныя услуги Россіи своимъ самоотверженнымъ и значительнымъ участіемъ въ войнахъ, непоколебимую вѣрность, проявленную правительству при подавленіи Пугачевской смуты, выгодно отгѣнившую Донскихъ казаковъ передъ Уральцами, тѣмъ болѣе, что навстрѣчу правительству, какъ сказано выше, шло и само Войско въ лицѣ своихъ представителей-старшинъ. Все сказанное и привело къ мудрому рѣшенію Потемкина упорядочить жизнь, службу и управленіе «всевеликаго» Войска Донского, поставивъ его подъ правительственный надзоръ, а награждая какъ все Войско, такъ и отдѣльных его представителей за заслуги — приблизить къ Престолу, тѣмъ самымъ связавъ съ началами Русской государственности, закрѣпить навѣки въ полезной нераздѣльности. Отсюда и вызовъ Донцовъ на постоянную службу въ столицу. Не только по этому событію, но и вообще по тѣмъ существеннымъ измѣненіямъ, которыя были произведены въ управленіи, порядкѣ службы и внутренней жизни Войска Донского, 1774—75 гг. имѣютъ большое значеніе для него.

Запорожець XVIII столѣтія.

Управляя фактически всѣмъ югомъ Россіи, включеннымъ въ составъ Новороссійскаго Генераль-Губернаторства и начальствуя надъ Донскимъ, Астраханскимъ, Гребенскимъ, Терскимъ-семейнымъ, Черноморскимъ и Уральскимъ казачьими войсками, по званію главнокомандующаго казачьихъ и иррегулярныхъ

¹⁾ Савеловъ, «Донское Дворянство».

войскъ, Потемкинъ вскорѣ послѣ окончанія Пугачевщины обратилъ особое вниманіе по вышесказаннымъ причинамъ на землю Войска Донского и начерталъ цѣлый рядъ мѣръ къ упорядоченію административнаго управленія и поднятію внутренняго благосостоянія, что выразилось въ изданіи въ 1775 году «Новаго

Казакъ XVIII столѣтія.

положенія о гражданскомъ управленіи въ Войскѣ» на коллегіальныхъ началахъ, объемлющихъ всѣ гражданскія, хозяйственныя, финансовыя и судныя дѣла, лишь состоя подѣ предсѣдательствомъ Войскового Наказнаго Атамана, для личной власти котораго оставались только военныя дѣла. Служебныя права казачьихъ начальныхъ людей были сравнены съ правами армейскихъ офицеровъ, а званія старшинъ и полковниковъ приравнены къ штабъ-офицерскимъ чинамъ и на нихъ стали выдаваться

патенты изъ Военной Коллегіи: «Войсковые старшины и полковники, которые въ походахъ уже командовали полками наравнѣ съ установленными по табели военными чинами, получаютъ штабъ-офицерскіе чины; тѣхъ же изъ старшинъ, которые будутъ впредь командовать полками и носить званіе полковниковъ, въ уваженіе службы ихъ, считать заурядъ-младшими передъ армейскими секундъ-маіорами, но выше капитана. Прочихъ же Донскихъ офицеровъ, которые состоятъ въ полкахъ есаулами и сотниками, въ уваженіе службы ихъ, признавать и принимать прилично офицерскому чину».

— Годовой окладъ содержанія, отпускаемаго Дону отъ казны, былъ увеличенъ до 20 тысячъ рублей и 10 тысячъ четвертей хлѣба.

Наряду съ общими военными реформами, служба Донцовъ и ихъ внѣшніе наряды, производившіеся ранѣе безъ опредѣленныхъ правилъ, были подчинены извѣстной нормѣ.

Потемкинымъ были проявлены заботы и объ умственномъ образованіи Донцовъ: «попеченіе о воспитаніи Донскихъ дѣтей приемлю я съ признаніемъ и не оставляю съ моей стороны прилагать о таковыхъ учащихся къ чести и славѣ Войска Донского всегдашнее раченіе»,— писалъ онъ въ 1775 году атаману Иловайскому въ отвѣтъ на ходатайство о допущеніи Донцовъ въ Московскій университетъ, куда въ этомъ же году и были приняты четыре человѣка.

Заботясь объ «поддержаніи» Войска Донского, въ то же время будучи главнымъ инициаторомъ упраздненія Запорожья, Потемкинъ тѣмъ самымъ, видно, правильно оцѣнивалъ значеніе для Россіи вѣрной и преданной службы Донцовъ. Подчеркивая это, онъ подымаетъ значеніе и Донской казачьей власти,—такъ, пред-

ставляя Высочайшій докладъ о дѣлахъ Войска, донося о необходимости на смѣну Сулину назначить атаманомъ Иловайскаго, хотя по званію своему Потемкинъ могъ это сдѣлать и самъ, онъ проситъ Высочайшаго Указа: «желая придать подобающее посту сему уваженіе и соединенную съ тѣмъ народную довѣренность». Вообще расположенный къ Донцамъ, Потемкинъ, видимо, гордился званіемъ главнаго начальника надъ Войскомъ, часто одѣвалъ казачье платье, «болѣе всего страсть князя къ казакамъ, которая до того простиралась, что онъ все видимое превращалъ въ это названіе ¹⁾». Будучи постояннымъ ходатаемъ за казаковъ передъ Императрицей, Потемкинъ снискивалъ имъ Царское благоволеніе и милости, напримѣръ, сносаясь съ Дономъ по дѣламъ въ связи съ формированіемъ придворной команды, онъ пишетъ: «по долгу моего надъ Донскимъ Войскомъ начальства, не перестану я о достойныхъ уваженія подвигахъ всего Войска у Престола Ея Императорскаго Величества ходатайствовать, относя то въ истинное мое удовольствіе». И ставленникъ Потемкина, Атаманъ Иловайскій, пользуясь особымъ довѣріемъ и вниманіемъ его, ведя съ нимъ и частную переписку, радѣлъ о Войскѣ, въ чемъ и успѣвалъ, будучи черезъ Потемкина хорошо извѣстнымъ Самой Императрицѣ и въ высшемъ кругу Петербурга. Здѣсь необходимо коснуться біографіи выдающейся личности этого атамана.

Сынъ старшины Войска Донскаго Ивана Макѣевича Иловайскаго, происходившаго отъ выходцевъ города Темникова Тамбовской губерніи, онъ началъ службу свою въ 1749 году, въ которомъ былъ награжденъ «за Кизлярскую службу» денежнымъ жалованіемъ и саблею; въ 1756 году Алексѣй Ивановичъ участвовалъ въ составѣ Донскихъ полковъ въ походѣ на Кабарду, а съ 1756 по 1763 гг. въ семилѣтней Прусской кампаніи, подъ командою походнаго атамана Краснощекова. Впервые Иловайскій выдвинулся, обративъ на себя вниманіе Румянцева въ Турецкой 1770 года войнѣ. Прибывъ за два дня до знаменитой Кагульской битвы съ Дона съ казачьимъ полкомъ въ составѣ русской арміи, Иловайскій на виду войска нашего и турецкаго, во главѣ своихъ казаковъ, какъ на турнирѣ сражается съ турецкими наѣздниками знаменитыми спагами, причемъ ему едва не

Войсковой Атаманъ А. И. Иловайскій.

¹⁾ Отзывъ Безбородко о Потемкинѣ, архивъ кн. Воронцова XIII, 227.

удалось схватить за бороду самого великаго визиря, который выѣхалъ на рекогносцировку. Переколовъ многихъ турокъ и не потерявъ ни одного изъ своихъ убитыми, вернулся Иловайскій въ лагерь, а лихостью своей и наѣздничествомъ удалыхъ Донцовъ, онъ произвелъ такое впечатлѣніе, что наши войска по всей линіи встрѣчали его музыкой и криками ура. Приобрѣтя опытъ еще въ семилѣтней войнѣ, когда онъ не разъ сталкивался грудь о грудь съ «безсмертными» гусарами и билъ знаменитую конницу Фридриха Великаго, которому на долго по себѣ оставили память Донцы, такъ что, возненавидя ихъ, Фридрихъ говорилъ: «эти разбойники оставляютъ за собою голую пустыню», Иловайскій послѣ Турецкой войны сразу сталъ наряду съ другими нашими боевыми генералами, будучи лично извѣстнымъ Румянцеву, Суворову и Потемкину, достойно оцѣнившими его безза-
вѣтную храбрость и преданность служебному долгу. По Высочайшему повелѣнію,

Ногайцы XVIII столѣтія.

въ Августѣ 1774 года съ полкомъ своимъ Иловайскій преслѣдуетъ шайки Пугачева и, настойчивостью и мужествомъ своимъ лишивъ бунтовщиковъ всякой надежды на спасеніе, заставляетъ ихъ сдать Пугачева. Наградой за это ему былъ чинъ армейскаго полковника и назначеніе Наказнымъ атаманомъ 15-го Февраля 1775 года, а 22-го Мая 1776 года Алексѣй Ивановичъ былъ утвержденъ Войсковымъ атаманомъ съ производствомъ

въ генераль-маіоры; Войску же Высочайше пожалованы при грамотѣ бунчукъ, булава и насѣка. При немъ учреждено на Дону Войсковое гражданское правительство въ 1775 году; основано въ Черкасскѣ главное народное училище въ 1793 году и утверждены Высочайшею грамотою права Войска Донскаго «на обладаніе принадлежащими оному землями»; въ 1794 году переселены съ Дону 1.000 семействъ на Кубанскую линію и въ 1796 году окончательно закрѣплены за старшинами и станицами «зашедшіе на Донъ Малороссіяне и другіе люди». Отличительною чертою характера Иловайскаго было постоянное нерасположеніе къ Ногайцамъ: «осмѣливаюсь доложить Вашей Свѣтлости, что необходимо напасть на татаръ вооруженною рукою»—всегдашнее обращеніе Иловайскаго къ Потемкину при каждомъ удобномъ случаѣ. По его непрестанному настоянію передъ Потемкинымъ, и было окончательно сломлено буйное непокорство Ногайцевъ, постоянно досаждавшихъ Донцамъ. Въ цѣломъ рядѣ набѣговъ и экспедицій съ 1779 по 1783 годъ, въ которыхъ дѣятельное участіе принимали какъ отдѣльные отряды Донскихъ казаковъ, такъ и самъ Ило-

вайскій съ поголовнымъ Войсковымъ ополченіемъ, были окончательно обезсилены татары, о чемъ соратникъ Иловайскаго Суворовъ доносилъ Потемкину: «храбрость, стремительный ударъ и неутомленность Донскаго Войска не могу довольно выхватить передъ Вашей Свѣтлостію и Высочайшимъ трономъ».

Одаренный способностями, вдумчивый и наблюдательный, несмотря на то, что не получилъ никакого научнаго образованія, Иловаискій по тогдашнему времени хорошо владѣлъ перомъ и, «отличаясь учтивостію» въ перепискѣ съ Государственными лицами, среди которыхъ были у него и друзья, всегда умѣлъ изложить дѣло такъ, что Войско Донское получало желаемое. Дополняя недостатки воспитанія природнымъ умомъ и казачьей сметкою, правдивый и откровенный, Иловаискій, рѣдко какъ кто изъ тогдашнихъ русскихъ генераловъ, пользовался постояннымъ благорасположеніемъ Свѣтлѣйшаго. Не разъ ѣздившій въ Москву и Петербургъ по дѣламъ Войска, Алексѣй Ивановичъ имѣлъ доступъ ко Двору и за 20 лѣтъ своего атаманства получилъ всѣ чины до генерала-отъ-кавалеріи первый изъ Донцовъ; изъ орденовъ у него были вплоть до Св. Анны и Владиміра 1-й степени и особая золотая медаль, алмазами украшенная. Въ 1796 г., прибывъ въ Москву на торжества восшествія на Престоль Императора Павла I, хотя и обласканный Государемъ, пожалованный чиномъ и орденомъ, онъ чѣмъ-то навлекъ на себя гнѣвъ скорого и на гнѣвъ Монарха; угнетенный этимъ, подавленный незаслуженными упреками за, яко-бы, «крамольныя» мысли, Иловаискій, уже старикъ, расхворался и тутъ же въ Москвѣ умеръ, гдѣ и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ.

Дѣятельный, всею душою преданный Престолу и Отечеству, горячо любившій родной Донъ, набожный, добрый и честный, доступный для всѣхъ, за то любимый и уважаемый казаками, прославившійся на боевомъ поприщѣ,—на долгое время оставилъ Алексѣй Ивановичъ Иловаискій признательную память о себѣ среди сыновъ Тихаго Дона.

Лейб-казакъ Придворной Донской команды въ парадной формѣ
1775—1790 гг.

Посольство Ермака передъ Грознымъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Донскія казачьи зимовья и легкія станицы.—Служба внѣ Войска въ мирное время.—Казачья одежда.—Предписаніе Потемкина генералу Потапову.—Чугуевская команда.—Форма придворныхъ командъ.—Проводы казаковъ съ Дону.—Прибытіе въ Москву.—Участіе въ торжествахъ заключенія мира.—Смѣна командъ.—Оцѣнка службы Потемкинымъ.—Переходъ въ Петербургъ, размѣщеніе.—Штаты команды.—Жизнь при Дворѣ.

Хотя придворная служба въ командѣ для Донцовъ и являлась новостью, но само по себѣ пребываніе Донскихъ казаковъ въ столицахъ не было ново. Еще Ермакъ Тимофеевичъ въ 1581 году послалъ своего есаула Ивана Кольцо въ Москву «бить челомъ Великому Государю Іоанну Васильевичу Царствомъ Сибирскимъ, которое Донскіе казаки присоединили къ Россіи на вѣки вѣковъ, доколѣ Всевышній благословитъ стоять міру ¹⁾». Съ глубокой старины ²⁾ установился обычай періодически, нѣсколько разъ въ годъ, отправлять съ Дону къ Царскому Двору, первоначально въ Москву, а затѣмъ и въ Петербургъ отъ Войска казачьи посольства—«зимовья и легкія станицы»,—первыя за полученіемъ «Государева жалованія и казны» въ обычномъ порядкѣ, а вторыя въ какихъ-либо экстренныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, съ ходатайствомъ, за полученіемъ похвальныхъ грамотъ, почетныхъ наградъ и т. п. Положеніе это исторически слагалось изъ службы Дона Государству и, созданное обычаемъ, поддерживалось правительствомъ не безъ поли-

1) Сенюткинъ, «Донцы».

2) . . . напр., въ 1614 году прїѣздъ въ Москву атамана Игнатія Бедрищева съ челобитьемъ отъ Войска Донского о жалованіи и отправленіи онаго съ грамотами—изд. археогр. комиссіи кн. I, т. 18.

Малороссійскій казачій сотникъ XVIII столѣтія.

обласкивало, когда бывало довольно Войскомъ, при чемъ Государемъ они всегда жаловались ковшами и саблями: «атаманамъ дарятъ сабли оправленные въ серебро и стоящія до двадцати рублей, а рядовымъ козакамъ до девяти рублей, всѣ сіи сабли бывають съ надписями на клинкахъ»²⁾. Когда же имѣлась надобность дать дѣламъ всего Войска извѣстное направленіе, то «станицею» искусно пользовались, чтобы черезъ нее провести въ Войскѣ желаемое. Бывало, что за какія-либо провинности, съ правительственной точки зрѣнія, за все Войско въ столицѣ доставалось этимъ же посланцамъ: «по сему письму выговорено передъ Донскимъ атаманомъ и казаками, атаману Олеше Старово съ товарищи съ шумомъ за неправды и непослушаніе Войска Донского, передъ боярской думой³⁾». Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство посланцами-казаками пользовалось и какъ однимъ изъ средствъ представительства, «допуская» ихъ ко Двору при торжествахъ и пышныхъ пріемахъ на показъ различнымъ уполномоченнымъ иностранныхъ державъ, чтобы тѣ воочію видѣли славныхъ рыцарей Тихаго Дона, грозную силу порубежную, берегущую окраины отъ вторженія враговъ и во имя Вѣры и Царя всегда готовыхъ обнажить оружіе.

¹⁾ . . . «Россійскій Дворъ, видя успѣшное начало своего вліянія на казаковъ, старался поддержать оное» — Сухоруковъ, «Ист. оп. земли в. Донского».

²⁾ «Опис. всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ Госуд. народовъ». Часть IV, Спб. 1799 г. и, напр., Высочайшій указъ 1732 г. № 7037 и 7039 о дачѣ старшинѣ Свѣчникову за пріѣздъ въ Петербургъ жалованія и на серебряный ковшъ и есаулу Грекову на саблю и кормовыхъ денегъ.

³⁾ Донскія дѣла 1625 г. Октября 19-го, 4-го, л. 10.

Съ службою столичной и вообще мирнаго времени въ предѣлахъ Государства, которую Донскому казначеству приходилось нести ко времени сформированія придворной команды, Донцы успѣли также познакомиться¹⁾. По почину Потемкина въ 1769 году были сформированы особыя гарнизонныя части или, вѣрнѣе отряды изъ всѣхъ родовъ оружія, подъ названіемъ «Петербургскаго и Московскаго легионовъ», въ составъ коихъ были назначены команды отъ Донскаго, Чугуевскаго, Уральскаго и Терскаго войскъ. Приблизительно въ это же время несут службу въ Петербургѣ и цѣлый «разъѣздной» казачій полкъ, само названіе котораго объясняетъ его назначеніе, а другой полкъ—Донскаго старшины Ивана Платова, отца знаменитаго графа, съ 1774 по 1776 годъ отправляетъ совершенно опредѣленную, по данной инструкции, службу поддержанія внутренняго порядка въ Москвѣ и Московской губерніи по трактамъ: Коломенскому, Московскому и Владимірскому, очищая губернію отъ разбойничьихъ партій, образовавшихся подъ вліяніемъ Пугачевщины. Между прочимъ, успѣшно дѣйствуя противъ этихъ партій и представивъ въ Москву отбитыя у разбойниковъ пушки и болѣе 500 плѣнныхъ, Платовъ былъ награжденъ чиномъ премьеръ-маіора и золотою медалью.

Стремясь къ «упорядоченію» службы казачьей, тѣмъ не менѣе, правительство относится весьма чутко къ «обрядамъ казачьимъ» и не стѣсняетъ казаковъ ни въ одеждѣ, ни въ прочей казачьей справѣ, въ которой они выходятъ на службу. Даже Петръ Великій, при всѣхъ Его западныхъ реформахъ, не тронулъ въ этомъ отношеніи самобытности Донцовъ, за что послѣдніе были безконечно благодарны²⁾.

Стрѣльцы XVIII столѣтія.

¹⁾ Напр., Указъ Императрицы Екатерины II 1765 г. іюля 1, № 8753 объ отправленіи [на Донъ находившейся въ лагерь при Красномъ Селѣ Донской калмыцкой команды и прибывшей изъ Смоленска Донской же казачьей пятисотной команды].

²⁾ Рѣчь Донскаго атамана Саввы Кочетова, обращенная къ Петру Великому въ 1705 г.: «Мы Донскіе казаки, пожалованы и изысканы великимъ Государемъ предъ другими народами. Къ намъ по сіе время не прислано Царскаго указа о бородахъ и платьяхъ. Мы и теперь носимъ платье по древнему своему обычаю, какое кому изъ насъ нравится: одни любятъ носить платье и обувь по-черкески и по-калмыцки, другіе привыкли ходить въ русскихъ платьяхъ стародавняго обычая, что кому лучше хочется, тотъ такъ и дѣлаетъ въ томъ между нами, казаками, распри или какого посмѣха не бываетъ. Нѣмецкаго же платья никто изъ казаковъ не носитъ, да и мастеровъ,

Со старины глубокой одѣваясь во что попало, а главнымъ образомъ «добывая себѣ зипуны съ вражескаго плеча», Донское казачество въ основѣ своей Русское, естественно тяготѣло къ Русскому платью, каковымъ и была въ общемъ его одежда¹⁾. Въ силу же географическихъ условій и обстановки, характеръ Донскаго платья, при развитіи нѣкотораго благосостоянія и осѣдлости на Дону, къ началу XVIII столѣтія выработался въ свой типъ съ извѣстнымъ восточнымъ отпечаткомъ, а именно: просторные шаровары заправленные въ остроносые азіатскіе сапоги, часто цвѣтнаго сафьяна, полукафтанье, весьма сходное съ нынѣшнимъ кавказскимъ бешметомъ, сверхъ него кафтанъ-черкеска съ длинными полами, вырѣзомъ и отворотами на груди, съ прорѣзными рукавами, въ которые можно было по желанію или продѣвать руки, или отвернувъ рукава, закидывать ихъ за спину, широкой мягкой поясъ, мѣховая шапка съ высокимъ верхомъ, заломленнымъ на сторону, и при томъ оружіе преимущественно азіатское. Все платье яркихъ цвѣтовъ изъ сукна, бархата и шелка, расшитое галунами и позументами. Но главнымъ украшеніемъ казачьяго наряда всегда было оружіе; оно кромѣ своихъ спеціальныхъ цѣлей являлось предметомъ удовлетворенія потребностей вкуса и стремленій къ изящному; на немъ сказывался характеръ казака, въ немъ была его гордость и тщеславіе. На первомъ планѣ среди оружія стояла сабля. Цѣнные сабли были съ золотою насѣчкою, съ серебряными, вызолоченными оправами, съ бирюзой и другими драгоценными камнями; «черены»—рыбьей кости или яшмовые, черепаховые, у болѣе простыхъ сабель роговые и костяные; ножны хозовыя и сафьянныя въ серебрѣ, золотѣ, усыпанные «самоцвѣтными камнями», иногда бархатные расшитые галунами; болѣе простыя оправлялись мѣдью часто серебрившейся. Щеголяли казаки и пистолетными ольстрами-чушками (кобурами), отвороты которыхъ по сафьяну или сукну расшивались золотомъ, серебромъ или шелками. Клинки шашекъ, сабель и кинжаловъ были большей частью турецкіе, персидскіе-булатные. Огнестрѣльное оружіе пистолеты и ружья—работы нѣмецкой, свейской и турецкой, — особенно славились винтовки-«турки». Это оружіе тоже бывало богато украшеннымъ въ серебрѣ, стволы въ золотой насѣчкѣ, а приклады выложенные костью, металлическими гвоздиками и перламутромъ. Сѣдла для казаковъ составляли предметъ не меньшей заботы чѣмъ оружіе, они были преимущественно восточныя: черкесскія, турецкія, персидскія, татарскія, венгерскія и иногда польскія. Самое сѣдло, арчакъ, бывало или вовсе безъ оправы, или «писано по дереву золотомъ», или крыто ящеромъ, въ серебрѣ, съ бирюзой или разукрашено—«выложено» серебряными съ чернью «штуками» и т. п. Сѣдельныя подушки крылись краснымъ, зеленымъ, гвоздичнымъ бархатомъ, сафьяномъ, сукномъ, шитыми шелками, золотомъ и серебромъ. Крылья, тебеньки изъ того же матеріала, какъ и подушки. Потники покрывались сафьяномъ

которые умѣли бы дѣлать нѣмецкое платье, нѣтъ въ нашихъ городкахъ. Кромѣ изволенія Государскаго, у насъ казаковъ, и охоты нѣтъ къ нѣмецкому платью, а если будетъ на то Государское изволеніе, то мы Его волѣ не будемъ противиться».

¹⁾ «Историческая справка о казачьей одеждѣ» Р. А. Хрещатицаго.

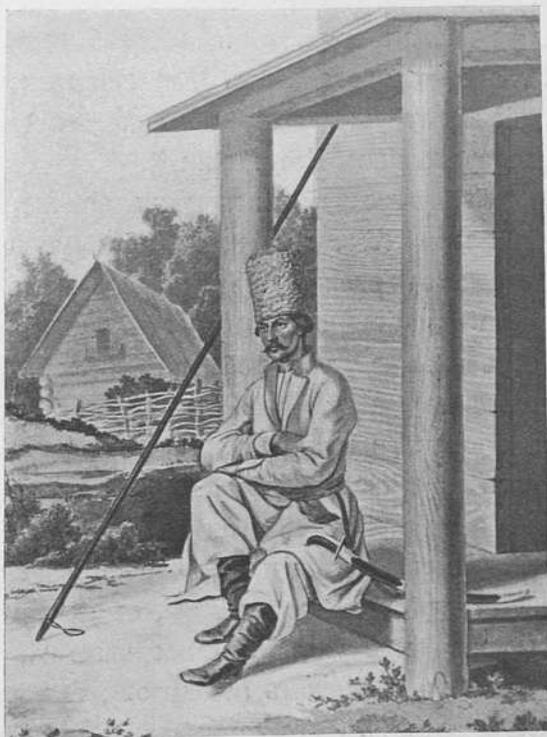
или бархатомъ, вышивались по угламъ, а иногда даже обкладывались нѣмецкимъ кружевомъ «золото съ серебромъ». Для покрытія сѣдель употреблялись «суконные платы»—чапраки шитые по угламъ золотомъ, серебромъ, шелками, или сафьянные «помереженные» галунами, или изъ какой-либо красивой звѣриной шкуры, напр., барсовой. Узды, пахвы и подперся—«оправныя» серебряныя, золоченныя «болванчатыя». Попоны «красныя греческія» или «черкескія, что называются коцы»¹⁾.—Конечно, это наиболѣе богатые, роскошные уборы,—были и простые монгольскіе арчаки съ какой-нибудь войлочной подкидкою, простого сыромятнаго ремня—на узелкахъ уздечки и т. д. Все дѣло случая, дѣло удачи, что кому въ добычу досталось.

Еще Войсковой Атаманъ Ефремовъ, дѣлая свое представленіе Правительству объ «установленіи положенія о войскѣ Донскомъ и его управленіи», находилъ своевременнымъ, сохраняя самобытный обликъ казаковъ, въ смыслѣ покроя ихъ платья, придать ему нѣкоторую оформленность на службѣ.

Хотя, въ общемъ, проектъ этотъ принятъ и не былъ, тѣмъ не менѣе въ царствованіе Императрицы Екатерины II, казаки уже выходятъ на службу въ платьѣ однообразнаго покроя съ цвѣтомъ сукна и приклада по войскамъ. Напримѣръ, для войска Донского: кафтанъ голубой, отвороты, обшлага и подкладка красныя, оторочка желтая, полукафтанье и шаровары голубыя, сапоги желтыя, кушакъ малиновый, шапка сѣрая, верхъ голубой.

Такого же типа была форма у казаковъ легіонныхъ командъ, для коихъ лишь были установлены цвѣта сукна—красный и зеленый, принятые въ регулярныхъ войскахъ того времени. Это же одѣяніе съ нѣкоторыми мелкими измѣненіями и отличіями было въ Придворной Казачьей командѣ.

Какъ было выше упомянуто, Потемкинъ въ началѣ Ноября мѣсяца 1774 года писалъ на Донъ Войсковому Атаману Сулину о вызовѣ на службу Придворной команды; вслѣдъ затѣмъ 17-го Ноября того же года Потемкинъ писалъ Генераль-Маіору Потапову, Оберъ-Коменданту крѣпости Св. Дмитрія (нынѣ гор. Ростовъ на Дону):

Казакъ крѣпости Св. Дмитрія XIII столѣтія.

¹⁾ Голодолинскій. «Исторія Сумскаго полка».

«Войска Донского войсковой канцеляріи предписано отъ меня, чтобы она, выбравъ изъ самыхъ лучшихъ и способнѣйшихъ въ оборотахъ казацкой службы 65 чело-вѣкъ на легкихъ и прочныхъ лошадяхъ, командировала въ Москву для употребле-нія при Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества Дворѣ; вслѣдствіе того имѣете Ваше Превосходительство въ доставленіи оныхъ казаковъ возможную оказать по-мощь и снабдя ихъ всѣмъ нужнымъ къ продовольствію въ пути, командировать съ ними для препровожденія до Москвы одного оберъ-офицера ¹⁾».

Вызывалась команда именно въ Москву для присутствованія вмѣстѣ съ Чугуев-ской казачьей командой и Лейбъ-гусарскимъ эскадромъ въ качествѣ конвоя Императрицы на торжествахъ по случаю заключенія съ Турціей Кучукъ-Кай-нарджійскаго мира въ Іюнь 1775 года. Чугуевская придворная казачья команда была сформирована изъ Чугуевскихъ казаковъ, состоявшихъ при Петербургскомъ легіонѣ, отпущенныхъ домой по расформированіи его въ 1775 году и вызванныхъ распоряженіемъ Потемкина ²⁾.

Лейбъ-гусарскій эскадронъ его же распоряженіемъ былъ набранъ Премьеръ-Маіоромъ Штеричемъ изъ армейскихъ Ижорскихъ полковъ ³⁾.

Форма одежды Донской команды была слѣдующая: кафтаны изъ зеленого сукна съ отвороченнымъ верхомъ и съ длинными подъ пазухою прорѣхами, устроенными такъ, чтобы рукава можно было по произволу надѣвать или закла-дывать за спину; подбой на рукавахъ красный; обшивка изъ серебрянаго галуна, съ эполетами изъ серебра, съ краснымъ шелкомъ; полукафтаны и шаровары изъ красного сукна, послѣдніе съ зеленою суконною выкладкою и съ нашивками по ней изъ серебрянаго шнурка; сапоги изъ чернаго сафьяна; поясъ изъ чернаго стамеда; галстукъ изъ чернаго флера; перчатки замшевыя безъ обшлаговъ, шапка опушенная черною смушкою, съ краснымъ выпуклымъ верхомъ, расшитымъ сереб-ряными галунами, съ серебряною-же на оконечности верха кистью, бѣлымъ султаномъ и бантомъ (кокардой); епанча бѣлая; шашка на узкомъ ремнѣ, черной кожи, карабинъ безъ штыка съ мѣднымъ приборомъ; погонный и лядуночный ремни съ пряжками, запряжниками и наконечниками посеребренными, а первый еще и съ желѣзнымъ крюкомъ, обшитые во всю ширину серебрянымъ галуномъ съ узкою по краямъ серебряною бахромою; лядунка изъ черной яловочной кожи, обложенная краснымъ сукномъ и украшенная по краямъ крышки—узкимъ сереб-рянымъ галуномъ, а по срединѣ ея высеребреннымъ Государственнымъ гербомъ; пика съ краснымъ древкомъ; при сѣдлѣ пара пистолетовъ; чапракъ изъ бѣлаго сукна, съ обшивками, вензелями Императрицы и выкладками бѣлыми же, и чемо-данъ бѣлый. Остальныя принадлежности конскаго убора тѣ же, что и во всѣхъ пикинерныхъ полкахъ. Офицерская форма отличалась только тѣмъ, что галунь былъ шире и по всѣмъ швамъ, сапоги съ серебряною обшивкою; вмѣсто поя-

¹⁾ Ордеръ канцеляріи Потемкина изъ дѣль 1774 г. за № 452.

²⁾ Ордеръ Потемкина Полковнику Михельсону 2-го Апрѣля 1775 г. за № 351.

³⁾ «Столѣтіе военнаго министерства». Исторія государевой свиты.

Офицеръ и казакъ Лейбъ-казачьей Чугуевской Придворной команды
1775—1790 гг.

совъ—золотые съ чернымъ шелкомъ шарфы и чапраки съ галуномъ и вензелями серебряными. Вседневная форма для казаковъ была такая же, но обшивка, вмѣсто галуна, изъ бѣлаго нитянаго шнурка и съ махромъ на шапкѣ вмѣсто серебра изъ бѣлаго и краснаго гаруса, галстукъ изъ чернаго стамеда, погонный, лядуночный ремни и лядунка безъ обшивокъ съ луженымъ приборомъ, а чапракъ красный съ обшивкой бѣлаго сукна,—остальное то же, что и въ парадной формѣ.

Форма Чугуевской команды была такая же, но лишь обратныхъ цвѣтовъ: кафтанъ алый, полукафтанье бѣлое, шаровары зеленые съ алой выкладкой, чапракъ алый съ бѣлымъ ¹⁾).

Вмѣстѣ съ установленіемъ формы, желая вооружить придворныхъ казаковъ однообразнымъ оружіемъ, по распоряженію Потемкина на Тульскіе оружейные заводы были препровождены образцы, по которымъ предписано съ возможной поспѣшностью для служащей при Дворѣ Казачьей команды приготовить: карабиновъ 138, сабель 151, пистолетовъ 151, пикъ желѣзныхъ 148 ²⁾). Оружіе это не было похоже на существовавшее тогда въ Россійской арміи и отличалось оригинальностью отдѣлки, отгнѣняющей казачью самобытность; это можно заключить изъ фразы, помѣщенной въ ордерѣ, написанномъ по поводу отсылки денегъ за изготовленное оружіе: «на сдѣланные при Тульскихъ оружейныхъ заводахъ ко Двору Ея Императорскаго Величества по азіатскому манеру ружья, пистолеты, сабли и копейные кинжалы употребленные деньги 1.257 руб. 53³/₄ коп. препровождаю при семъ» ³⁾).

Получилъ Войсковой Атаманъ предписаніе Потемкина, посовѣтовался со старшинами, разослалъ «цидулки» по станицамъ, и вотъ, пока тамъ выбирали и снаряжали казаковъ, подоспѣла и бумага отъ Потапова.

Станицы тѣмъ временемъ провожали своихъ «добрыхъ молодцевъ» на почетную службу Царскую: по старинному испоконъ вѣковъ заведенному обряду: рано утромъ, лишь забрежжила заря у станичныхъ воротъ, откуда должны выходить казаки, собирается народъ, одѣтый по праздничному. Въ домѣ уже сидятъ всѣ родные и друзья «служиваго». Еще вчера помолились всей станицей въ храмѣ Божьемъ, а сегодня послѣ обычныхъ сборовъ и приготовленій, отправляемый казакъ, одѣтый и при полной походной справѣ, усердно молясь на образа, кладетъ земные поклоны. Отецъ, бывалый самъ въ походахъ, беретъ икону и, благословляя сына, торжественно его напутствуетъ: «вотъ икона святая, дорогой сынъ, помни Бога, не забывай его заповѣдей, служи Царицѣ вѣрой и правдой и слушайся своихъ начальниковъ. Помни родителей своихъ и не забывай, что они вспоили и вскормили тебя на службу Царскую... Вотъ тебѣ благословіе отъ меня и отъ твоей родительницы и знай, что съ вѣрой въ Бога и Его Пречистую Матерь тебѣ не

¹⁾ «Историческое описаніе одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ» Висковатова, ч. 5-я, изданное по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію въ 1844 г.

²⁾ Ордеръ Потемкина Генераль-Маіору Жданову отъ 12-го Мая 1775 года за № 659.

³⁾ Ордеръ Потемкина Генераль-Поручику Жукову отъ 5-го Сентября 1775 года за № 1377.

будуть страшны ни вражескія пули, ни копыя, ни мечи. Послужи Матушкѣ-Царицѣ, какъ и дѣды, и отцы твои служили».

Поклонится казакъ въ ноги отцу, матери, дядямъ и теткамъ, обнимаетъ жену

и дѣтей, цѣлуется со всѣми, говоря: «прости меня, родной батюшка, прости, родная матушка, прости, милая жена, ждите меня, Богъ дастъ, возвращусь». Женщины всхлипываютъ, но мужчины хранятъ торжественное молчаніе,—вѣдь они сами испытывали то же самое или испытаютъ въ скоромъ времени. Потомъ выходятъ всѣ изъ дома, казакъ грустнымъ взоромъ окидываетъ свой родной дворъ, свой садъ и все, что дорого и мило ему и что такъ близко связано съ его дѣтствомъ и юностью. Одинъ изъ подростковъ—братишко или родственникъ выносить за дворъ пику, другой за нимъ ведетъ коня, снаряженного въ полную походную сбрую, за ними уже идутъ всѣ. Шествіе направляется вдоль улицы за станицу. Рядомъ съ казакомъ идутъ отецъ, мать, жена съ ребенкомъ на рукахъ и родственники, за ними народъ. Молчаніе прерыва-

Казакъ время Императрицы Екатерины II.

ется: одинъ изъ казаковъ, провожающихъ служиваго, заводитъ заунывную старинную казачью пѣсню; ее подхватываютъ всѣ:

«Путь-дороженька пролегала здѣсь,
Какъ по той-то по дороженькѣ
Да шель въ службу молодець.
Провожали его отецъ-мать родные,
Жена милая, всѣ пріятели.
Тихій Донъ шумѣлъ,
Онъ поклонъ ссылалъ
Своимъ дѣтушкамъ въ дальню сторону»...

За станицей на большой дорогѣ «шляхѣ» видны толпы народа, это собрались провожать служивыхъ. Всѣ соединяются и идутъ вмѣстѣ. Пройдя около версты, дѣлаютъ привалъ. Появляется вино и начинается угощеніе. Пѣсни не умолкаютъ. Служивые казаки пьютъ мало и глядятъ какъ-то сосредоточенно, съ сознаниемъ важности минуты и своего долга. Черезъ часъ-два настаетъ послѣднее

прощаніе. Слышенъ плачь женъ, дѣтей и матерей. Вотъ завели печальную прощальную пѣсню:

«Ты прости, прощай,
Тихій Донъ сынъ Ивановичъ»...

Громко несется пѣсня надъ безбрежной равниной, уже проснувшейся, а вдали блеститъ широкой, привольный Донъ, съ заросшими мелкимъ лѣсомъ и подернутыми дымкой берегами. Казаки уже на коняхъ; кони рвутся, бьютъ копытами землю и грызутъ удила. Вотъ жена подала мужу ребенка, а онъ посадилъ его въ сѣдло... Сама же она обвила руками шею коня, плачетъ, «жалится» и молитъ коника принести назадъ ея милаго друга. Послѣдняя минута. Казаки снимаютъ шапки, кланяются и крестятся... дробно застучали копыта, блеснули на солнцѣ пики и все исчезло вдали. Народъ постепенно расходится, медленно идутъ старики и каждый изъ нихъ по своему толкуетъ о походѣ, а иные вспоминаютъ и свою прежнюю боевую жизнь и дѣла ¹⁾.

Къ Рождеству собрались всѣ казаки, назначенные въ Придворную команду въ Черкасскъ, гдѣ ихъ смотрѣлъ Войсковой Атаманъ и принялъ назначенный начальникомъ команды Полковникъ Василій Петровичъ Орловъ. Отслуживъ напутственный молебенъ, послѣ новаго года тронулись казаки въ дальній походъ; къ командѣ присоединился назначенный сопровождать ее и доволствовать въ пути, отъ Генерала Потапова, Поручикъ Матзянинъ.

Совершивъ долгій, тяжелый зимній переходъ, команда прибыла въ Москву въ послѣднихъ числахъ Февраля 1775 года. Ожидая команду, еще 7-го Февраля Потемкинъ далъ предписаніе главной провіантской канцеляріи: «чтобы по требованіямъ начальства имѣющей прибыть Донской команды, отпускались потребные по числу составляющихъ ее людей и лошадей продовольствіе и фуражъ... оная команда по близости Москвы уже находится ²⁾». Прибывъ въ Москву, команда была расположена на постой по обывательскимъ квартирамъ, какъ стояло въ то время, за неимѣніемъ казармъ, большинство войсковыхъ частей. Вслѣдъ затѣмъ Потемкинъ извѣстилъ Коменданта крѣпости Св. Дмитрія, что «Крѣпости Св. Дмитрія Поручикъ Матзянинъ съ выбранными отъ Войска Донского казаками сюда (т. е. въ Москву) прибылъ ³⁾».

Вмѣстѣ съ этимъ извѣщеніемъ Генераль-Маіору Потапову была послана на провѣрку выданная Поручику Матзянину книга для записи прихода и расхода денегъ и фуража во время пути.

Всего въ прибывшей командѣ было 77 человекъ и 158 лошадей, такъ что каждый казакъ былъ о дву-конь ⁴⁾. Овесъ и сѣно отпускались въ количествѣ, опредѣленномъ для кавалерійскихъ лошадей, но такъ какъ непривычныя степныя

¹⁾ Изъ «Проводовъ казака» Е. Савельева.

²⁾ Сообщение глав. провіантской канцеляріи отъ 7-го Февраля 1775 года за № 89.

³⁾ Ордеръ Канцеляріи Потемкина отъ 30-го Марта 1775 года за № 345.

⁴⁾ Сообщение Потемкина Московскому провіантскому правленію отъ 6-го Іюня 1775 года за № 769.

лошади плохо выѣдали казенный фуражъ, то, чтобы онѣ не скучали по пастбищу, казачьей командѣ близъ села Коломенскаго былъ отведенъ для табуна лугъ, отданный подъ расписку Полковнику Орлову ¹⁾. Прибывшей въ началѣ Іюня того же года въ Москву Чугуевской командѣ, были отведены луга также для пописа лошадей ²⁾.

Несмотря на старательность и усердіе, приложенныя войсковымъ начальствомъ при выборѣ казаковъ въ Придворную команду, требовательность Потемкина была не вполне удовлетворена и на первомъ же смотре 23 человекъ были имъ отставлены и замѣнены новыми, спѣшно потребованными съ Дону ³⁾.

Эта спѣшность вызывалась скорымъ прїѣздомъ Императрицы въ Москву для празднованія мира, — были уже получены извѣщенія, что Государыня съ Дворомъ въ пути.

Прїѣхавъ въ Москву, Императрица пожелала успѣхъ русскаго оружія отпраздновать особеннымъ торжествомъ. Въ это время въ Москву собрались войска. На Ходынскомъ полѣ шли дѣятельныя приготовленія къ предстоящимъ торжествамъ. Императрица принимала самое живое участіе въ приготовленіяхъ. Будучи недовольна сочиненными проектами торжествъ, находя ихъ похожими на всѣ праздники, по собственному выраженію Императрицы, какъ-то: «храмъ Януса, храмъ Бахуса, храмъ дьявола и его бабушки и пресловутыя аллегоріи», Императрица позвала къ себѣ архитектора Баженова и сказала ему: «другъ мой, въ трехъ верстахъ отъ города есть лугъ; вообрази себѣ, что этотъ лугъ—Черное море, что изъ города доходятъ до него двумя путями; ну такъ одинъ изъ этихъ путей будетъ Донъ, а другой—Днѣпръ; при устьѣ перваго вы постройте обѣденный залъ и назовите его Азовъ; при устьѣ другаго вы устройте театръ и назовите его Кинбургъ. Вы обрисуйте пескомъ Крымскій полуостровъ, тамъ поставьте Керчь и Еникале — двѣ большія залы; налѣво отъ Дона вы расположите буфетъ съ виномъ и мясомъ для народа. Противъ Крыма вы зажжете иллюминацію, чтобы представить радость обѣихъ Имперій о заключеніи мира. За Дунаемъ вы устройте фейерверкъ, а на лугу, который долженъ представлять Черное море, вы разставьте освѣщенные лодки и суда; берега рѣкъ, въ которые обращены дороги, вы украсьте ландшафтами, мельницами, деревьями, освѣщенными домами—и вотъ у васъ будетъ праздникъ безъ вымысловъ, но зато прекрасный, а особливо естественный».

Торжества по случаю мира начались пышнымъ въѣздомъ Императрицы въ Кремлевскій дворецъ.

10-го Іюня, въ 6 часовъ утра, прогремѣло пять пушечныхъ выстрѣловъ. По этому сигналу всѣ вызванныя въ Москву войска для участія въ торжествахъ «поставлены были въ парадъ», начиная отъ соборной церкви, по тѣмъ улицамъ, гдѣ должна была проѣхать Императрица, до самаго дворца у Пречистенскихъ

¹⁾ Сообщение Потемкина отъ 22-го Іюня 1775 года за № 985.

²⁾ Ордеръ Потемкина Московской губ. канцел. отъ 19-го Іюня 1775 года за № 921.

³⁾ Предписаніе Потемкина на Донъ отъ 2-го Апрѣля 1775 года № 365.

воротъ. Въ половинѣ десятаго Государыня прибыла изъ Пречистенскаго дворца въ Кремль, а затѣмъ изъ внутреннихъ покоевъ, при звукахъ трубъ и литавръ, послѣдовалъ Высочайшій выходъ въ Успенскій соборъ. Государыня шествовала въ малой коронѣ и въ Императорской мантии подъ балдахиномъ, которые несли восемь Генераль-Маіоровъ съ такимъ же числомъ ассистентовъ.

По совершеніи литургіи былъ отслуженъ благодарственный молебенъ. При началѣ пѣнія «Тебе Бога хвалимъ» началась пальба изъ всѣхъ пушекъ, «продолжавшаяся во все время троекратной пальбой изъ ружей, бѣглымъ огнемъ, бывшими солдатами въ строю».

По окончаніи торжественнаго молебна Государыня изъ собора направилась при той же церемоніи въ Грановитую палату и тамъ, сѣвъ на тронъ, принимала «поклонное поздравленіе».

Тутъ Генераль-Прокуроромъ были прочитаны жалуемые награды. Вслѣдъ за этимъ послѣдовалъ необыкновенно пышный отъѣздъ Государыни изъ Кремля во дворецъ.

Когда Государыня сѣла въ парадную карету, запряженную восемью лошадьми, былъ данъ сигналъ 41 пушечнымъ выстрѣломъ и шествіе началось.

Впереди ѣхалъ конвой Лейбъ-гусаръ и Лейбъ-казаковъ, за нимъ чины по церемоніалу, потомъ карета Государыни, а за ней конвой Конной-гвардіи; шествіе замыкалось конвоемъ Лейбъ-кирасиръ. Въ то самое время, когда данъ былъ сигналъ къ отъѣзду, Генераль-Маіоръ Потемкинъ съ двумя генералами, «имѣвшими мѣшки съ жетонами», ѣхалъ верхомъ и раздавалъ по жетону солдатамъ, находящимся въ строю, а народу бросалъ въ толпу.

По прибытіи Государыни къ Пречистенскому дворцу, еще была «учинена пальба изъ 101 пушки». Вечеромъ въ домахъ была зажжена иллюминація ¹⁾.

21-го Іюня на Ходынскомъ полѣ въ присутствіи Императрицы начались увеселенія и игры. Въ этотъ день Государыня посѣтила «Азовскую крѣпость», гдѣ былъ приготовленъ для ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА обѣдъ.

23-го Іюня были зажжены иллюминація и фейерверкъ, и состоялись маскарадъ и прочія увеселенія ²⁾.

Войсковой Атаманъ Графъ М. И. Платовъ.

¹⁾ Описаніе всенародн. торж., бывш. 1775 г. Рум. муз. ^{2/124}.
²⁾ Дневникъ Поручика Васильева.—Пам. древн. письм. 1896 г.

По окончаніи торжествъ Донская команда нѣкоторое время еще оставалась въ Москвѣ. Заботясь о томъ, чтобы смѣна командъ могла быть произведена своевременно, тогда же Потемкинъ писалъ Атаману Иловайскому: «На смѣну состоящей при Дворѣ Ея Императорскаго Величества отъ Донского войска команды имѣете выбравъ порядочнаго поведенія, самыхъ лучшихъ видомъ и ростомъ и доброконныхъ казаковъ, такое же число, какое нынѣ здѣсь состоитъ, отправить оныхъ съ полковникомъ Орловымъ, снабдивъ его на покупку дорогою фуража и провіанта потребною суммою, по прибытіи котораго возвращена будетъ въ Черкасскъ вся состоящая» ¹⁾. Въ то же время начальнику команды Полковнику Орлову было предписано: «ѣхать на Донъ и, выбравъ команду, привести, а во время отсутствія Вашего препоручите здѣсь команду надъ казаками старшему по Васъ» ²⁾.

Полковникъ Орловъ, уѣзжая на Донъ, передалъ начальство надъ оставленною командою Есаулу Баранову, которую въ Декабрѣ того же года Барановъ повелъ обратно на Донъ. Передъ самымъ выходомъ команда еще разъ удостоилась служить конвоемъ Императрицѣ отъ Калуги до Тулы, по случаю предпринимавшагося тогда Екатериною II путешествія по Югу ³⁾.

Для этой цѣли Конвойная казачья команда была расположена въ слѣдующихъ 4-хъ пунктахъ: въ деревнѣ Алешнѣ, въ селѣ Титовѣ, въ Посошкахъ и въ гор. Калугѣ; во всѣхъ этихъ мѣстахъ были поставлены партіи казаковъ при офицерѣ и каждая партія сопровождала Императрицу до слѣдующаго пункта. Въ г. Тулѣ встрѣтились обѣ команды—новая, идущая съ Дона съ Полковникомъ Орловымъ и старая, возвращавшаяся на родину. Послѣдняя получила въ Калугѣ всѣ принадлежащія казакамъ пожитки, заранѣе туда свезенные и сложенные; форменные верхніе зеленые кафтаны, однако, отъ казаковъ были отобраны, эти кафтаны, а также казенное оружіе и всѣ амуничныя вещи были приняты Полковникомъ Орловымъ по описи отъ Есаула Баранова ⁴⁾.

Насколько Донцы хорошо зарекомендовали себя при Дворѣ, въ первый же годъ службы, видно изъ того что писалъ Потемкинъ, отпуская первую команду на Донъ—Атаману Иловайскому: «избранную Вами для конвоя при Дворѣ Ея Императорскаго Величества отъ Войска Донского команду, въ бытность мою въ Тулѣ, я смотрѣлъ и учиненный выборъ людей приѣмлю съ истиннымъ признаніемъ; находящуюся нынѣ конвойную команду, по приложенному при семъ списку, возвращаю въ Черкасскъ, съ тѣмъ, что производимая оною въ нынѣшнемъ году при Дворѣ служба, всегдашняя исправность и честное поведеніе той команды, не токмо самимъ мною засвидѣтельствовано, но, къ чести цѣлаго Войска, Высочайшею Ея Величества персоною усмотрѣно; въ разсужденіи

¹⁾ Предписаніе Потемкина отъ 13-го Августа 1775 г. за № 1238.

²⁾ Тотъ же номеръ.

³⁾ Приказъ Потемкина Конвойной Казачьей команды Есаулу Баранову отъ 3-го Декабря 1775 г. за № 2312.

⁴⁾ Приказъ Потемкина Орлову отъ 20-го Декабря 1775 г. за № 2480.

сего и имѣете Вы въ полномъ собраніи всей канцеляріи учинить ей отъ Войска похвалу и благодарность»¹⁾.

Осмотрѣнная въ Тулѣ Потемкинымъ новая Донская Казачья команда, по прибытіи въ Москву, сейчасъ же вмѣстѣ съ Чугуевской командой, подъ общимъ начальствомъ полковника Орлова, выступила въ Петербургъ согласно слѣдующаго приказа: «Его Сіятельство (графъ Потемкинъ) изволилъ приказать, чтобы вы (полковникъ Орловъ) съ конвойными командами Донскою и Чугуевскою явились въ команду господина Лейбъ-Гвардіи премьеръ-маіора и кавалера Федора Матвѣвича Толстова, отъ котораго будете отправлены въ С.-Петербургъ».

По прибытіи въ Петербургъ, казачьимъ командамъ были отведены за Александро-Невскою лаврою нѣкъмъ не занятыя въ то время «Кирасирскія конюшни

*Ansicht von St. Petersburg und Russischen Kriegern
1. Husar. 2. Bashkirs. 3. Tscherkise. 4. Calmuck. 5. Cofack. 6. Tartar*

и имѣющіяся при оныхъ свѣтлицы», и велѣно—«для отопленія и освѣщенія тѣхъ свѣтлицъ отпускать дрова и свѣчи на томъ же самомъ основаніи, какъ предъ симъ, во время Кирасирскаго поста отпускалось, а равнымъ образомъ людямъ провіантъ и на лошадей фуражъ отпускать такъ, какъ въ Москвѣ»²⁾.

И, какъ въ Москвѣ же, казакамъ отвели обширное поле для попаса лошадей, такъ называемое Рожковское.

Петербургъ того времени значительно отличался отъ настоящаго, занимая гораздо меньшую площадь, такъ что казаки стояли вполнѣ за городомъ. Фон-

¹⁾ Ордеръ Потемкина Войску Донскому отъ 19-го Декабря 1775 года за № 2438.

²⁾ Предписаніе Главн. провіантск. канцеляріи отъ 21-го Января 1776 г. за № 149.

танка, напрімѣрь, была также загородною мѣстностью и придворные служители стрѣляли на ней весной и осенью дикихъ утокъ. Дворцы вельможъ того времени, стоявшіе на широкихъ дворахъ съ прудами и оранжереями и обширными садами на «Фонтанной рѣчкѣ», давали всей этой мѣстности видъ приволья и простора. Здѣсь проводили лѣто «на дачѣ» сановники, а нѣкоторые опальные, которымъ былъ воспрещенъ вѣздъ въ столицу, какъ, напрімѣрь, извѣстный своими дебошами въ Екатерининское время графъ Апраксинъ, и зимой. Около Чернышева переулка была загородная дача Чернышева, уголь Невскаго и Лиговки былъ пустырь, огороженный частоколомъ и тамъ росъ лѣсъ, мѣсто это называлось «Старый Егерскій дворъ». Тамъ, гдѣ теперь Казачій переулокъ, при Екатеринѣ II дѣйствительно жили казаки, пріѣзжавшіе изъ Войска въ столицу, имѣли тамъ свой домъ и мѣсто это называлось «Казачье подворье».

Турецкій наѣздникъ XVIII столѣтія.

Главныя улицы, примыкающія къ Адмиралтейству, были вымощены камнями, а остальные досками. Лучшія постройки были на набережной Невы.

Размѣстившись на новосельѣ, начали казаки нести свою новую службу. Придворныя команды пользовались весьма виднымъ положеніемъ, благодаря своему назначенію служить конвоемъ для Императрицы; выѣзды Екатерины II въ городѣ, довольно рѣдкіе, всегда отличались большой пышностью,—впереді кареты открывали путь Лейбъ-гусары и Лейбъ-казаки; запряжка была съ фореиторами на унось, позади кареты слѣдовалъ такой же отрядъ; вечеромъ дорогу освѣщали факелами, которые везли всадники. При переѣздѣ Государыни изъ Петербурга въ Царское и обратно казаки конвоировали Ея Величество, а во время нахождения Двора въ Царскомъ Селѣ, они содержали тамъ караулы и разѣзды, помѣщаясь за Дворцовымъ садомъ въ «Казачьемъ Дворѣ». По поводу службы казаковъ, Потемкинъ въ одномъ изъ своихъ ордеровъ на Донъ говоритъ, что «находящіяся при Дворѣ казачьи команды имѣютъ счастье служить предъ лицомъ Ея Императорскаго Величества и, находясь въ столь знаменитомъ посту, составляютъ репутацію и честь тому Войску, изъ котораго онѣ взяты»¹⁾. Иной разъ Лейбъ-казакамъ случалось и развлекать Государыню и Ея высокихъ гостей,—такъ, въ Камеръ-фурьерскомъ журналѣ въ описаніи пребывания Двора въ Москвѣ на Кучукъ-Кайнарджійскихъ торжествахъ мы читаемъ: 7-го Сентября, «...Ея Императорское Величество соизволила изъ села Царицына слѣдовать на судахъ водою на Царе-

¹⁾ Отъ 13-го Сентября 1776 года за № 2741 дѣло походной канцеляріи Потемкина.

Борисовскіе пруды ... и смотрѣла ловленіе рыбы казаками. Послѣ сей рыбной ловли возвратилась Ея Императорское Величество со всѣми персонами во Дворецъ въ экипажахъ въ село жъ Царицыно въ 6-мъ часу ... по семъ, господа чужестранные министры и прочія бывшія въ свитѣ обоего пола персоны кушали вечернее кушанье, на которой столъ поставлена была уха вареная казаками изъ ловленной рыбы».

Многіе изъ числа казаковъ Придворной Донской команды были заслуженные и испытанные въ бою воины, что видно изъ рапорта Потемкина въ Государственную военную Коллегію отъ 16-го Марта 1776 года за № 662, гдѣ онъ пишетъ, что «находящимся въ придворной Ея Императорскаго Величества конвойной командѣ казакамъ, бывшимъ въ походахъ во время Турецкой войны противъ непріятеля и при истребленіи изверга Пугачева, прошу пожалованныя при торжествѣ мира съ Портою Оттоманскою медали отпустить».

Въ это время были окончательно составлены и утверждены Императрицею штаты Придворныхъ Казачьихъ командъ ¹⁾, а именно:

Донская Придворная Лейбъ-казачья команда:

Полковникъ—1, въ годъ содержанія 400 руб. и фуража на 8 лошадей.

Есауловъ поручикскаго чина—4, содержанія каждому въ годъ 120 рублей и фуража на 3 лошади.

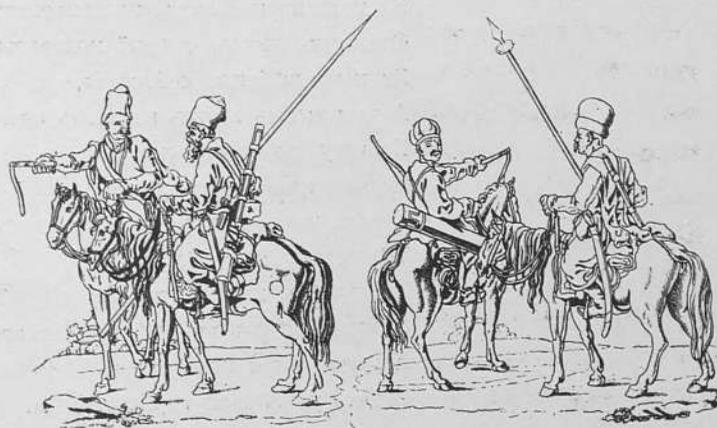
Строевыхъ казаковъ 65 челов., содержанія въ годъ каждому 24 руб. и фуража на 2 лошади.

Денщиковъ-казаковъ 7 челов., содержанія въ годъ также каждому 24 руб. и фуража на 2 лошади.

Кромѣ того, нижнимъ чинамъ провіантъ деньгами, по тогдашней оцѣнкѣ на 72 челов.—289 руб. 57½ коп. въ годъ.

Мирно текла жизнь Донцовъ при Дворѣ Императрицы, много чести было имъ, хоть много и времени отнимала эта служба, съ ея многочисленными дворцовыми нарядами; непривычная обстановка, по сравненію съ Донскимъ привольемъ, климатъ и угрюмая Петербургская природа, порою наводили тоску

на казаковъ и они, вспоминая о далекомъ Тихомъ Донѣ, только и отводили душу, что въ своихъ пѣсняхъ, да выслушивая вѣсти о домѣ отъ пріѣзжавшихъ въ Петербургъ съ «зимовыми и легковыми станицами».

Donische Kosacken.

Tartaren.

¹⁾ 7-го Мая 1776 г. полное собран. зак. Россійской Имперіи, т. XLIII, ст. 14467.

Весною, какъ всегда, вмѣстѣ съ Дворомъ, конвоируя Государыню, Лейбъ-казаки перебрались въ Царское Село, гдѣ размѣстились въ своемъ дворѣ у Дворцоваго сада. Здѣсь Лейбъ-казакамъ пришлось показать себя и передъ иностранцами,— такъ во время прїѣзда въ Маѣ 1776 года ко Двору Императрицы Генриха принца Прусскаго, послѣ прогулки въ саду, на мызѣ Славянка графа Воронцова, принцъ смотрѣлъ «казацкія экзерциціи» Лейбъ-казаковъ, которыя, какъ и сами Лейбъ-казаки, произвели на него большое впечатлѣніе ¹⁾).

Однажды, собравшись на досугѣ попѣть свои пѣсни, они такъ увлеклись, что не замѣтили Императрицу, которая, гуляя въ паркѣ, заинтересовалась стройнымъ пѣніемъ, подошла и слушала. Хорошо пѣли казаки. Они пѣли свою старинную пѣсню:

«Ахъ ты, Волга ли, Волга-матушка,
Широко ты, Волга, разливаешься,
Что по травушкамъ, по муравушкамъ,
По сыпучимъ пескамъ, да по камушкамъ,
По лугамъ, лугамъ зеленымъ,
По цвѣтамъ, цвѣтамъ по лазоревымъ...
На твоихъ вокругъ, на крутыхъ берегахъ
Много бродить людей во твоихъ лѣсахъ,
Во привольи имъ спокойно спать,
На просторѣ полянъ—хорошо отдыхать.
Не подъ грушею, подъ цвѣтушею,
Не подъ яблонью, подъ кудрявою,
Что подъ дубомъ ли, подъ развѣсистымъ,
Подъ тѣмъ деревомъ, подъ расцвѣтистымъ,
На коврахъ цвѣтныхъ, понахмурившись,
Отдыхалъ, лежалъ добрый молодецъ:
На немъ шубушка соболиная,
А за поясомъ востръ наточень ножъ...
По челу его богатырскому
Ходятъ тучею думы-думушки...
Передъ нимъ стоятъ подбоченившись
Три помощника разудалые,
Не шумить, не гремитъ сыръ могучій боръ:
Степанъ Разинъ въ набѣгъ собирается,
А дружина его молодецкая
Выдать удалъ свою порывается ²⁾».

Только что закончили казаки первый куплетъ пѣсни, и запѣвало было завель дальше, какъ повель глазами, смотритъ—стоитъ Императрица... Замолкли казаки,

¹⁾ Камеръ-фурьерскій журналъ 1776 г.; вообще Лейбъ-казаки производили большое впечатлѣніе своимъ своеобразнымъ видомъ не только на иностранцевъ, но и на своихъ, что видно изъ постоянного подчеркиванья казачьихъ особенностей даже въ томъ же Камеръ-фурьерскомъ журналѣ: «... шествіе началось слѣдующимъ порядкомъ: 60 человекъ казаковъ съ ихъ пиками» подъ командою своего начальника ѣхали верхами, по два въ рядъ... — изъ описанія торжествъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира въ 1775 году.

²⁾ Изъ собранія старинныхъ казачьихъ пѣсенъ Р. А. Хрещатицкаго.

сняли шапки и вытянулись. Императрица спросила, что это они пѣли, — красивая пѣсня,—пускай продолжаютъ. Замялись казаки,—неловко,—думаютъ, какъ моль ее продолжать, когда дальше про Разина поется, — не ровень часъ прогнѣвается Государыня, а дѣлать нечего, пѣть надо. Казачья сметка выручила: «не подъ грушею, подъ цвѣтущею, что подъ яблонью подъ кудрявою,

«Молодецъ дѣвку журиль-браниль,
Журиль браниль, все добру училь.
Ахъ ты, дѣвка, дѣвка красная,
Не ходи ты, дѣвка молода, замужъ,
Ты спроси, дѣвка, отца-матери,
Отца-матери, роду-племени,
Накопи, дѣвка, ума-разума,
Ума-разума, приданова !)».

Сѣмпровизировали продолженіе пѣсни казаки.

Императрицѣ такъ понравилась пѣсня и ея поучительное содержаніе, что Она тутъ же приказала записать ее начальнику придворной пѣвческой капеллы. Отсюда и получился вариантъ этой пѣсни подъ названіемъ «Волга Екатерининская».

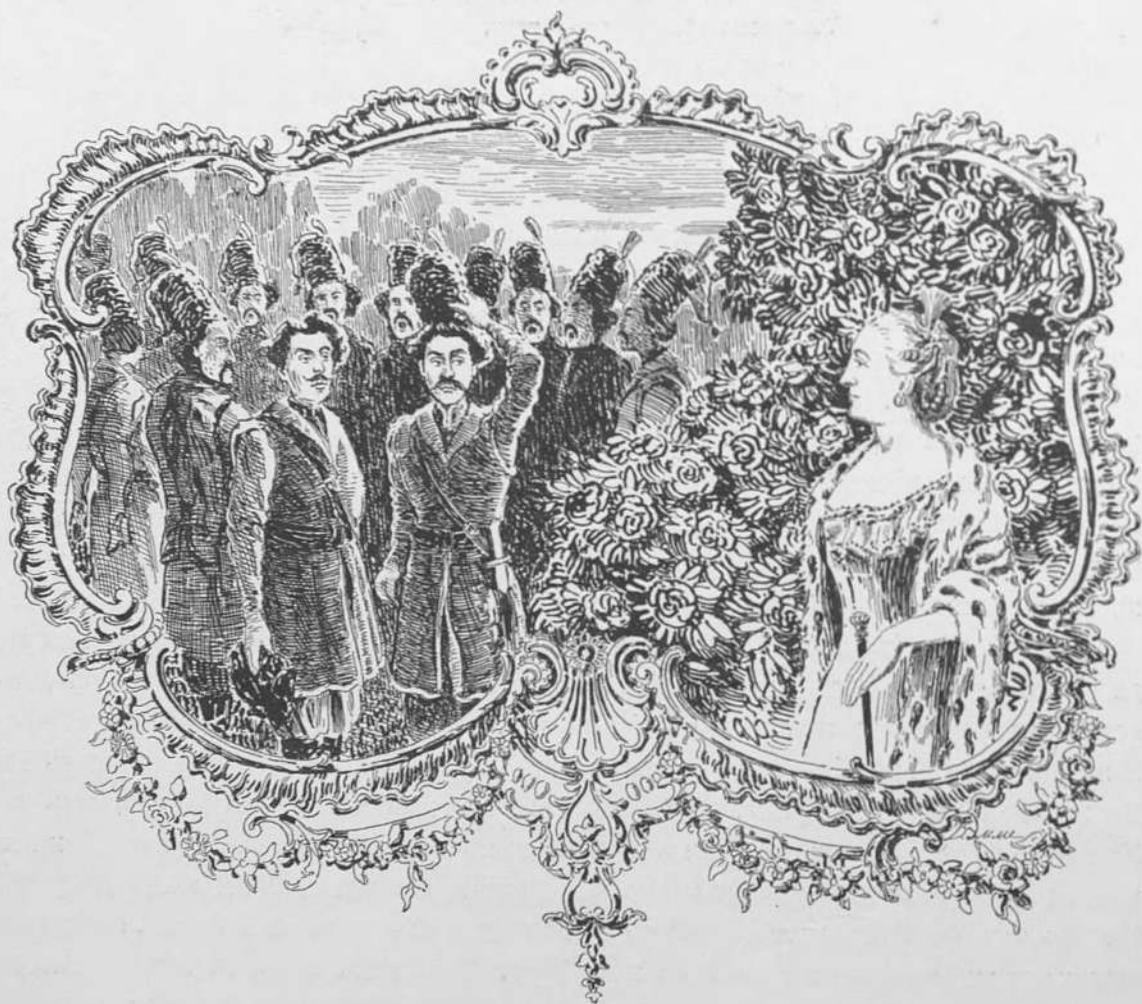
Вскорѣ послѣ этого случая, еще разъ обратила свое вниманіе Императрица на казаковъ по особому обстоятельству: однажды группа придворно-служащихъ, въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ, переправлялись на плотикѣ черезъ каналъ между Дворцовымъ садомъ и Казачьимъ дворомъ. Неожиданно плотикъ сталъ тонуть, всѣ попадали въ воду. Услышавъ крики, выбѣжали казаки и спасли тонущихъ. Императрица пожаловала спасавшимъ казакамъ 100 руб. ²⁾).

Обстановка придворной службы производила большое впечатлѣніе на Донцовъ, да оно и не могло быть иначе, ибо: «богатство и пышность Русскаго Двора», говоритъ современникъ англичанинъ Коксъ въ своихъ запискахъ, «превосходитъ самыя вычурныя описанія,—слѣды древняго Азіатскаго великолѣпія смѣшивались съ Европейскою утонченностью. Огромная свита придворныхъ всегда слѣдуетъ за Императрицею. Роскошь и блескъ придворныхъ нарядовъ и обиліе драгоценныхъ камней далеко оставляютъ за собою великолѣпіе другихъ Европейскихъ Дворовъ. На мужчинахъ французскіе костюмы; платья дамъ съ небольшими фижмами, длинными висячими рукавами и со шлейфами. Сообразно модѣ, господствовавшей въ Парижѣ и Лондонѣ зимою 1777 г., Петербургскія придворныя дамы носили очень высокія прически и безпощадно румянились. Изъ различныхъ предметовъ роскоши, отличавшихъ русскую знать, ничто такъ не поражаетъ иностранцевъ, какъ обиліе драгоценныхъ камней, блестящихъ на различныхъ частяхъ костюмовъ. Въ большей части Европейскихъ странъ, эти дорогія украшенія составляютъ почти исклю-

1) Изъ собранія старинныхъ казачьихъ пѣсенъ Р. А. Хрещатицкаго.

2) Записки Гарновскаго.

чительную принадлежность женщинъ, но въ Россіи мужчины въ этомъ отношеніи соперничаютъ съ женщинами. Многіе изъ вельможъ усыпаны брилліантами, — пуговицы, пряжки, рукоятки сабель, эполеты—все это съ брилліантами въ нѣсколько рядовъ; шляпы ихъ нерѣдко унизаны также брилліантами; звѣзды изъ брилліантовъ здѣсь не кажутся чѣмъ-то особеннымъ»...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Первые офицеры Донской команды и казаки.—Первый начальник команды В. П. Орловъ, впоследствии войско-
вой атаманъ.—Подчиненіе Придворныхъ Казачьихъ командъ Зоричу, его біографія.—Порядокъ смѣны командъ,
послѣдующіе ихъ начальники.—Оказаніе содѣйствія гражданскимъ властямъ.—Лейбъ-казакъ Маминъ, спасеніе
имъ Императрицы.—Русская армія въ Екатерининскую эпоху.

Въ первой Придворной Донской Лейбъ-казачьей командѣ, кромѣ начальника
ея полковника Орлова и есаула Баранова, состояли еще въ чинѣ поручиковъ—
есаулы: Андрей Орловъ, Яковъ Мѣшкодь и казаки: Степанъ Дорошевъ, Василій
Кошкинъ, Никифоръ Чимсковъ, Алексѣй Рѣпинъ, Василій Мелентьевъ, Герасимъ
Заичкинъ, Дмитрій Мартыновъ, Степанъ Дьяконовъ, Федоръ Фатѣевъ, Василій
Иштокинъ, Маркъ Субботинъ, Климъ Воробьевъ, Яковъ Спиридоновъ, Прокофій
Нефедовъ, Иванъ Трофимовъ, Моисей Аникіевъ, Козьма Мельниковъ, Иванъ Чолбинъ,
Климъ Пристанковъ, Акимъ Кононовъ, Михаилъ Стехинъ, Павелъ Камбуловъ, Егоръ
Фроловъ, Иванъ Захаровъ, Максимъ Морозовъ, Василій Мельниковъ, Федоръ Доро-
фѣевъ, Левъ Поповъ, Евсѣй Тапилинъ, Иванъ Житковъ, Лазарь Безгрѣшновъ, Илья
Харитоновъ, Данило Лошадкинъ, Филиппъ Елкинъ, Герасимъ Щербаковъ, Осипъ
Водолагинъ, Никифоръ Ходинъ, Исай Кривошеиновъ, Иванъ Шульгинъ, Евтей Поповъ,
Парфенъ Маминъ, Василій Хоперсковъ, Петръ Бирюковъ, Севастьянъ Рышкинъ,
Андрей Шубинъ, Тихонъ Пивоваровъ, Андрей Тарасовъ, Емельянъ Туголуковъ,
Герасимъ Швитковъ, Егоръ Антиповъ, Василій Лаврухинъ, Андрей Минаевъ, Гри-
горій Селивановъ, Иванъ Назаровъ, Петръ Соломатинъ, Григорій Ветошкинъ,
Михаилъ Куприковъ, Иванъ Горечишниковъ, Лукьянъ Тереховъ, Ефимъ Кононовъ,
Петръ Бирюковъ, Иванъ Голиковъ, Федоръ Дороховъ, Григорій Закотновъ, Яковъ
Свиридовъ ¹⁾).

¹⁾ Не дослуживъ до срока, былъ уволенъ на Донъ въ Іюнь 1775 г. — Ордеръ Потемкина Иловайскому
19-го Іюня, № 899.

Объ Андреѣ Орловѣ, между прочимъ, Потемкинъ писалъ атаману Иловайскому, что онъ «честнымъ поведеніемъ и расторопностью своею заслуживъ мое признаніе, достоинъ и общей всего Войска похвалы». Здѣсь необходимо коснуться личности перваго начальника Придворной команды полковника Орлова.

Василій Петровичъ Орловъ, сыгравшій впослѣдствіи не малую роль въ исторіи Войска Донского и оставившій по себѣ замѣтную память, происходилъ изъ укренившагося уже къ тому времени на Дону русскаго рода Орловыхъ.

Войсковой Атаманъ В. П. Орловъ, первый начальникъ Лейбъ-казачьей Донской Придворной команды.

Внукъ старшины Войска Донского Михаила Патрикѣвича Орлова, выходца изъ Москвы, бѣжавшаго оттуда отъ гнѣва Петра Великаго во время волненій стрѣльцовъ, и, въ качествѣ уже походнаго есаула Войска Донского, участвовавшего подъ начальствомъ фельдмаршала графа Миниха въ Турецкой войнѣ¹⁾ и впослѣдствіи прощеннаго Петромъ, Василій Петровичъ и самъ началъ свою боевую службу въ войнѣ съ турками, за что «за храбрые его въ минувшую войну (Турецкую) подвиги» былъ пожалованъ золотою медалью²⁾. Женатый первымъ бракомъ на дочери знаменитаго Донца—графа Федора Петровича Денисова,—Дарьѣ, онъ былъ соратникомъ своего тестя и послѣ начальствованія надъ Придворной командой, вмѣстѣ съ Денисовымъ, будучи походнымъ атаманомъ Донскихъ полковъ, принимаетъ участіе въ Турецкой 1787—1791 гг.

войнѣ. Съ нимъ же, въ числѣ 3500 Донскихъ казаковъ и калмыковъ, во главѣ съ атаманомъ Иловайскимъ, участвуетъ въ торжественной встрѣчѣ Императрицы Екатерины въ Таврической области во время Ея путешествія по Россіи въ 1787 г., гдѣ и пожалованъ Государыней одновременно съ Матвѣемъ Платовымъ изъ подполковниковъ въ полковники. Въ томъ же году онъ получаетъ орденъ Св. Георгія 4 ст. «за мужественное пораженіе непріятели подъ Кинбурномъ», и въ 1789 г.—3 степени за пораженіе передоваго турецкаго корпуса сераскира Гассанъ-паши!»

Въ 1790 году Василій Петровичъ участвовалъ въ штурмѣ Измаила, гдѣ командовалъ 4-ю колонною, которая «подъ жаркимъ отъ непріятели огнемъ до-

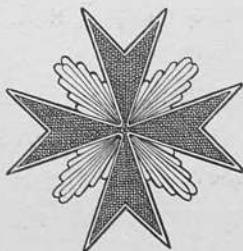
¹⁾ Аттестатъ Президента военной коллегіи генераль-фельдмаршала графа Миниха отъ 15-го Ноября 1735 г. на званіе старшины.

²⁾ Походная канцелярія Потемкина, дѣло 1775 г. № 1239.

стигла до рва, приставила лѣстницы, и часть оной взошла на валъ и овладѣла бастиономъ.

Тутъ непріятель, съ правой стороны отъ Бендерскихъ воротъ сдѣлавъ вылазку, спустился въ ровъ и бросающься, вдоль по оному, хотѣлъ разрѣзать колонну. Стремление непріятельское остановило штурмующихъ, но мужествомъ начальника (бригадира Орлова), неустрашимостью помощныхъ ему чиновниковъ, подполковника Грекова и премьеръ-маіора Ивана Иловайскаго и храбростью казаковъ, вылазка отражена. Непріятель, составлявшій оную, частью погибъ, а остальные прогнаты въ крѣпость и, колонна, взошедъ вся на валъ отъ завладѣннаго бастиона, далѣе простирала свои успѣхи» ¹⁾. Въ 1797 году, по смерти Алексѣя Ивановича Иловайскаго, онъ былъ назначенъ на его мѣсто войсковымъ атаманомъ. Время его ознаменовано упраздненіемъ Войскового Гражданскаго Правительства и возстановленіемъ Войско-вой Канцеляріи. При немъ Донцы совершили славный Итальянскій походъ; при немъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе о сравненіи чиновъ Войска Донскаго съ чинами регулярныхъ войскъ, положившее начало Донскому дворянству, и при немъ, къ сожалѣнію, его попустительствомъ были совершены жестокости генераловъ Репнина и Кожина надъ невинно осужденными Грузиновыми, о чемъ будетъ сказано далѣе. Въ 1797 г. имъ сформированы двѣ роты (первыя на Дону) Донской конной артиллеріи, съ которыми онъ совершилъ 2 похода: Пинскій въ 1798 г., при 22 Донскихъ полкахъ и Оренбургскій, на Индію, въ 1801 г., при 42 Донскихъ полкахъ.

Умеръ Василій Петровичъ 30-го Іюля 1801 года генераломъ-отъ-кавалеріи и кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго. Отъ брака съ Денисовой онъ имѣлъ 2 дочерей и сына Василя, которому 26-го Апрѣля 1801 года «Государь Императоръ, снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе генерала-отъ-кавалеріи графа Денисова и во уваженіе ревности и храбрости, коими Денисовъ отличилъ себя во время долго-временной своей службы, Всемиловитѣйше дозволилъ принять фамилію его (Денисова) и вмѣстѣ съ нею распространить на него (Орлова) и потомство его пожалованное графское Россійской Имперіи достоинство съ наименованіемъ графъ Орловъ-Денисовъ» ²⁾. Черезъ дочь свою Екатерину, вышедшую замужъ за графа П. П. Палена, В. П. приобрѣлъ вліятельныя связи въ Петербургѣ.

¹⁾ Собраніе реляцій, изд. 1791 г.

²⁾ Савеловъ, «Донскіе дворянскіе роды».

Третью Донскую Придворную команду привелъ въ Петербургъ полковникъ Кумшацкій при поручикѣ Добрышевѣ. Команда эта вмѣстѣ съ Чугуевской командой и Лейбъ-гусарскимъ эскадрономъ поступила подъ общее начальство подполковника Зорича ¹⁾. Здѣсь не лишнее будетъ привести біографію этой интересной личности.

Семень Гавріиловичъ Зоричъ былъ сынъ Гавріила Неранжича и жены его Стефаниды, урожденной Зоричъ. Дядя Семена, Максимъ Федоровичъ Зоричъ, усыновилъ своего племянника и предоставилъ ему свою фамилію. Въ службу онъ «вступилъ гусаромъ» въ 1754 году; въ 1757 году произведенъ въ капралы и въ квартирмистры; 1-го Февраля 1758 года произведенъ въ вахмистры. Въ 1760 году, будучи вахмистромъ, онъ участвовалъ въ Прусской войнѣ и 1-го Марта былъ взятъ пруссаками въ плѣнъ, гдѣ находился около девяти мѣсяцевъ и былъ отпущенъ «на пароль». По возвращеніи изъ плѣна, онъ былъ произведенъ, 16-го Декабря того же года, въ корнеты и въ тотъ же день въ подпоручики, за неоднократно проявленную имъ «смѣлость въ бою». Попавъ снова въ строй, онъ продолжалъ участвовать въ Прусской войнѣ, до самаго ея окончанія, уже офицеромъ, имѣя отъ роду всего 16 лѣтъ. Высокаго роста, красивый, смѣлый, рѣшительный, онъ легко пріобрѣталъ общую любовь и уваженіе; въ одномъ изъ сраженій онъ былъ раненъ саблей. Цѣлый рядъ отличій характеризуетъ его, какъ блестящаго офицера, и по окончаніи войны онъ былъ произведенъ въ поручики.

Во время выборовъ, въ 1764 г., короля Польскаго Станислава-Августа Понятовскаго, Зоричъ состоялъ съ отрядомъ въ конвоѣ русскаго посланника въ Варшавѣ, гр. Кейзерлинга. Подъ командой кн. Дашкова и гр. Браницкаго, онъ принималъ дѣятельное участіе въ усмиреніи мятежниковъ и неоднократно за «отличности» въ сраженіяхъ «рекомендованъ». Въ 1765 году Зоричъ былъ командированъ для преобразования Слободскихъ полковъ Харьковскаго, Сумскаго и Ахтырскаго въ регулярные гусарскіе, и за успѣшно выполненное порученіе былъ произведенъ 1-го Января 1767 года въ ротмистры. Въ слѣдующемъ году онъ былъ отправленъ въ Воронежскую губернію для усмиренія, нѣсколько уже лѣтъ бунтовавшихъ, крестьянъ.

Въ первую Турецкую войну Зоричъ командовалъ передовыми отрядами и за свою личную храбрость произведенъ въ секундъ-маіоры. Состоя подъ командою генераль-поручика фонъ-Штофельна, Зоричъ неоднократно получалъ приказанія развѣдывать движенія турокъ черезъ рѣку Дунай.

Въ Декабрѣ 1769 года Зоричъ отличился пораженіемъ татарскихъ скопищъ въ Бессарабіи и разореніемъ ихъ селеній. Изъ реляціи гр. П. А. Румянцева - Задунайскаго отъ 23-го Апрѣля 1770 года видно, что секундъ-маіоръ Зоричъ, получивъ извѣстіе отъ Царскаго форпоста о движеніи непріятельскомъ къ Чугуру и о забраніи въ плѣнъ противъ Лючинскаго поста нѣсколькихъ человекъ жителей со скотомъ, 12-го Апрѣля переправился на ту сторону рѣки Прута, со своею коман-

¹⁾ Приказъ Потемкина 1777 года, Мая 30-го.

Лейб-казаки конвоируют Императрицу Екатерину II, при перевозке. Ез изъ Петербурга въ Царское.

дою, состоящую из 1509 человек и с пятью орудиями, в намерении, привлекая на себя неприятеля разбить его. Это поручение Зорич исполнил с блестящим успехом, как это видно из рапорта Штофельна, представленного Государыне гр. Румянцевым.

19-го Мая 1770 года Штофельн командировал Зорича воспрепятствовать туркам переправиться через Прут. Когда Зорич прибыл, неприятель перешел уже Прут и даже два залива в брод и вплавь. У третьего, самого узкого залива стоял капитан Требухович, Ахтырского полка, с 300 людьми легкого войска, 200 людьми Архангелогородского пехотного полка и двумя орудиями. «Не смотря на сильную пальбу по нем из пушек, неприятель с обыкновенным криком бросился в воду». Зорич поспешил туда на помощь, приказал стрелять и метать гранаты по неприятелю и заставил его бжать, несмотря на то, что турок было 12 тысяч.

27-го Мая того же года Зорич со своею командою сильным артиллерийским огнем не допустил неприятеля построить мост на рк Прут и принудил его отступить.

3-го Июля того же 1770 года Зорич, получив две раны копьем и одну саблей, был взят турками в плен. Очевидец Щегловский говорит: «Храбрый майор Зорич был окружен турками, защищался мужественно и решился дорого продать свою жизнь. Многие пали от руки его; наконец, видя необходимость уступить и подняты над собой сабли, он закричал указав на грудь свою: я капитан-паша. Это слово спасло ему жизнь. Капитан-паша у турок полный генерал, почему и отвезли Зорича в Константинополь, где он был представлен султану, как русский генерал. Его ум, важный вид, осанка, рассказы о его мужестве, все побуждало султана отличить его». По словам Щегловского, султан просил Зорича перейти к нему на службу, но ни обещанные награды, ни угрозы не смутили его: он с негодованием отверг предложение султана и содержался в Константинополе до обмена пленных. Зорич был помещен в Семибашенный замок в предместьи Константинополя, где пробыл 4 года и 3 месяца; потом переведен в самый Константинополь, где оставался еще 8 месяцев. Возвращение Зорича из плена относится к 1775 году, когда, по заключении Кучукъ-

Турецкий всадник XVIII в. с бунчукомъ.

Кайнарджійскаго мира, произошелъ размѣнъ плѣнныхъ. По возвращеніи Зорича въ Россію, онъ тотчасъ же былъ отправленъ съ важными депешами въ Стокгольмъ и, лишь по возвращеніи изъ Стокгольма, получилъ орденъ Св. Георгія 4-й степени.

Зоричу тогда было 30 лѣтъ; по отзыву современниковъ, онъ былъ красивый мужчина и храбрый офицеръ. Потемкинъ оставилъ его при себѣ въ званіи адъютанта

Подполковникъ С. Г. Зоричъ, начальникъ Лейбъ-гусарскаго эскадрона и Лейбъ-казачьихъ командъ, 1777 г.

и 26-го Мая 1777 года представилъ Императрицѣ докладъ о назначеніи Зорича командиромъ Лейбъ-гусарскаго эскадрона и Лейбъ-казачьихъ командъ¹⁾).

Государыня исполнила желаніе Потемкина; 30-го Мая Зоричъ получилъ просимое Потемкинымъ назначеніе, съ производствомъ въ подполковники. Затѣмъ Зоричъ былъ представленъ Императрицѣ и пожалованъ флигель-адъютантомъ съ производствомъ въ полковники и назначеніемъ шефомъ Лейбъ-гусарскаго эскадрона. 22-го Сентября онъ пожалованъ въ корнеты Кавалергардскаго корпуса, съ производствомъ въ генераль-маіоры, минуя бригадирскій чинъ, а черезъ два дня назначенъ шефомъ Ахтырскаго гусарскаго полка. Послѣдніе годы своей жизни Зоричъ провелъ въ мѣстечкѣ Шкловъ, Высочайше ему пожалованномъ, гдѣ онъ основалъ кадетскій корпусъ. Умеръ онъ 6-го Ноября 1799 г.²⁾

Дальше по установленному сроку службы, Лейбъ-казачья команда смѣнялась черезъ каждые два года.

Четвертая команда прибыла въ Петербургъ въ 1778 г. подъ начальствомъ полковника Дячкина, пятая — въ 1780 г. подъ начальствомъ полковника Мѣшкова, шестая—въ 1782 г. подъ начальствомъ полковника Поздѣва, седьмая—въ 1784 г. подъ начальствомъ войскового старшины Грекова, восьмая — въ 1786 г. подъ начальствомъ полковника Ефремова. Этой командѣ, кромѣ придворной службы, пришлось оказывать содѣйствіе гражданскимъ властямъ, для поддержанія въ столицѣ порядка: «7-го Августа 1787 года по утру явились на площади противъ дворца 400 мужиковъ, присланныхъ депутатами отъ общества четырехъ тысячъ работниковъ «у производства набережной при рѣкѣ Фонтанкѣ» съ жалобой къ Ея Императорскому Величеству на подрядчика Долгова. Собравшіеся на площадь мужики тотчасъ дали знать о себѣ, что они не простые зрители, а челобитчики. Всякій разъ, когда случалось какой ни есть дамѣ подойти къ окошку, то

¹⁾ «Въ Лейбъ-гусарскій эскадронъ. Приказъ 1777 г., Мая 30»:—«По Высочайшему Ея Императорскаго Величества Указу, состоявшемуся на сегодняшнемъ моемъ докладѣ, къ командованію онымъ Лейбъ-гусарскимъ эскадронъ и Лейбъ-казачьими командами, подъ начальствомъ моимъ, опредѣленъ г. подполковникъ Зоричъ, у котораго и состоятъ онымъ въ командѣ. Князь Потемкинъ». (Арх. л.-г. п.-ка) Мещерскій. С. Г. Зоричъ, «Р. Арх.» 1879 г., кн. 2.

²⁾ «Столѣтіе военнаго министерства, исторія Государевой свиты».

они, признавая ее за Государыню, кланялись низко и показывали въ рукахъ жалобу. Государыня неоднократно высылала къ нимъ нѣсколько особъ, одну за другою, которыя обнадеживали ихъ именемъ Царицы скорымъ удовлетвореніемъ ихъ просьбы, съ тѣмъ только, чтобы они разошлись во-свояси и отнюдь бы толпою праздно на площади не собирались. Но средство это не имѣло желаемого дѣйствія.

Мужики упорно настаивали въ томъ, что хотятъ просить Государыню, и увѣряли увѣщавшихъ ихъ господъ, что они не собирались бы толпою, еслибъ прежде присланные отъ нихъ въ Царское Село съ жалобою къ Императрицѣ два мужика не были взяты подъ стражу; а особливо досадили они дежурному генераль-адъютанту графу Ангальту, сказавъ послѣдному, что они съ нимъ, какъ съ нѣмцемъ, не знающимъ по-русски, и говорить не хотятъ.

Пополудни, не знаю какимъ образомъ, удалось захватить изъ нихъ семнадцать человѣкъ, которые и были отправлены за карауломъ въ уголовный судъ, съ тѣмъ, чтобъ осуждены были въ учиненіи скопа и заговора. Сіе увидя, прочіе немедленно разбѣжались.

Того же числа подъ вечеръ и черезъ цѣлую ночь велѣно было разбѣзжать около Дворца Донской и Конногвардейской командамъ, дабы не допустить мужиковъ до новыхъ собраний.

Два дни спустя послѣ сего, настрашавши довольно, взятыхъ подъ стражу, мужиковъ выпустили на волю, а дѣло ихъ съ Долговымъ производится съ нарочитою строгостью въ Губернскомъ Правленіи, въ коемъ касательно дѣла сего велѣно, по именному указу, съ прочими того правленія чинами присутствовать и г. Оберъ-Полиціймейстеру ¹⁾».

Незадолго передъ этимъ, во время пребыванія Двора въ Царскомъ Селѣ, одному изъ Лейбъ-казаковъ Придворной команды, а именно Лейбъ-казаку Мамину пришлось оказать услугу Самой Императрицѣ и можетъ быть даже спасти Ея жизнь. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ одинъ изъ тогдашнихъ офицеровъ команды — Тапилинъ: Императрица часто каталась по парку съ придворною дамою въ коляскѣ. Однажды во время такой прогулки лошади испугались, начали бить и понесли; растерявшійся кучеръ выпустилъ возжи, это было на берегу канала, еще моментъ и карета упала бы въ воду; случившійся здѣсь Лейбъ-казакъ Маминъ, отличавшійся большою силой, схватилъ карету за заднія колеса и придержалъ, такимъ образомъ, лошадей на мѣстѣ, пока кучеру удалось подобрать возжи. Государыня успѣла выйти изъ коляски и вернулась во дворецъ пѣшкомъ. Маминъ былъ щедро награжденъ изъ рукъ Самой Государыни, лично знавшей его съ тѣхъ поръ и при встрѣчахъ постоянно удостоивавшей его Своимъ разговоромъ ²⁾.

Печать Войска Донского до Петра I.

¹⁾ Записки Гарновскаго.

²⁾ Записки бывшаго командира полка генерала Шамшева.

Насталъ 1788 годъ и командѣ Ефремова на смѣну пришла девятая команда подъ начальствомъ полковника Василя Денисова; но старой командѣ домой идти не пришлось, — запахло порохомъ и придворные Донцы, въ надеждѣ принять участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ, сразу почувствовали себя веселѣй.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію военныхъ дѣйствій, необходимо познакомиться съ состояніемъ Россійской арміи того времени¹⁾.

Съ восшествіемъ на престолъ Императрицы Екатерины II, для Россійской арміи настала свѣтлая эпоха. Сочувствуя смѣлымъ преобразованіямъ, стремящимся къ поднятію военнаго искусства въ арміи, Она необыкновеннымъ тактомъ Своимъ и умѣньемъ управлять людьми, вызвала широкую полезную инициативу почина въ командномъ составѣ арміи. Отношеніе Императрицы къ военнымъ преобразованіямъ и къ выбору дѣятелей, — представителей арміи, — между прочимъ, видны изъ замѣчательныхъ мыслей Ею высказанныхъ: «крупные и рѣшительные успѣхи достигаются дружными усиліями всѣхъ..., а кто умнѣе, тому и книги въ руки»... И дѣйствительно, давая талантливимъ людямъ «книги въ руки», великая Монархиня выдвинула впередъ лучшія военныя умственные силы Россіи.

Въ самомъ началѣ царствованія, комиссіей изъ главныхъ участниковъ Семилѣтней войны, была намѣчена обширная программа реформъ по военному вѣдомству, касавшаяся всѣхъ отраслей военнаго дѣла. Въ основу дѣятельности комиссіи, Императрицей было поставлено не колебать «старого основанія», т. е. Петровскихъ началъ, примѣняя ихъ лишь къ новымъ условіямъ. Благодаря замѣчательнымъ организаторскимъ способностямъ Румянцева и Потемкина, реформы получаютъ самое широкое развитіе.

Румянцевъ и Потемкинъ и въ мирное время намѣчаютъ распредѣленіе вооруженныхъ силъ на арміи, сообразно важнѣйшимъ началамъ организациі, даннымъ политической обстановки, особенностямъ вѣроятныхъ театровъ военныхъ дѣйствій и свойствамъ непріятеля. Каждая армія должна была быть подъ единою, полною властью, пользовавшагося особымъ довѣріемъ инспектора и быть организована

Екатерининской эпохи.

ской обстановки, особенностямъ вѣроятныхъ театровъ военныхъ дѣйствій и свойствамъ непріятеля. Каждая армія должна была быть подъ единою, полною властью, пользовавшагося особымъ довѣріемъ инспектора и быть организована

¹⁾ «Исторія военнаго министерства» т. 4 и «Русская военная сила» т. 2.

такъ, чтобы постоянно была готова къ операціямъ на ближайшемъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Сильные самостоятельные и легкіе корпуса для дѣйствій на флангахъ и впереди стратегическаго фронта арміи вновь получаютъ широкое примѣненіе, равно какъ и боевая дѣятельность пѣхоты на судахъ гребного флота: Служба Генеральнаго штаба совершенствуется. Самымъ крупнымъ нововведеніемъ является учрежденіе егерей, на основаніи боевого опыта.

Вновь изданные уставы вообще серьезныхъ измѣненій не внесли; комиссіей же были изданы инструкціи, опредѣлявшія главные обязанности командира полка въ пѣхотѣ и кавалеріи, по нимъ командиръ полка являлся хозяиномъ и распорядителемъ полка по

Cavalerie Imperiale Russe Tartares, Noble Tcherkesse, Bashkirs, Cosaque, Calmouk, Officier Cosaque, Hussards.

всѣмъ отдѣламъ и во всѣхъ отношеніяхъ отвѣтственнымъ за всѣ безпорядки, упущенія и злоупотребленія, какъ по хозяйственной части, такъ и въ дѣлѣ воспитанія, обученія чиновъ и поддержанія дисциплины. Особенно подчеркивалось, что «командиръ полка есть носитель чести и славы полка и поддержаніе ихъ ввѣряется его особому попеченію». Частная инициатива командировъ полковъ, основанная на вышеприведенномъ, и превосходныя инструкціи высшихъ начальниковъ, созданныя на основаніи обширнаго боевого опыта, сдѣлали русскія войска въ эпоху Екатерины первыми во всей Европѣ. Боевая подготовка и обученіе войскъ значительно поднялись. Ежегодно производимые лагерные сборы подъ руководствомъ старшихъ начальниковъ сглаживали разнообразіе подготовки частей. Появляется инструкція Румянцева — веденія занятій въ лагеряхъ, по которой требуется упражненіе въ маршахъ, переправахъ, атакѣ и оборонѣ, а затѣмъ обязательный разборъ руководителемъ произведеннаго упражненія. Въ этомъ отношеніи еще дальше идетъ Суворовъ, — его сквозныя атаки, быстрые марши, примѣрные штурмы и т. п. до сихъ поръ служатъ лучшими образцами пріемовъ обученія войскъ. Вліяніе Суворова, прослужившаго 7 лѣтъ въ званіи солдата, изучившаго бытъ, языкъ и складъ понятій нижняго чина, было неотразимо; солдаты его понимали, они видѣли въ немъ своего человѣка и проникались къ нему безпредѣльной преданностью и любовью. Активный духъ Суворова съ каждымъ днемъ проникалъ въ войска, почему и блестящія побѣды «чудо-богатырей», покрывшія страницы исторіи цар-

ствованія Екатерины II славой, прежде всего объясняются высокими духовными качествами русскаго солдата, въ значительной степени зависящими отъ системы воспитанія. Дисциплина войскъ была установлена на правильныхъ основаніяхъ, отвѣчавшихъ составу русской арміи. Румянцевъ требовалъ, чтобы старались привести нижнихъ чиновъ «въ приличное военнымъ людямъ состояніе, внушили бы имъ добропорядочную жизнь, вѣжливое обхожденіе и чистоту». Онъ заставлялъ офицеровъ знать имена нижнихъ чиновъ, и самъ зналъ многихъ. Послѣдствіемъ этого была «обоюдная связь любви и послушанія». Въ арміи Румянцева солдаты содержались хорошо, побои были уничтожены; онъ заботился объ упрощеніи формы, отмѣнилъ пудреніе волосъ и бѣленіе амуниціи. «Однако же», съ удивленіемъ говорить современникъ, «при всемъ томъ дисциплина и чинопочетъ въ должномъ уваженіи остались. На мѣсто всей красоты фронта заступила привычка къ сраженію, а всегдашнія удачи родили невѣроятную храбрость».

Потемкинъ требовалъ самаго внимательнаго отношенія начальниковъ къ подчиненному, напоминая, что «солдатъ есть названіе честное, коимъ и первые чины именуются». Онъ старался поднять нравственное достоинство нижнихъ чиновъ, изыскивалъ мѣры къ улучшенію матеріальной обстановки солдатъ и къ облегченію ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Мотивируя необходимость реформъ въ арміи, въ одномъ изъ своихъ приказовъ Потемкинъ выразился такъ: «въ Россіи, когда вводилось регулярство, вошли офицеры иностранные съ педантствомъ того времени, а наши, не зная прямой цѣли вещамъ военного снаряда, почли все священнымъ и какъ будто таинственнымъ. Имъ казалось, что регулярство состоитъ въ косахъ, шляпахъ, обшлагахъ, клапанахъ, ружейныхъ приемахъ и пр. Занимая же себя таковою дрянью, и до сего времени не знаютъ еще самыхъ важныхъ вещей..., словомъ, вся одежда войскъ нашихъ и амуниція такова, что придумать почти нельзя лучше къ угнетенію солдата... Красота одежды военной состоитъ въ равенствѣ и соотвѣтствіи вещей съ ихъ употребленіемъ. Платье чтобы солдату было одеждою, а не въ тягость... Въ 1783 г. пѣхота получила упрощенное однообразное обмундированіе: для строевыхъ легкая каска, сходная съ нынѣшнею конно-гренадерскою, для нестроевыхъ—картузь; куртки, шаровары и плащи суконные, а для лѣта кителя и шаровары полотняные. Волосы были острижены въ кружокъ. Вооруженіе пѣхоты состояло изъ гладкоствольнаго кремневаго ружья калибромъ въ 0,78 дюйма ¹⁾, ружье имѣло трехгранный штыкъ; изъ холоднаго оружія была шпага, а у нестроевыхъ—тесакъ. Гренадеры, кромѣ этого, носили въ особыхъ сумахъ по двѣ ручныя гранаты. На полкъ полагалось 200 топоровъ, 128 лопатъ, 80 кирокъ и мотыгъ и лагерь изъ 180 палатокъ. Число патроновъ опредѣлено на каждое пѣхотное ружье на людяхъ 40 и въ ящикахъ 35.

Къ концу царствованія пѣхота состояла изъ 15 гренадерскихъ, 57 мушкетерскихъ полковъ, 43 егерскихъ и 20 полевыхъ батальоновъ; гвардія состояла изъ

¹⁾ Егеря имѣли нарѣзные штуцера.

трехъ полковъ; всего было въ пѣхотѣ около 300 тысячъ. Рота имѣла въ военное время 154 человекъ и въ мирное—137.

Артиллерія въ царствованіе Екатерины подвинулась впередъ меньше, чѣмъ другіе роды оружія. Она раздѣлялась на осадную, гарнизонную и полевую, которая, въ свою очередь, дѣлилась на полковую, придававшуюся къ пѣхотнымъ, гренадерскимъ, егерскимъ, драгунскимъ и карабинернымъ полкамъ, и, собственно, полевую, которая состояла изъ 9-ти полковъ, 10-ти ротнаго состава, при 300, приблизительно, орудіяхъ. Въ мирное время вся матеріальная часть этихъ полковъ хранилась въ складахъ; въ военное время изъ нихъ формировались батареи самаго разнообразнаго состава. Такимъ образомъ, мобилизація полевой артиллеріи значительно запаздывала противъ пѣхоты, которая изготовлялась въ походъ въ 24 часа, почему пѣхота обыкновенно выступала сразу только съ своей полковой артиллеріей. Конница регулярная и поселенная подверглась многочисленнымъ реформамъ, вызваннымъ необходимостью улучшить ея качества и увеличить количество. Въ первый періодъ реформъ 1763—75 гг. выполняется программа комиссіи; переходятъ отъ драгунскаго къ тяжелому типу конницы; иррегулярные гусарскіе и поселенные полки преобразовываются въ регулярные и вообще увеличивается численный составъ. Второй періодъ 1775—87 гг. ознаменованъ дѣятельностью Румянцева и Потемкина, изъ коихъ первый былъ начальникомъ всей тяжелой конницы, а второй—легкой и иррегулярной. Въ кавалеріи устанавливаются правильные взгляды ихъ и Суворова, что конница должна дѣйствовать на конѣ, прибѣгая къ спѣшиванію въ исключительныхъ случаяхъ, что на конѣ она должна быть способна къ прорыву непріятельскаго пѣхотнаго фронта, стремительно атакуя холоднымъ оружіемъ, что прибѣгать къ огню съ коня допускается только въ самонужнѣйшихъ случаяхъ, «будучи окруженной легкимъ непріателемъ».

Согласно требованій, указанныхъ въ «Инструкціи Коннаго полка Полковнику 1776 года»—«лошади должны быть статныя, плотныя, непашистыя, въ грудяхъ и крестцахъ широкія, не косолапыя, не низкочередыя, не острокостныя; а лѣтами покупаться имѣютъ отъ четырехъ до шести лѣтъ; мѣрою жъ кирасирскія не менѣе

Свѣтлѣйшій Князь Потемкинъ-Таврическій, Главнокомандующій и Великій Гетманъ казачьихъ и иррегулярныхъ войскъ.

двухъ аршинъ и двухъ вершковъ, карабинерныя—не менѣе двухъ аршинъ одного вершка, а прочія не менѣе двухъ аршинъ». Въ отношеніи назначенія лошадей въ кавалерію по породамъ, фельдмаршаломъ Румянцевымъ былъ установленъ взглядъ, что «по различію службы нужны и разныя породы лошадей: для строю и правильныхъ эволюцій—нѣмецкія; для форсированныхъ маршей, погони, сшибокъ—польскія и казацкія лошади; въ качествѣ сихъ послѣднихъ Россія изобилуетъ донскими, украинскими и низовыми лошадьми; а въ родѣ первыхъ—надлежитъ разводить нѣмецкихъ лошадей, но такихъ, которыя бы могли переносить сѣверный климатъ».

Въ отношеніи снаряженія, Потемкинъ, такъ много заботившійся о развитіи легкой конницы въ истинномъ смыслѣ этого слова, обратилъ вниманіе на сохраненіе для нея венгерскаго ленчика: «сѣдло венгерское, лучше всѣхъ сѣделъ, доказательствомъ тому, что всѣ націи, ѣздяція верхомъ, такія употребляютъ: венгры, татары, черкесы, козаки, поляки. Они (сѣдла) легки, лошадей вовсе не саднятъ. Дѣлать ихъ въ полкахъ можно дешевле старыхъ ¹⁾». «Кавалерійское оружіе—сабля» говорилъ Суворовъ, «строевыхъ лошадей на ученіяхъ приучать къ непріятельскому огню, къ блеску оружія его и крику; при быстромъ карьерѣ, каждый кавалеристъ долженъ умѣть сильно рубить».

«Казаковъ обучать сильному употребленію дротика по донскому его размѣру, въ атакѣ, сшибкѣ и погонѣ ²⁾».

Для облегченія въ тяжелой конницѣ отмѣняются кирасы,—въ общемъ возвращаются къ драгунскому типу и увеличиваютъ количество конницы. Въ третій періодъ съ 1787 года реформы по части кавалеріи, всецѣло переходятъ въ руки Потемкина; учреждаются конноегерскія команды, которыя сводятся въ полки, получаютъ особую форму и лучшее вооруженіе—«карабины винтовальные». Имъ дается особая инструкція для дѣйствія въ бою и разрѣшается стрѣльба съ коня. Строй въ конницѣ устанавливается двухшереножный, аллюръ на ученѣ не меньше рыси, а на заѣздѣ и въ атакѣ—галопа. Подраздѣленіе эскадроновъ на роты—уничтожается. Мобилизація конницы производится въ 2 дня. Обмундированіе и снаряженіе измѣняются на тѣхъ же разумныхъ основаніяхъ, какъ въ другихъ родахъ оружія, что значительно поспособствовало подвижности конницы и удешевило ея содержаніе. Вооруженіе состояло у драгунъ и конноегерей изъ ружья, калибромъ 0,68 дюйма со штыкомъ, палаша и пары пистолетовъ; кирасиры имѣли карабинъ, палашъ и пару пистолетовъ, а конногренадеры, кромѣ того, ручныя гранаты. Гусары и карабинеры то же, что драгуны, но вмѣсто палаша сабли. Легко-конныя и казацкія полки имѣли ружья, сабли и пики. Въ эскадронѣ было: офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ 154, лошадей 151.

Къ концу царствованія Екатерины II составъ конницы былъ слѣдующій:

Лейбъ-гусарскій эскадронъ, Донская Лейбъ-казацкая команда, Чугуевская Лейбъ-казацкая команда, Лейбъ-гвардіи конный полкъ ³⁾, 5 армейскихъ кирасирскихъ пол-

¹⁾ Собраніе приказовъ князя Потемкина-Таврическаго. Главный Государственный архивъ.

²⁾ Изъ примѣчаній генераль-аншефа Суворова.

³⁾ И 100 кавалергардовъ.

ковъ, 17 карабинерныхъ, 1 конногренадерскій, 11 драгунскихъ, 3 конноегерскихъ, 13 легкоконныхъ и гусарскихъ.

Всего около 70 тысячъ человекъ и 60 тысячъ лошадей, а съ присоединеніемъ казачьихъ войскъ, общая численность конницы почти достигала одной трети всей пѣхоты.

Потемкинъ высоко цѣнившій качества личного состава казаковъ¹⁾, явился также, до нѣкоторой степени, ихъ организаторомъ, стремясь поднять ихъ боеспособность и увеличить въ арміи число полковъ. При назначеніи казачьихъ полковъ, въ отряды, согласно указанію боевого опыта, было принято не дробить полки, а держать казаковъ массою, придавая конницу драгунскаго типа и въ подкрѣпленіе часто назначались егеря. Этимъ воскрешена идея Петра I еще 1702 г. Въ общемъ казачьи войска выставляли свыше 40 полковъ, изъ коихъ одно Донское въ періодъ войнъ дало ихъ до 20. Къ составу казачьихъ войскъ принадлежали и нѣсколько регулярныхъ казачьихъ полковъ,—какъ на примѣръ: Чугуевскій, Херсонскій, Малороссійскій, Булавы Великаго Гетмана и Волгскій. Расположеніе казаковъ по южнымъ, юго-восточнымъ и восточнымъ границамъ государства, значительно облегчало службу регулярныхъ войскъ, давая возможность не содержать ихъ тамъ для охраны. Къ казачьимъ же войскамъ причислялись и различныя иррегулярныя инородческія части. Относительно комплектованія войскъ въ эпоху Екатерины, провозглашается важнѣйшій изъ современныхъ намъ принциповъ: «Защита Отечества и огражденіе предѣловъ безопасности суть предметы общихъ усилій и возможности, и долгъ обязанности всѣхъ и каждого²⁾». Слѣдствіемъ этого положенія было, въ отношеніи комплектованія нижними чинами, установлено болѣе равномерное распредѣленіе повинности на всѣ области государства. Главнымъ источникомъ для замѣщенія офицерскихъ вакансій были, по прежнему, молодые люди изъ дворянъ, причемъ Императрицею были подчеркнуты тѣ нравственныя традиціи, кои всегда побуждали дворянъ служить въ войскахъ, а именно, для защиты Престола и Отечества.

Наконецъ, для награжденія «отличныхъ военныхъ подвиговъ и въ поощреніе въ военномъ искусствѣ», Екатериною II 26-го Ноября 1769 г. учрежденъ орденъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія.

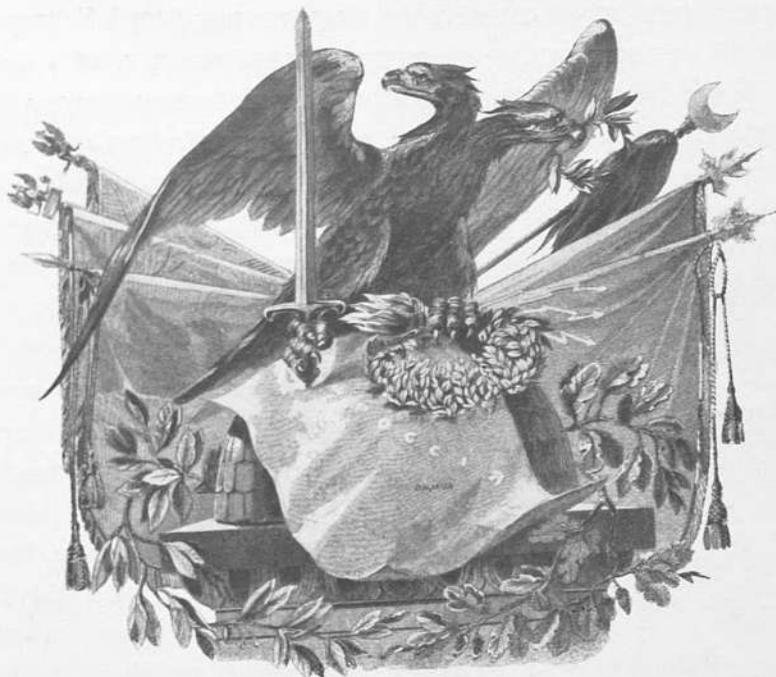
¹⁾ Одинъ изъ Донскихъ казачьихъ полковъ, на примѣръ, носилъ наименованіе—Конвойнаго князя Потемкина.

²⁾ Полное собраніе законовъ № 17, 393.

Лейбъ-казаки Придворной Донской Команды
1775—1790 гг.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Политическое положеніе и отношенія между Россіей и Швеціей передъ войной 1788 года.—Приготовленія Швеціи.— Наши боевыя средства и принятыя мѣры.—Значеніе казачьихъ частей.—Ямщичій полкъ.—Лейбъ-казачій конвойный эскадронъ.—Сосредоточеніе войскъ.—Манифестъ.—Настроеніе въ Петербургѣ.—Расписаніе войскъ.—Военныя дѣйствія.—Участіе Лейбъ-казаковъ.—Результаты года войны.—Положеніе и средства сторонъ къ началу новой кампаніи.

Запутавшіяся наши отношенія со Швеціей каждую минуту угрожали разразиться войной.

Послѣ удара нанесеннаго Россіей шведскому могуществу войною 1741—43 г.г., политическое значеніе Швеціи не могло возстановиться благодаря умаленію королевской власти и партійнымъ интригамъ. По восшествіи на престолъ короля Густава III, произведеннымъ имъ съ помощью войскъ государственнымъ переворотомъ въ 1772 году, былъ возстановленъ порядокъ правленія Густава-Адольфа, сеймъ ограниченъ, а королевская власть усилена. Политикой Россіи издавна въ отношеніи Швеціи было стремленіе, въ цѣляхъ внѣшней безопасности, поддерживать въ ней борьбу партій. Въ Финляндіи, которую Густавъ III старался расположить въ свою пользу, продолжали развиваться сепаративныя стремленія, для успѣха коихъ финны разсчитывали на помощь Россіи. Слѣдствіемъ переворота 1772 года было усиленіе сепаративной партіи на почвѣ недовольства, направленнаго противъ короля; во главѣ партій недовольныхъ сталъ Спренг-

портень ¹⁾). Перейдя на русскую службу, онъ старался при Дворѣ Екатерины утвердить взглядъ, что довольно незначительной поддержки войсками, чтобы Финляндія отложилась отъ Швеціи. Хотя отношенія между Дворами были натянуты, однако, Екатерина, не поддаваясь совѣтамъ и Потемкина, воздерживалась отъ какихъ-либо выступлений, ибо нашъ починъ развязалъ бы руки Густаву, предоставляя ему право, по шведскимъ законамъ, безъ ограниченія сеймомъ полной свободы дѣйствій.

Императрица Екатерина II.

Въ это время вниманіе Императрицы было направлено на югъ, по случаю войны съ Турціей. Политическое положеніе сдѣлалось благоприятнымъ для Густава III, онъ заручился субсидіями отъ Англіи и Турціи, стараясь отвратить отъ насъ нашего постоянного союзника — Данію, а съ Финляндіей всячески заигрывалъ, осыпая ее милостями, въ то же время принимая тамъ дѣятельныя военныя мѣры.

Со времени послѣдней войны шведы стремились обезпечить свою восточную границу. Были воздвигнуты крѣпости: Свеаборгъ близъ Гельсингфорса и Свардгольмъ въ устьяхъ рѣки Кюмени,—первая изъ нихъ считалась

неприступнымъ оплотомъ Швеціи. Прочія пограничныя укрѣпленія были значительно усилены. Въ противовѣсъ русскому гребному флоту, былъ сформированъ «армейскій», специально назначавшійся для дѣйствія въ шхерахъ. Въ 1788 году войскамъ Шведскихъ областей Финляндіи, было приказано изготовиться ²⁾).

У насъ еще въ концѣ Марта, въ рядѣ засѣданій Государственного Совѣта, въ ожиданіи возможности войны, были разсмотрѣны боевыя средства и начертаны мѣры къ ихъ изысканіямъ, причемъ, за отвлеченіемъ большей части нашихъ войскъ на театръ войны съ Турціей, особенное значеніе было придано формированію казачьихъ, и по образцу казачьихъ, частей. Такъ, рѣшено, за недостаткомъ конницы, вызвать на службу башкировъ и кавказскихъ инородцевъ, что и было поручено Генералу Игельстрому. Съ Дона вызывались казаки, а вмѣстѣ съ тѣмъ, для скорѣйшаго полученія конной части, по идеѣ Потемкина, набирался казачій полкъ изъ ямщиковъ,

¹⁾ Баронъ Спренгпортень, финскій патріотъ, первоначально полковникъ шведской службы, перейдя на сторону Россіи, усиленно проводилъ въ Петербургѣ идею отдѣленія Финляндіи отъ Швеціи подъ протекторатомъ Россіи; въ чинѣ генераль-маіора назначенный въ составъ русской арміи, участвовалъ въ Шведской войнѣ. Впослѣдствіи графъ и Финляндскій Генераль-Губернаторъ.

²⁾ «Исторія Русской Арміи и Флота», ч. 5. «Финляндскія войны». П. А. Ниве.

какъ людей, уже знакомыхъ съ лошадыю, что было возложено на находившихся въ то время въ Петербургѣ Донскихъ Полковниковъ Леонова и Поздѣва ¹⁾).

Граница наша со Швеціей къ сѣверу была почти не защищена и оттуда, опираясь на неприступную внутреннюю Финляндію (Саволаксъ), было весьма легко обойти съ тыла наши войска и угрожать Петербургу. Войскъ въ Русской Финляндіи было не болѣе 12-ти тысячъ. Часть флота находилась въ Средиземномъ морѣ и съ нимъ было отправлено значительное количество оружія изъ арсеналовъ, для снабженія возставшихъ противъ Турціи грековъ. На совѣтѣ Императрицы рѣшено было центръ тяжести борьбы имѣть на морѣ, стараясь соединенными усилиями русскихъ и датчанъ перенести операціи въ коренную Швецію; въ свою очередь, датчане должны были наступать со стороны Норвегіи; что же касается Финляндіи и даже Швеціи, то здѣсь предполагалось, пользуясь внутреннимъ броженіемъ, особыми манифестами привлечь къ себѣ жителей во вредъ королю Густаву. Въ то же время намъ приходилось считаться съ Пруссіей и Англіей. Были приняты всяческія мѣры къ усилению нашихъ войскъ на предстоящемъ театрѣ войны, для чего они стягивались изъ центральныхъ губерній къ Петербургу. Въ числѣ прочихъ войскъ въ Іюнѣ въ Выборгъ были направлены обѣ Донскія Лейбъ-казачьи команды при полковникахъ Ефремовѣ и Денисовѣ ²⁾, составившія Лейбъ-казачій конвойный эскадронъ. Положеніе наше ослож-

Лошади отданныя въ артиллерію изъ Придворной конюшни.

нялось недостаткомъ лошадей для артиллеріи, ибо, въ мирное время, въ полевой артиллеріи запряжекъ не полагалось, почему вмѣсто намѣченныхъ 30-ти орудій, было отправлено ихъ всего пять ³⁾. Императрица предоставила подъ орудія лошадей изъ Придворной конюшни. Такъ какъ башкиры и прочіе инородцы могли прибыть не ранѣ Сентября мѣсяца, а съ ямщичьимъ казачьимъ полкомъ произошла задержка ⁴⁾, то было предписано формировать два новыхъ драгунскихъ полка. Содня на день ожидался рѣшительный отвѣтъ отъ Швеціи, отношенія съ которой къ концу Іюня еще ухудшились. А Густаву во что бы то ни стало нужна была война, ибо для внутренняго успокоенія Швеціи были необходимы внѣшніе успѣхи, возможные за счетъ Россіи, нужно

¹⁾ Рескриптъ Императрицы Кн. Потемкину о составленіи казачьяго войска изъ мѣщанъ и ямщиковъ.—П. С. З. XXII т., № 16647, 20-го Апрѣля 1788 г.

²⁾ Записки Гарновскаго.

³⁾ Тамъ же и «Исторія военнаго министерства», т. 4, часть 1.

⁴⁾ «Старшины казацкіе для набору казаковъ еще не бывали; здѣшніе неохотно, казалось, хотѣли приняться за наборъ казаковъ; говорили, что они казаки вездѣ готовы служить и, что въ томъ нужды нѣтъ, понеже ихъ повсюду станеть; Я думаю, что думаютъ когда здѣсь будутъ казаки, тогда Донскихъ менѣе уважать будемъ; видя сіе, Я остановила сіе дѣло, пока пришьешь старшинъ»... Изъ писемъ Императрицы къ Потемкину за 1788 г.

Ящикъ.

было, чтобы начала войну Россія, чтобы объявить себя въ положеніи самообороны. Не находя прямыхъ предлоговъ, король шведскій приказалъ переодѣть Финскихъ солдатъ въ нашу форму и заставилъ напасть на свои же посты на границѣ Саволакса ¹⁾). Война началась; какъ объявлялось въ то время, ближайшей причиной начала военныхъ дѣйствій было, что «...вслѣдъ затѣмъ сей государь и вѣщше обнаружилъ вѣроломство и наглость свою, ибо не предъявивъ никогда никакихъ жалобъ и не предваривъ о причинахъ поднятаго имъ оружія, внесъ оное въ предѣлы Имперіи и во первыхъ, въ среду 21-го Іюня захвачены близъ Нейшлота таможенная застава съ ея служителями и одно судно съ про-

віантомъ и другими вещьми, а потомъ войска его введены въ самое предмѣстье Нейшлота, да и замокъ тамошній осажденъ, причемъ 1 офицеръ съ 2 солдатами безоружные, выѣхавшіе на лодкѣ для принятія лѣсной команды,—застрѣлены ²⁾»...

«Посему», объявляла Императрица въ манифестѣ Своемъ отъ 30-го Іюня, «указали Мы Нашей здѣшной арміи, подъ предводительствомъ генерала графа Мусина-Пушкина, идтить во встрѣчи нападающаго на Нашу область непріятели, а флоту подъ начальствомъ адмирала Грейга дѣйствовать на морскія шведскія силы. Всѣ Наши вѣрноподданные, которымъ объявляемъ прискорбнымъ духомъ, толь наглое вѣроломство, пролейте теплыя молитвы, каковы и Мы возносимъ къ Всевышнему Богу, да предъидеть Его всесильная благодать ополченію Нашему и судъ Его правый преклонится къ тому, чтобъ мужество потомковъ въ пораженіи новаго врага, нагло возставшаго противу Россіи ничѣмъ неповинной, достигло той же славы, съ которою предки, защитивъ Отечество, торжествовали»...

Численность войскъ, во главѣ которыхъ былъ поставленъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, съ большимъ напряженіемъ была доведена приблизительно до 19-ти тысячъ. 30-го Іюня Мусинъ-Пушкинъ отправился въ Выборгъ. Императрица въ Царскомъ Селѣ выходила на балконъ смотрѣть на проходившіе полки, и глядя на нихъ, прослезилась.

Флотъ, ранѣе назначенный въ Средиземное море, было рѣшено оставить въ Балтійскомъ, а десантъ высадить у Выборга на присоединеніе къ нашимъ войскамъ; однако изъ этого 5-ти тысячнаго отряда 800 человекъ было уже въ Копенгагенѣ на трехъ 100-пушечныхъ корабляхъ прежде отправленныхъ. Положеніе создалось

¹⁾ «Исторія Русской Арміи и Флота», ч. 5. «Финляндскія войны». П. А. Ниве.

²⁾ «Собраніе реляцій о военныхъ дѣйствіяхъ»—изд. 1791 года.

Карта театра военных действий.

очень тревожное,—Петербургъ былъ почти что безъ войскъ; многіе караулы были сняты и четыре дня подрядъ, безъ смѣны, въ обѣихъ крѣпостяхъ и въ городѣ гарнизонную службу несли оставшіеся гвардейцы, а за уходомъ ихъ оставались лишь инвалиды гарнизонныхъ командъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ хвастливыхъ угрозахъ Шведскаго короля, приглашавшаго своихъ дамъ «танцевать въ Ораніенбаумѣ», звучало нѣчто серьезное, такъ что Императрица сочла нужнымъ переѣхать въ Петербургъ изъ Царскаго «для ободренія жителей» и въ случаѣ надобности намѣревалась лично встать во главѣ гвардіи, образовавшей резервный корпусъ у Осиновои роши ¹⁾ (нынѣ ст. Левашево, Финл. ж. д.). «Если разобьютъ стоящіе въ Финляндіи войска, то составя изъ резервнаго корпуса каре, Сама пойду»—выразилась Императрица. Великій Князь Павелъ Петровичъ къ 1-му Іюлю прибылъ въ армію. Того же числа шведы въ значительныхъ силахъ, перешли границу—рѣку Кюмень и двинулись къ Фридрихсгаму подъ начальствомъ самого короля. Наши передовыя части медленно отступали. Общественное настроеніе въ Петербургѣ было подавленное: «сначала думали, что шведы только пустые виды дѣлаютъ, а теперь всѣ трусятъ ²⁾». Спренгпортень предложилъ намъ перейти въ наступленіе со стороны Олонецкой губ., угрожая флангу непріятеля подступившаго къ Нейшлоту; онъ рассчитывалъ привлечь на свою сторону Карельское населеніе и просилъ дать ему, хотя бы небольшія силы, но побольше денегъ... ³⁾.

Насколько Императрица заботилась о Своихъ войскахъ видно изъ слѣдующаго письма отъ 8 Іюля: «Степанъ Федоровичъ ⁴⁾ пошли купить быковъ со сто или болѣе, хотя полторасто и пошли ихъ въ слѣдъ гвардейскимъ баталіонамъ и эскадронамъ, кои идутъ въ походъ, да сверхъ того какъ выступятъ, пошли къ нимъ по рублю человѣку, и все сіе отошли къ Ник. Алек. Татищеву Преображ. полку премьеръ-маіору».

Положеніе русскихъ войскъ Финляндской арміи въ первый періодъ видно изъ нижеприводимаго современнаго описанія:

«Армія Финляндская нынѣ состоитъ въ слѣдующихъ войскахъ:

Три баталіона гвардіи и три роты гренадеръ.

Лейбъ-гренадерскій полкъ въ четырехъ баталіонахъ.

Семь полковъ мушкатерскихъ.

Егерскій Финляндскій корпусъ въ четырехъ баталіонахъ.

Баталіонъ гренадеръ отъ полковъ Кексгольмскаго и Софійскаго.

Конницы: Конной гвардіи три эскадрона, Конвойный Лейбъ-казачій эскадронъ.

Полки: Наслѣдниковъ кирасирскій, Казанскій кирасирскій, Ямбургскій карабинный, Донской казачій (Леонова).

Полевой артиллеріи 46 орудій.

¹⁾ «Исторія Русской Арміи и Флота», ч. 5. «Финляндскія войны». П. А. Ниве.

²⁾ Записки Гарновскаго.

³⁾ «Исторія Русской Арміи и Флота», ч. 5. «Финляндскія войны». П. А. Ниве.

⁴⁾ Въ Кабинетѣ Ея Величества, сенаторъ, тайный совѣтникъ Стрекаловъ.—Камеръ-фурьерскій журналъ 1788 г., приложенія.

Главнокомандующій армією генераль Пушинъ-Пушкинъ.

Генераль-Поручики: Аполлонъ Волковъ, Иванъ Михельсонъ, Василій Левашевъ.

Генераль-Маіоры: графъ Петръ Разумовскій, Богданъ Кноррингъ, Иванъ Боуверъ, Петръ Бергманъ, Иванъ Роутенфельдъ, баронъ Шульцъ.

При гвардіи Николай Татищевъ.

При артиллеріи Григорій Биргманъ.

Инженеръ-полковникъ фонъ Сухтеленъ.

Деташементъ на сѣверной части Выборгской губерніи и на границѣ Олонецкаго намѣстничества, подъ командою генераль-маіора барона Спренгтпортена: полкъ Бѣлозерскій пѣхотный, стрѣлковъ Олонецкихъ земскихъ 800 человекъ, эскадронъ Псковскаго карабинернаго полка, два эскадрона драгунъ и 150 казаковъ сформированныхъ въ Олонецкомъ намѣстничествѣ, тысяча башкирь, полевой артиллеріи 6 орудій, при стрѣлкахъ и драгунахъ 10 малыхъ чугунныхъ пушекъ.

Полки пѣхотные: Софійскій въ Петербургѣ, Кексгольмскій въ Кронштадтѣ, Навагинскій въ Ревелѣ, Нашебургскій въ Ригѣ.

Карабинерные: Псковскій въ Петербургской губерніи, Московскій въ Ревельской, Ингерманландскій въ Рижской.

Гарнизоны во всѣхъ мѣстахъ комплектуются отчасти изъ церковниковъ, отчасти же изъ рекрутъ и только въ Фридрихсгаммѣ одинъ полкъ пѣхотный и одинъ баталіонъ егерей еще остается до наполненія гарнизона ¹⁾».

На морѣ дѣйствія начались 6-го Іюля кровопролитнымъ сраженіемъ, флотъ нашъ, подъ командою адмирала Грейга, между Кронштадтомъ и Ревелемъ, близъ острова Гогланда, встрѣтился съ непріателемъ. У насъ было 17 линейныхъ кораблей, 8 фрегатовъ и нѣсколько мелкихъ судовъ. Непріательской эскадрой командоваль братъ короля, герцогъ Зюдерманландскій. У шведовъ насчитали 15 линейныхъ кораблей, 13 фрегатовъ и 3 пакебота. Было около полудня, погода ясная. По приказанію, Грейга флотъ нашъ, прибавивъ парусовъ, атаковаль шведовъ. Къ пяти часамъ дня вѣтеръ почти затихъ. Эскадры сошлись на пушечный выстрѣлъ и началась «жестокая канонада», которая продолжалась до самой ночи. Подъ прикрытіемъ темноты шведскіе корабли, буксируясь, стали отступать; въ это время нашимъ адмиральскимъ кораблемъ «Ростиславомъ» былъ взятъ шведскій корабль «Принцъ Гу-

Башкиры XVIII столѣтія.

¹⁾ «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», т. 26.

ставъ», со всѣмъ экипажемъ, во главѣ котораго былъ вице-адмиралъ, генераль-адъютантъ короля, графъ Вахтмейстеръ, а съ нимъ 15 офицеровъ. Мы также потеряли корабль «Владиславъ», отбившійся ночью отъ своихъ, окруженный шведами и не могшій уйти, такъ какъ его мачты и снасти были перебиты снарядами. Наши потери состояли изъ 319 убитыхъ и 686 раненыхъ. О непріятельскомъ уронѣ можно судить по числу убитыхъ и раненыхъ, до 300 человѣкъ, найденныхъ на взятомъ въ плѣнъ кораблѣ.

На сушѣ 8-го Іюля нашъ отрядъ, состоявшій изъ егерей, казаковъ и Псковскихъ мушкетеровъ, подъ командой генераль-поручика Левашева, имѣлъ дѣло у рѣки Салмисъ и отбѣснилъ непріятеля къ урочищу Сумахъ, при чемъ казаками, въ числѣ прочихъ, былъ взятъ въ плѣнъ баронъ Армфельдъ, племянникъ непріятельскаго корпуснаго командира. 12-го числа изъ отряда генераль-поручика Михельсона былъ выдвинутъ впередъ батальонъ гренадеръ съ егерями и казаками, на разсвѣтѣ, въ виду непріятеля, наши подошли къ рѣкѣ Пардокоскѣ; мостъ оказался разобраннѣмъ, не задерживаясь этимъ, казаки бросились вплавь, а за ними и часть гренадеръ; выйдя на берегъ, казаки стремительно атаковали непріятельскій редутъ, бывшій за мостомъ; тѣмъ временемъ по мосту, быстро исправленному гренадерами, подоспѣли остальные войска; редутъ былъ взятъ, отступавшихъ шведовъ энергично преслѣдовали. Нашими трофеями были двѣ пушки, снаряды, ящикъ съ патронами, оружіе и плѣнные: 1 офицеръ и нѣсколько солдатъ.

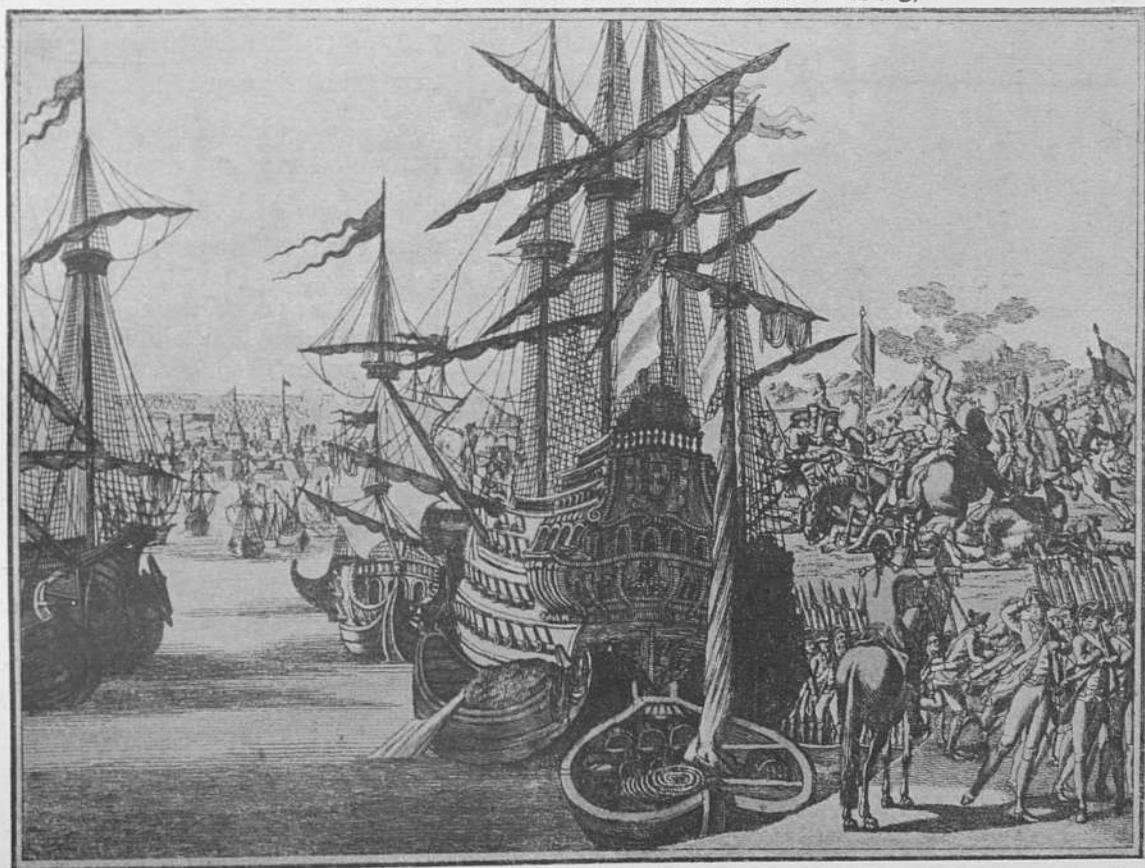
Съ 11-го на 12-ое число шведы, бывшіе противъ отряда Левашова, открыли огонь по нашимъ укрѣпленіямъ и, двинулись на гребныхъ судахъ, намѣреваясь овладѣть нашими барками съ мукою, стоявшими у острова Сукенгольмъ; нашъ мѣткій ружейный и артиллерійскій огонь заставилъ шведовъ отступить ни съ чѣмъ.

Въ ночь на 22-ое Іюля шведскій отрядъ изъ 3 родовъ оружія, прокравшись мимо нашихъ постовъ, черезъ болото, обошелъ Фридрихсгамъ со стороны Выборга и, занявъ тамъ полковые дворы, захватилъ въ плѣнъ нѣсколько мастеровыхъ и трудно больныхъ нижнихъ чиновъ. Выдѣливъ конницу по Выборгской дорогѣ, шведы пошли обратно. Наши егеря и казаки, обойдя стороною, засѣли между камнями и устроили засаду. Послѣ непродолжительной схватки шведы бѣжали, оставивъ въ нашихъ рукахъ штандартъ, 2 офицеровъ и 4 драгунъ.

Въ тотъ же день непріятельскій десантъ, высадившись между Катилы-Сальма и Вильнесъ, сталъ наступать черезъ урочище Бракель на Выборгскую дорогу, въ семи верстахъ отъ Фридрихсгама. Противъ шведовъ выступилъ генераль-майоръ Боуверъ съ 300 егерей и 1 баталіономъ пѣхоты, а на поддержку ему къ Генлаксу были выдвинуты 2 роты Тобольскихъ гренадеръ и 2 эскадрона Казанскихъ кирасиръ. Получивъ донесеніе генераль Михельсонъ съ Нарвскимъ пѣхотнымъ полкомъ также спѣшно выступилъ навстрѣчу непріятелю соединясь по дорогѣ съ войсками, бывшими при Давыдовѣ. Тѣмъ временемъ шведскій десантъ сбивъ нашъ постъ у мызы Бракель, пользуясь перевѣсомъ въ силахъ уже было поставилъ батарею, но подошедшимъ Псковскимъ полкомъ былъ выбитъ и опрокинутъ въ море. 23-го Іюля

шведскій десантъ пытавшійся совмѣстно съ сухопутнымъ отрядомъ занять Фридрихсгамъ, былъ отбитъ съ урономъ; шведы вернувшись на суда, несмотря на дурную погоду, отплыли изъ Катила-Сальмскаго залива за Вильнесъ, а въ сухопутномъ ихъ лагерѣ были сняты всѣ палатки и шведы въ беспорядкѣ отступили по Аборффордской дорогѣ къ Кельтису. Это поспѣшное отступление было вызвано наступленіемъ нашихъ войскъ и упадкомъ духа у шведовъ, вслѣдствіе начавшихся колебаній въ финскихъ войскахъ, которыя не хотѣли дѣйствовать наступательно.

NORDISCHER KRIEGSSCHAUPLAZ № 8.

*K. Pindner - G. Koenig.
Berennung der russischen-Festung Friedrichshamn in russisch Finnland durch den schwedischen General Armfeldt
u. den Obersten Montgomery, dann der schwedischen Flotte der Armee unter Comd. der Obersten Aukersvärd, u. General
Lieutenant Baron Siegröth den 2ten und 3ten August 1788.*

Сраженіе подъ Фридрихсгамомъ.

25-го Іюля нашъ флотъ крейсируя между островомъ Сескари и Свеаборгомъ, напалъ врасплохъ на стоявшій тамъ шведскій флотъ; одинъ изъ кораблей шведовъ «Король Густавъ-Адольфъ» сѣлъ на мель и былъ нами взятъ съ 64 пушками, 13 офицерами и 530 нижними чинами; за невозможностью снять его съ мели, корабль этотъ былъ нами сожженъ; тутъ же было взято еще одно шведское судно, нагруженное военными припасами. Затѣмъ адмиралъ Грейгъ отошелъ съ своей эскадрой къ острову Наргену близъ Ревельскихъ береговъ.

26-го Іюля генераль Михельсонъ изъ Давыдова выступилъ на Кайпіасъ; получивъ донесеніе, что непріятель въ 9 верстахъ занимаетъ дефіле, онъ спѣшно выслалъ впередъ Лейбъ-казаковъ съ баталіономъ егерей; отрядъ этотъ нашель деревню Кайпіасъ уже свободной, а непріятели отступающимъ за рѣчку Кюмень.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ.

27-го Іюля авангардъ генерала Михельсона дошелъ до деревни Утти, гдѣ Лейбъ-казачьи разъѣзды обнаружили непріятельскую пѣхоту и конницу. Не давъ шведамъ даже изготovitъся нашъ авангардъ стремительно ихъ атаковалъ и обратилъ въ бѣгство; Лейбъ-казаки преслѣдовали въ безпорядкѣ отступавшаго непріятели по Валькельской дорогѣ до самаго моста; взятые ими въ плѣнъ шведы показали, что король шведскій съ 6 тысячами находится въ Кюменьгордѣ ими укрѣпленномъ и снабженномъ многочисленной артиллеріей.

Вскорѣ послѣ этого король Густавъ, покинувъ свои войска, отправился въ Свеаборгъ, а оттуда въ свою столицу гдѣ опять подымалось броженіе. Шведскій отрядъ, съ самаго на-

чала кампаніи осаждавшій Нейшлотъ, также отступилъ за свою границу; наши войска вслѣдъ заняли непріятельскую батарею у Пунгисальмскаго перевоза. Русскіе постепенно оттѣсняли шведовъ обратно за Кюмень. Начало Августа прошло въ мелкихъ стычкахъ, въ которыхъ не разъ отличались Лейбъ-казаки. 22-го Августа главнокомандующій Мусинъ-Пушкинъ въ присутствіи Великаго Князя Павла Петровича, произвелъ усиленную рекогносцировку непріятельской укрѣпленной позиціи у Гекфорса, причемъ у Лейбъ-казаковъ, бывшихъ въ конвоѣ Великаго Князя, была убита одна лошадь и ранено двѣ ¹⁾.

¹⁾ По иностр. источникамъ: убиты два казака и одинъ егерь—«Affaires etrangers», t. CXXV, fol 23, Seigur, 9 Septembre 1788.

Къ началу Сентября непріятельскій флотъ продолжалъ оставаться въ бездѣйствіи у Свеаборга, а на сушѣ шведы очистили свою позицію у Гекфорса и Кюменьгорда. Такимъ образомъ всѣ непріятельскія части отошли за линію границы, по которой сейчасъ же отъ насъ отрядомъ генерала Боувера были заняты посты и переправы.

Продолжая блокаду Свеаборга, флотъ нашъ 5-го Октября вступилъ въ бой съ непріятельскимъ у Гангута, слѣдствіемъ котораго было сожженіе нѣсколькихъ непріятельскихъ судовъ съ провіантомъ.

Къ концу 1788 года положеніе Густава III было тяжелое: въ шведскихъ войскахъ началось броженіе подъ предлогомъ незаконности войны, начатой безъ одобренія сейма, а финскіе полки прямо требовали ухода къ шведской границѣ. Были начаты тайные переговоры съ Императрицей Екатериной черезъ Спренгпортена, обнаружившіе сепаративныя стремленія Финляндіи.

Хотя предложеніе сепаратистовъ образовать самостоятельное Финляндское герцогство подъ Россійскимъ протекторатомъ, сочувствія у Императрицы и не встрѣтило, но Екатерина продолжая поддерживать въ Финляндіи агитацію противъ Густава, въ то же время требовала отъ Мусина-Пушкина рѣшительныхъ дѣйствій.

О настроеніи и взглядахъ Петербургскаго общества того времени на войну можно судить по слѣдующему отрывку изъ письма князя А. А. Безбородко графу С. Р. Воронцову 1-го Октября 1788 года: «...король Прусскій начинаетъ брать тонъ диктатора. У насъ не станеть дѣло за твердостью, но желать надобно, чтобъ и распоряженія тому соотвѣтствовали... адмиралъ Грейгъ думаетъ справедливо, что во что ни станеть, надобно стараться истребить мореходство и порты шведскіе, не считая безъ того надолго прочнымъ никакое иное распоряженіе, онъ прямо большой военачальникъ и ежели бы мы здѣсь имѣли бы такого на сухомъ пути и думать бы было не о чемъ»... Изъ этого видно, что на сушѣ дѣла обстояли не такъ хорошо, какъ на морѣ. Императрица сама сдѣлала оцѣнку боевымъ качествамъ Мусина-Пушкина, говоря о немъ еще вскорѣ послѣ начала кампаніи: «сей мѣшокъ нерѣшимый мнѣ весьма надоѣлъ»,—его то нерѣшимость и была причиною тому, что, несмотря на обычную храбрость и частичные успѣхи нашихъ войскъ за 1788 г., несмотря на одержанныя адмираломъ Грейгомъ побѣды, результатомъ кампаніи было лишь очищеніе шведами Русской Финляндіи. Отчасти мѣшало и пребываніе Цесаревича Павла при арміи, у котораго сразу же произошла ссора съ Мусинымъ-Пушкинымъ.

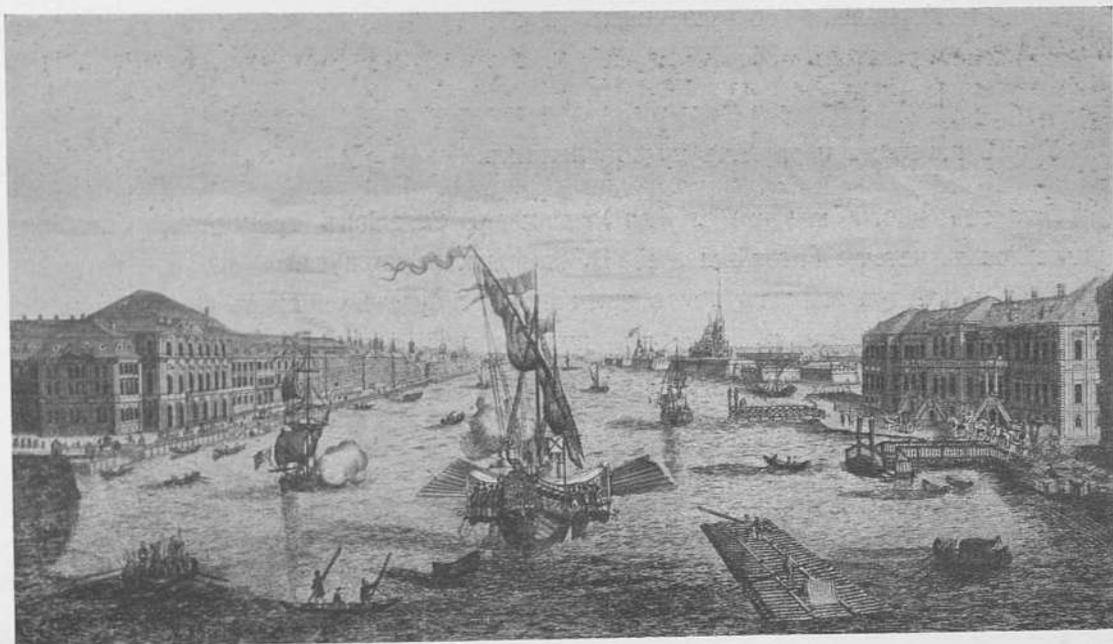
Шведское правительство, наконецъ, серьезно посмотрѣло на опасность внутренней смуты и рѣшилось принять суровыя мѣры: главные зачинщики броженія были арестованы и казнены. Власть короля возстановилась успѣшными дѣйствіями противъ Даніи, а созванный вновь сеймъ предоставилъ право начинанія войны, заключенія мира и использованія средствъ безъ всякихъ ограниченій. Начинаясь новая кампанія 1789 года.

Походный Атаманъ Генераль-отъ-Кавалеріи
Графъ Федоръ Петровичъ
ДЕНИСОВЪ.

Первый командиръ Л.-Гв. Кавальерскаго полка.

Видъ Невы при Екатеринѣ II.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Расписаніе нашихъ силъ къ кампаніи 1789 года. — Опасенія за Петербургъ. — Назначеніе въ Финляндскую армію Донскаго генерала Денисова.—Его біографія.

«Расписаніе примѣрное флота на будущую кампанію подъ главною командою адмирала Грейга:

Первая эскадра, которая соединенно съ Датскимъ флотомъ будетъ производить плаваніе и поиски между Карлскроной и Зундомъ, а по обстоятельствамъ и за Зундомъ:

Кораблей	74 пушечныхъ	3
»	66 »	2
Фрегатовъ	32 »	3

Кромѣ катеровъ и другихъ легкихъ судовъ, къ ней же присоединятся назначаемые въ будущемъ году отъ города Архангельскаго:

Кораблей	3
Фрегатъ	1

Главная часть съ адмираломъ, которая пойдетъ къ острову Готланду, и, учредя при немъ свой станъ, будетъ производить поиски на шведскіе берега:

Кораблей	100 пушечныхъ	7
»	74 »	8

Кораблей	66	пушечныхъ	. . . . .	5
Фрегатовъ	36	»	. . . . .	6
Бомбарды	. . . . .			3

Кромѣ катеровъ и другихъ судовъ легкихъ.

При сей части полагается для десантовъ баталіонъ гренадеръ, баталіонъ мушкетеровъ, четыре баталіона егерей Эстляндскаго корпуса.

Третья эскадра займетъ постъ при Гангутѣ и будетъ охранять Финскій заливъ, подкрѣпляя гребной или легкой флотъ, производящій поиски по берегамъ Финскаго и Ботническаго заливовъ.

Кораблей	74	пушечныхъ	. . . . .	2
»	66	»	. . . . .	3
Фрегатовъ	. . . . .			2

Четвертая эскадра, запасная, учредитъ плаваніе свое между Кронштадтомъ и Ревелемъ, и будетъ отдѣлять суда къ подкрѣпленію третьей эскадры.

Кораблей	74	пушечныхъ	. . . . .	1
»	66	»	. . . . .	4

Кромѣ разныхъ другихъ судовъ.

При городѣ Архангельскомъ, для охраненія и для крейсированія по Сѣверному морю въ отраженіе непріятели и его арматеровъ, два корабля, два фрегата, кромѣ мелкихъ судовъ.

Флотъ гребной.

Гребныхъ фрегатовъ, адмираломъ Нолисомъ построенныхъ	. . . . .	2
Шебекъ	. . . . .	4
Катеровъ	. . . . .	4
Поямъ, удамъ и туремъ (суда, построенныя шведами и у насъ перенятыя, съ большою артиллерією, или смѣсь галеръ и фрегатовъ)	. . . . .	7
Галеръ	. . . . .	20
Бомбардъ	. . . . .	2
Большихъ канонирскихъ шлюпокъ	. . . . .	20
Среднихъ	. . . . .	10
Итого		69

На оныхъ войска посажены будутъ изъ арміи, но не малая часть замѣнится и отъ флота, въ которомъ прибавлено еще 4 солдатскіе баталіона». А сухопутная:

«На слѣдующую кампанію армія назначаемая: Баталіоновъ гвардіи 6 и 3 роты гренадерскія.

Полкъ Лейбъ-гренадерскій.

Мушкетерскихъ полковъ 8.

Баталіонъ гренадеръ Кексгольмскаго и Софійскаго полковъ.

Финляндскій егерскій корпусъ.

Эстляндскій егерскій корпусъ новоформируемый.

800 стрѣлковъ Олонецкихъ.

Конницы:

Три эскадрона конной гвардіи.

Два кирасирскіе полка.

Драгунскій полкъ въ 10 эскадронахъ, составляемый изъ Псковскаго карабинернаго полка и Олонецкихъ драгунъ.

Ямбургскій карабинерный полкъ.

Два полка Донскихъ казаковъ, изъ коихъ одинъ къ веснѣ прибудеть.

Эскадронъ конвойный Лейбъ-казачій.

Тысяча казаковъ, формируемыхъ изъ ямщиковъ ближнихъ губерній.

Гусарскій полкъ, вновь формируемый.

Тысяча Башкирцевъ.

Полевой артиллеріи 70 орудій.

Баталіоны гвардіи составляютъ каждый по 848 человѣкъ по новому положенію, итого мушкетеровъ 5.088, да гренадеръ 450, итого въ гвардіи 5.538 однихъ рядовыхъ.

Полкъ гренадерскій и два егерскіе корпуса имѣютъ однихъ рядовыхъ каждый по 3.392, итого въ трехъ 10.176 человѣкъ.

Въ полкахъ мушкетерскихъ въ каждомъ по новому положенію, въ каждомъ баталіонѣ по 848 рядовыхъ, а въ двухъ 1.696 мушкетеровъ и по прежнему 272 гренадера; въ 8 же полкахъ 15.744 человѣка.

Всей пѣхоты въ полѣ, включая и Олонецкихъ стрѣлковъ, 31.658 рядовыхъ.

Въ 3 эскадронахъ конной гвардіи 414

Въ 2 кирасирскихъ и 1 карабинерномъ полкахъ 2.484

Въ драгунскомъ 1.380

Въ гусарскомъ 828

Казаковъ и Башкирь 3.100

Итого 8.206

Всего, кромѣ артиллеріи 40.064

Прочіе же полки остаются по мѣстамъ ¹⁾».

¹⁾ «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», т. 26.

Въ 1789 г. Императрица была сильно обезпокоена предстоящими дѣйствіями нашей арміи, за недостаткомъ талантливыхъ начальниковъ, столь нужныхъ, особенно въ малой войнѣ, характеръ которой приняла Финляндская кампанія. Къ тому же Густавъ не потерялъ даромъ время періода затишья и усилился настолько, что

Башкиръ и казакъ.

Екатеринѣ даже Петербургъ казался не обезпеченнымъ отъ нападенія шведовъ и у Нея явилась мысль, расписавъ городъ на кварталы, поручить оборону его вооруженнымъ жителямъ.

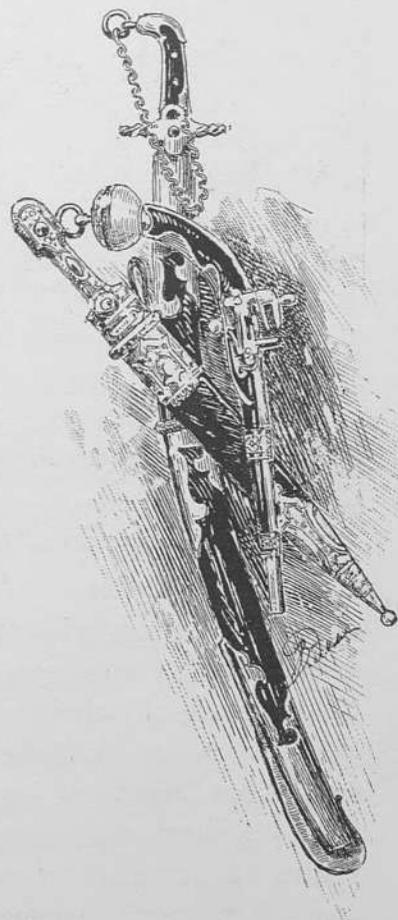
Въ поискахъ за способнымъ начальникомъ вниманіе Екатерины остановилось на Донскомъ казакѣ генераль-майорѣ Федорѣ Петровичѣ Денисовѣ, только что проявившемъ свои качества передъ Потемкинымъ въ Турецкой войнѣ. Вотъ что писалъ свѣтлѣйшій Императрицѣ на Ея сѣтованія о неимѣннѣи въ наличіи для войны

со шведами подходящихъ генераловъ: «Ежели бы Вы Матушка, апробовали, то бы я думалъ теперь послать Денисова на шведскую границу, чтобы искуснымъ образомъ схватить у шведовъ постъ, да чтобъ это было весьма тайно, симъ бы имъ заплатили; я увѣренъ, что казаки все употребляютъ возможное, а они же очень озлились на шведовъ». Императрица вполне одобрила предложеніе Потемкина, положивъ резолюцію на его письмѣ: «чрезвычайно хорошо вздумали, чѣмъ скорѣе и тайнѣе, тѣмъ и лучше». Выборъ этотъ нельзя было не привѣтствовать, ибо подъ чьимъ же начальствомъ и сражаться Донцамъ, какъ не подъ своимъ же казачьимъ,— да и обстановка требовала именно казачьей сметки. Чтобы было яснѣе, почему выборъ палъ на Денисова, будущаго командира Лейбъ-казаковъ, умѣстно будетъ тутъ же подробно познакомиться съ его личностью.

Федоръ Петровичъ Денисовъ, происходя изъ казаковъ Пятиизбянской станицы, родился въ 1738 г. Восемнадцати лѣтъ женился на старшинской дочери Маринѣ Петровнѣ Чернозубовой и отъ нея научился писать и читать; благодаря жениной роднѣ, онъ былъ записанъ на службу въ «сотную команду при атаманѣ», куда добивались попасть вообще казаки.

Будучи тридцатилѣтняго возраста, Денисовъ, наскучивъ мирною жизнью, пошелъ охотникомъ на Турецкую войну 1769 г. съ Донскимъ полкомъ въ должности эсаула. Принявъ участіе въ сраженіи подъ Хотиномъ, впервые онъ обратилъ на себя вниманіе въ знаменитомъ бою подъ Ларгою въ 1770 г. Главкомандующій

гр. Румянцевъ, наблюдая за ходомъ сраженія въ подзорную трубу, съ удивленіемъ видѣлъ, какъ среди казаковъ какой то всадникъ въ голубомъ кафтанѣ на бѣломъ конѣ, смѣло схватывался и поражалъ наѣзжавшихъ на него турецкихъ и татарскихъ джигитовъ и какъ онъ зарубилъ ихъ 7 человекъ, послѣ чего всюду, куда ни бросался голубой всадникъ, въ страхѣ бѣжали отъ него турки и татары. Восхищаясь мужествомъ и ловкостью неизвѣстнаго, Румянцевъ пожелалъ узнать его и, когда по одержаніи побѣды графу представили наѣздника въ голубомъ кафтанѣ, то на вопросъ фельдмаршала: «кто ты таковъ» послѣдовалъ отвѣтъ: «я Донской казакъ Денисовъ». Съ этихъ поръ началась извѣстность Федора Петровича на военномъ поприщѣ, поставившая его потомъ въ ряду славныхъ полководцевъ царствованія Императрицы Екатерины II. Получивъ въ командованіе Донской казачій полкъ, Ф. П. участвуетъ въ Кагульскомъ сраженіи. Въ бою подъ Измаиломъ онъ съ казаками беретъ 12 знаменъ и 1.700 плѣнныхъ, затѣмъ принимаетъ участіе во взятіи крѣпостей Измаила и Килии; затѣмъ въ бою у Татаръ-Бунаръ; въ устьяхъ Дуная беретъ 250 плѣнныхъ и 12 знаменъ; участвуетъ во взятіи крѣпости Тульчи. Въ 1771 г. въ набѣгѣ на Бабадахъ. Затѣмъ въ 1772 г., переправившись черезъ Дунай, въ смѣломъ налетѣ Денисовъ захватываетъ 120 плѣнныхъ и 7 знаменъ. Въ 1773 г. опять участвуетъ во второмъ сраженіи подъ Бабадахомъ въ отрядѣ генерала Вейсмана и близъ Гирсова, гдѣ беретъ 17 орудій 4 знамени и 1.000 плѣнныхъ. Въ сраженіи подъ Силистрією Ф. П. беретъ 4 знамени. Подъ Кучукъ-Кайнарджи Денисовъ раненъ пулею въ ногу. Подъ Карасу онъ беретъ со своимъ полкомъ 8 орудій, 5 знаменъ и двухъ пашей. На штурмѣ крѣпости Варны получаетъ рану пулей въ грудь. Въ отрядѣ генерала Каменскаго онъ участвуетъ во взятіи Базарджика, гдѣ отбиваетъ у турокъ 5 знаменъ. Подъ Силистрією въ 1774 г. самостоятельно съ казаками разбиваетъ Кара-Пашу и беретъ 2 пушки и 9 знаменъ. Проявляя командныя способности, Денисовъ не оставляетъ своего личнаго наѣздничества, и съ тѣмъ же задоромъ ищетъ случая помѣряться съ врагомъ одинъ на одинъ. Безумная отвага, съ которой онъ бросался въ бой, доставила ему почетную извѣстность и среди непріятелей.—Туркамъ хорошо была извѣстна типичная фигура храбраго «Денисъ-паши», какъ они его называли. Наиболѣе опаснымъ врагомъ Денисова въ Турецкую войну былъ нѣкій Черкесь-паша, также прославившійся своею отвагою. Черкесь-паша давно искалъ случая схватиться съ Денисовымъ.

Въ бою подъ Базарджикомъ Денисовъ со своимъ полкомъ встрѣтился съ турецкой конницей, бывшей подъ начальствомъ Черкеса-паши. Черкесь-паша, узнавъ своего соперника, сталъ громко кричать: «Денись-паша», вызывая его на бой.

Черкесь-паша находился довольно близко отъ Денисова, окруженный своими всадниками. Чтобы заставить послѣднихъ отдѣлиться отъ паши, Денисовъ приказалъ казакамъ разсыпаться лавой и окружить турокъ. Предполагая, что казаки сейчасъ бросятся на нихъ въ атаку, турецкая кавалерія тоже разсыпалась съ цѣлью отразить ударъ. Черкесь-паша остался одинъ. Тогда Денисовъ вытянулъ

Схватка казаковъ и турецкихъ наѣзтниковъ въ войну 1774 г.

плетью своего горячаго степняка и вихремъ помчался съ поднятой шашкой на противника. Но вслѣдствіи быстроты аллюра, Денисовъ не вполне правильно рассчиталъ свой ударъ. Онъ наѣхалъ вплотную на турецкаго генерала и со всего размаха ударилъ шашкой. Однако, ударъ не достигъ цѣли: шашка Денисова перерубила оба повода лошади паши, но самъ паша остался невредимъ. Между тѣмъ турецкіе всадники увидѣвъ опасное положеніе своего паши, поспѣшили къ нему на помощь. Денисову ни-

чего не оставалось дѣлать, какъ поскакать обратно. Такъ поединокъ ничѣмъ и не окончился. Бой же этотъ конченъ въ нашу пользу, а трофеями Денисова были 12 пушекъ и 13 знаменъ. Затѣмъ Денисовъ участвуетъ въ сраженіи при Козлуджѣ подъ командой безсмертнаго Суворова. Въ бою у Генибазара Денисовъ встрѣтился опять съ Черкесь-пашой. Удачно дѣйствуя, казаки отняли 4 знамени,—Черкесь-паша медленно отступалъ со своей конницей. Не вытерпѣлъ Денисовъ, выхватилъ шашку и погнался за пашою. У паши тоже былъ хорошій конь, безжалостно погоняя его своей саблей Черкесь-паша спасался отъ Денисова. Вдругъ сабля выскользнула изъ рукъ паши; Денисовъ видя, что ему пашу все равно не догнать, остановился, а саблю Черкесь-паши поднялъ и хранилъ какъ трофей. Однажды у Разграда Денисовъ съ тремя полками Донцовъ скрытно подошелъ къ турецкому отряду, бывшему подъ начальствомъ того же Черкесь-паши. Развѣдавъ ближайшую мѣстность, Денисовъ обнаружилъ глубокую лощину, которую рѣшилъ использовать для засады. Расположивъ въ этой лощинѣ большую часть своего отряда, Ф. П. приказалъ нѣсколькимъ офицерамъ съ горстью

казаковъ атаковать непріятельскіе передовые посты. На турецкихъ постахъ подняли тревогу. Казаки смѣло атаковали турокъ, такъ что послѣдніе думали, что казаки намѣрены овладѣть непріятельской позиціей. Вскорѣ подошли турецкіе резервы. Видя ничтожество нашихъ силъ, непріятель перешелъ въ наступленіе и сталъ тѣснить нашихъ. Казаки заманивая отступали. Увлеченные успѣхомъ турки стали настѣдать и, наконецъ, поровнялись съ ложиной, въ которой былъ Денисовъ съ засадой. Мигомъ вылетѣли казаки, гикнули и ударили туркамъ во флангъ. Ошеломленные неожиданностью, въ паническомъ страхѣ турки обратились въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ много убитыхъ и раненыхъ; не мало было и плѣнныхъ, въ томъ числѣ 10 знатныхъ офицеровъ. Вообще Денисовъ не разъ выдѣлялся своей храбростью. Въ набѣгѣ на Балканы, близъ Чевы-Кавакъ, онъ разбиваетъ турецкую конницу, беретъ двѣ пушки, но самъ раненъ пулею въ бокъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ сраженій въ 1774 г. подъ Шумлою, Денисовъ при отраженіи вылазки получаетъ серьезную рану — пуля ему пробила ногу выше колѣна и раздробила кость. Крѣпкая натура спасла его, но онъ навсегда остался хромымъ. За эту войну Денисовъ былъ произведенъ въ премьеръ-маіоры и получилъ золотую медаль съ портретомъ Императрицы.

Затѣмъ Денисовъ, будучи походнымъ атаманомъ надъ пятью Донскими казачьими полками, принялъ участіе въ Крымской войнѣ 1783 г. Въ одномъ изъ сраженій Ф. П. съ тремя полками казаковъ былъ атакованъ непріятельской конницей; казаки были опрокинуты и стали въ безпорядкѣ отступать, сзади всѣхъ казаковъ скакалъ Денисовъ рядомъ съ однимъ раненымъ офицеромъ Астаховымъ, непріятельскіе всадники преслѣдовали ихъ по пятамъ. Денисова сталъ настигать мулла и уже поднялъ копье для удара, но Денисовъ саблей отвелъ ударъ и вторымъ ударомъ зарубилъ муллу; ближайшіе всадники бросились поднимать убитаго и преслѣдованіе прекратилось. Въ 1787 году, во время путешествія Императрицы Екатерины на югъ, въ предѣлахъ Таврической области, Императрицу встрѣтилъ «съ уклоненіемъ знаменъ» Войсковой атаманъ генераль-поручикъ Алексѣй Ивановичъ Иловайскій во главѣ 3.500 Донскихъ казаковъ и калмыкъ при полковой Донской артиллеріи. Въ этомъ же отрядѣ въ числѣ «знатныхъ старшинъ» находился и бригадиръ Федоръ Петровичъ Денисовъ. Со всѣмъ своимъ отрядомъ «господинъ Иловайскій препровождалъ карету Ея Величества до Каменнаго моста, представляя съ похвальнымъ проворствомъ казачьи разѣзды и разныя воинскія движенія имъ свойственныя. По приближеніи къ станціи производилась пушечная пальба изъ пушекъ полковыхъ Донского Войска; ...въ исходѣ 7-го часа Ея Императорское Величество съ графомъ Фалькенштейномъ ¹⁾ изволила прибыть къ станціи и тогда въ Высочайшемъ присутствіи Ея Императорскаго Величества изображенъ былъ всѣми казаками сильный ударъ на непріятеля... Находившіеся въ свитѣ кавалеры и чужестранные министры

¹⁾ Императоръ Австрійскій, прибывшій на свиданіе съ Императрицею и совершившій съ Нею часть путешествія подъ этимъ именемъ инкогнито.

имѣли вечернее кушанье въ поставленной близъ дворца ставкѣ..., приглашенъ былъ генераль-поручикъ Иловайскій съ штабъ-офицерами Донского Войска. Въ среду предъ отшествіемъ въ путь въ залѣ Ея Императорскому Величеству представлены

Лейбъ-казачій офицеръ эпохи Императрицы Екатерины II.

были и жалованы къ рукѣ генераль-поручица Иловайская съ дочерью, бригадирша Денисова, генераль-поручикъ Иловайскій съ штабъ и оберъ-офицерами Донского Войска ¹⁾». Въ Перекопѣ за завтракомъ Государынѣ былъ представленъ отдѣльно бригадиръ Федоръ Денисовъ, назначенный конвоировать Ея Величество съ отборной командой Донскихъ казаковъ въ предѣлахъ Таврической области. Федоръ Петровичъ все время находится при Императрицѣ и неоднократно удостоивается приглашеніемъ къ Высочайшему столу; видный, ловкій, учтивый въ разговорѣ и находчивый Денисовъ вмѣстѣ со своими казаками произвелъ на Императрицу самое лучшее впечатлѣніе и вотъ 27-го Мая въ Карасубазарѣ «Ея Императорское Величество Всемилостивѣйше пожаловать изволила въ генераль-маіоры служащаго въ Войскѣ Донскомъ бригадира Федора

Денисова». Въ 1788 г. Денисовъ сначала находился на Турецкомъ театрѣ войны и принялъ участіе во взятіи Очакова, командуя конницею лѣваго фланга ²⁾.

Затѣмъ Денисовъ въ 1789—90 гг. участвуетъ въ Шведской войнѣ, дальнѣйшее описаніе которой и составитъ часть его біографіи.

Послѣ Шведской войны въ 1794 году Денисовъ, командуя корпусомъ русскихъ войскъ, участвуетъ въ Польской кампаніи. Дѣйствія его въ эту войну являются верхомъ смѣлости и искусства въ военномъ отношеніи. Многіе военные писатели признаютъ его главнымъ виновникомъ поражений, понесенныхъ поляками со своимъ знаменитымъ диктаторомъ Костюшко.

Честь побѣды надъ Костюшкою подъ Щекочинимъ, по всей справедливости, принадлежитъ Денисову, хотя въ этомъ сраженіи участвовалъ и король Пруссій

¹⁾ Камеръ-фурьерскій журналъ 1787 г.

²⁾ Ордеръ князя Потемкина князю Рѣпину отъ 1-го Декабря 1788 г. № 1153.

Фридрихъ Вильгельмъ II. Денисовъ же былъ побѣдителемъ Костюшко при Мацевцахъ, гдѣ этотъ талантливый полководецъ былъ взятъ въ плѣнъ. Послѣ этого сраженія, когда Денисовъ прибылъ къ Суворову съ донесеніемъ о побѣдѣ, Суворовъ выслушавъ его воскликнулъ: «вотъ Донецъ, онъ Русскій, онъ Илья Муромецъ, онъ Ерусланъ Лазаревичъ, онъ Добрыня Никитичъ... побѣда, слава, честь Русскимъ». Затѣмъ дальше Денисовъ, подъ начальствомъ Суворова, командуя 7-ой колонной участвуетъ въ штурмѣ Праги. Въ ночь на 24-ое Октября колонна Денисова занимаетъ деревню Яссы, несмотря на сильный фланговый огонь непріятельской артиллеріи, овладѣваетъ двумя батареями и дальше преслѣдуетъ бѣгущихъ поляковъ; въ результатѣ въ его рукахъ оказываются 16 отбитыхъ орудій и 1.300 плѣнныхъ. Послѣ вступленія въ Варшаву, Суворовъ послалъ Денисова преслѣдовать польскаго генерала графа Вавржецкаго, который съ 27-тысячнымъ корпусомъ отступалъ къ границамъ Австріи. Денисовъ быстро настигъ поляковъ и у Опочно неожиданно объявилъ своимъ офицерамъ, что онъ одинъ съ казакомъ поѣдетъ къ польскому генералу для переговоровъ, — и поѣхалъ. У квартиры Вавржецкаго онъ замѣтилъ стоящую запряженную карету. Онъ смѣло вошелъ въ домъ, назвавшись парламентаремъ. Вавржецкій окруженный своими генералами и адъютантами задумчиво сидѣлъ у стола. Денисовъ потребовалъ чтобы онъ сдался, это взорвало гордаго поляка: «да развѣ вашъ генераль Денисовъ считаетъ меня побѣжденнымъ», вскричалъ онъ ударивъ кулакомъ по столу, «убирайся вонъ и скажи своему генералу, что мы еще перевѣдаемся съ нимъ оружіемъ». «Я самъ—Денисовъ», грозно крикнулъ мнимый парламентарь, и распахнувъ плащъ, показалъ грудь, украшенную звѣздами, «я самъ пришелъ взять тебя въ плѣнъ». Поляки растерялись, Денисовъ схватилъ Вавржецкаго за шиворотъ и съ помощью казака втокнулъ его въ его же карету и помчался. «Да гдѣ я, скажите пожалуйста, гдѣ я», спрашивалъ ошалѣвшій Вавржецкій, «или все это сонъ». «Увѣрю ваше превосходительство», отвѣчалъ, смѣясь, Денисовъ, «что вы не во снѣ, а на яву въ плѣну у русскаго генерала». вмѣстѣ со смѣлостью Денисовъ обладалъ громаднымъ присутствіемъ духа и хладнокровіемъ въ бою. Вотъ что, на примѣръ, говоритъ о немъ племянникъ его Адрианъ Карповичъ Денисовъ (впослѣдствіи войсковою атаманъ Войска Донскаго) въ своихъ запискахъ, описывая Польскую войну: «Тутъ прискакалъ ко мнѣ графъ Денисовъ, остановилъ всѣхъ при немъ бывшихъ, велѣлъ мнѣ быть при немъ, поѣхалъ прямо къ непріятелю и сталъ весьма въ близкой дистанціи, разсматривая весь строй его, вдругъ выпалили по насъ изъ пушки картечью, которая съ визгомъ пролетѣла выше нашихъ головъ. Я отъѣхалъ отъ графа нѣсколько въ сторону, полагая, что по одному не стану тратить зарядовъ, но вскорѣ повторили то же и картечь пролетѣла ближе къ графу. Тогда я убѣдительно просилъ, чтобъ онъ отъѣхалъ, потому что, видимо, цѣлятъ именно въ него. «Ежели трусишь, поѣзжай прочь» отвѣчалъ графъ. Я подался впередъ, но въ сторону. Тутъ выстрѣлили еще картечью и у лошади подъ графомъ Денисовымъ перебили заднюю ногу, лошадь упала всѣмъ задомъ, но на переднихъ ногахъ еще держалась, графъ спо-

койно сошелъ съ нея, пошелъ прочь, хромя, а я соскочилъ со своей лошади подбѣжалъ къ нему и убѣдительно просилъ, чтобы онъ сѣлъ на моего коня, но онъ не согласился. Адъютанты и другіе чиновники прискакали къ нему и привели заводную его лошадь, на которой онъ и поскакалъ къ центру войскъ своихъ».

Въ 1797 году Денисовъ былъ въ составѣ депутаціи отъ Войска Донского, для принесенія поздравленія Императору Павлу I по случаю Его коронаванія, а 24-го Января 1798 года, будучи генераль-лейтенантомъ, онъ назначенъ командиромъ Лейбъ-гвардіи Казачьяго полка. 6-го Апрѣля 1798 года Денисовъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи съ оставленіемъ въ должности командира полка, а 10-го Марта 1799 года, оставаясь въ то же время командиромъ полка, онъ назначается инспекторомъ кавказской дивизіи и Астраханскимъ военнымъ губернаторомъ.

Насколько блестящи природныя военныя способности Денисова, видно изъ того, что Суворовъ отправляясь въ походъ въ Италію, совѣтывалъ Императору Павлу назначить Денисова главнокомандующимъ русской арміею въ Швейцаріи, но

армія эта отдана была Римскому-Корсакову, а Денисовъ 12-го Марта 1799 года былъ командированъ Государемъ начальствовать 28-ю Донскими полками на западной границѣ въ арміи Ласси и Гудовича. Въ рескриптѣ по случаю этого назначенія было глухо сказано: «Возьмите въ свою команду всѣ находящіеся тамъ казачьи полки для исполненія вамъ порученнаго Мною». 4-го Апрѣля этого же года Денисовъ возведенъ въ графское достоинство. Императоръ Павелъ Петровичъ очень любилъ славнаго Донца за его прямоту и правдивость. Однажды въ частной бесѣдѣ Государь, разговаривая съ Денисовымъ о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ противъ французовъ въ Швейцаріи, показалъ ему секретный планъ расположенія русской арміи. Къ изумленію лицъ окружавшихъ Государя, Ф. П. началъ утверждать, что французы непременно разобьютъ Римскаго-Корсакова, судя по расположенію его войскъ. Эта выходка не понравилась

Павлу Петровичу и Денисову былъ запрещенъ пріѣздъ ко Двору. Нѣкоторое время спустя Государь вызвалъ Денисова и спросилъ: «ну что Денисовъ, какъ ты думаешь и теперь о Римскомъ-Корсаковѣ». «Я и теперь остаюсь Ваше Величество, при своемъ прежнемъ убѣжденіи, что онъ будетъ непремѣнно разбитъ,

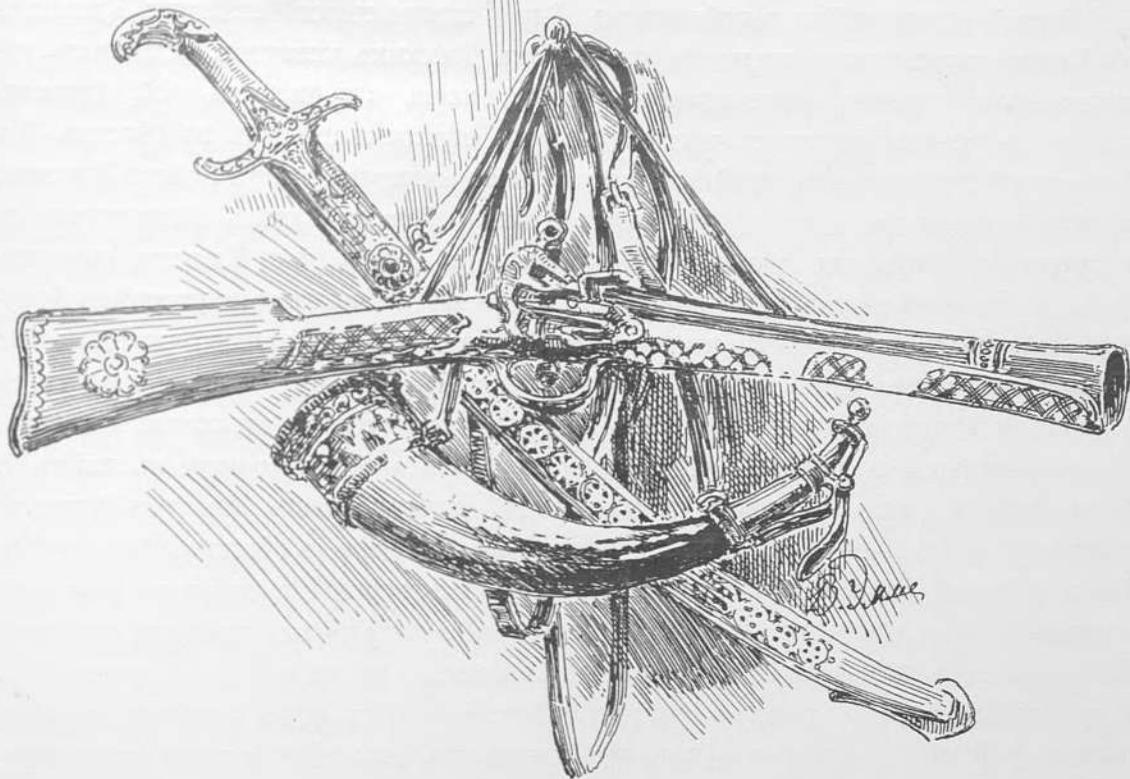
если не переименить растянутого положенія своего корпуса», отвѣчалъ Денисовъ. «Послѣ этого ты великій генераль», воскликнулъ Императоръ, подавая ему руку, «Я сейчасъ получилъ прискорбное извѣстіе, что 14-го Сентября Корсаковъ, дѣйствительно, жестоко разбитъ Массеною подъ Цюрихомъ». 18-го Марта 1800 года «за проволочку препорученнаго ему дѣла по коммисіи военного суда» Денисовъ отставленъ отъ службы. 6-го Ноября того же года онъ былъ снова принятъ на службу, а 9-го Ноября ему повелѣно быть шефомъ Лейбъ-гвардіи Казачьяго полка. 4-го Января 1801 года престарѣлый графъ «за безпорядки происшедшіе въ полку, ему ввѣренномъ, по старости лѣтъ, отставленъ отъ службы». Умеръ Федоръ Петровичъ у себя на родинѣ въ Пятиизбянской станицѣ весною 1803 года. О смерти этого знаменитаго казака сохранилось такое преданіе: передъ походомъ въ Италію, Суворовъ съ Денисовымъ натолкнулись гдѣ-то на цыганку, предсказательницу будущаго. Она сказала Суворову: «Ты большой человекъ, будешь братомъ чужому царю», а Денисову—что онъ мирно умретъ, непременно въ томъ мѣстѣ, гдѣ родился. Ввиду будто бы этого предсказанія, Денисовъ не хотѣлъ жить въ своей станицѣ; однако съ оставленіемъ службы ему пришлось ѣхать на родину. И вотъ здѣсь 1-го Марта 1803 года Денисовъ приказалъ пригнать свой табунъ лошадей къ берегу Дона, напротивъ станицы. Переходя по льду къ лоша-дямъ, онъ поскользнулся, упалъ и расшибъ себѣ голову. Его принесли домой и въ тотъ же день онъ скончался. Графъ Денисовъ за свою продолжительную службу имѣлъ все тѣло покрытое рубцами отъ старыхъ ранъ, одна пуля оставалась у него въ тѣлѣ лѣтъ 15 и, наконецъ, была найдена въ ногѣ ниже колѣна и вырѣзана. Помимо необычайной личной храбрости, обладая недюжинными способностями и знаніемъ военного искусства, Денисовъ, по справедливости, можетъ быть поставленъ на ряду съ другими крупными военными талантами Екатерининской эпохи. Популярность генерала Денисова въ военномъ мѣрѣ его времени была очень велика не только среди своихъ Донцовъ, но также и среди регулярныхъ войскъ. Солдаты слѣпо вѣрили въ Денисова, они говорили: «нѣтъ братъ, серебряная голова насъ не выдастъ», намекая на его сѣдины, на его опытность,—и дѣйствительно, старый атаманъ не выдавалъ и, въ удачѣ и въ неудачѣ, онъ выводилъ своихъ подчиненныхъ, такъ или иначе, къ чести и славѣ.

Кромѣ многихъ другихъ орденовъ и знаковъ отличій, графъ Денисовъ имѣлъ Георгіевскіе кресты 2, 3 и 4 степени, за боевыя отличія въ Турецкой, Шведской и Польской кампаніяхъ ¹⁾.

¹⁾ Струсевичъ «Герои Дона» и Пивоваровъ «Донскіе казаки».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Продолженіе Финляндской кампаніи.—Назначеніе генерала Денисова въ Финляндскую армію.—Первый его починъ въ кампаніи 1789 года съ Лейбъ-казаками.—Сраженіе при Кири.—Отличіе Денисова и Лейбъ-казаковъ.—Сраженіе при Утти.—Пожалованіе Денисову сабли.—Совмѣстныя дѣйствія съ гребнымъ флотомъ.—Бой на морѣ.—Результаты года войны.

Возвращаемся къ Шведской войнѣ. Главное начальствованіе надъ Финляндской арміей было оставлено за Мусинымъ-Пушкинымъ. Какъ упоминалось раньше, Потемкинъ предложилъ послать противъ шведовъ Денисова. Давъ свое согласіе на назначеніе Денисова въ Финляндію, Императрица уже хорошо знавшая его, пожелала обласкать храбраго Донца и на просьбу Потемкина: «у Васъ достоинства не по платью принимаются, потому я Васъ, Матушка родная, прошу Денисову позволить быть въ эрмитажѣ», Она отвѣчала: «если пишешь о Денисовѣ, то съ радостью соглашаюсь его призвать въ эрмитажъ, ибо онъ повсюду храбростью и умомъ себѣ проложилъ дорогу». Насколько ждали Денисова, видно изъ другого письма къ Императрицѣ, гдѣ Потемкинъ говоритъ: «Денисову на прогоны, Матушка, пожалуйста. Подношу здѣсь отъ Спренгпортена, что онъ предлагаетъ сдѣлать,—исполнится Денисовымъ ¹⁾».

¹⁾ «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», т. 42.

Ранней весной война возобновилась. 4-го Февраля егерскій капитанъ Бриммеръ объѣзжая пограничные посты съ разѣздомъ Донскихъ казаковъ, встрѣтилъ непріятельскую партію, перешедшую границу; наши вступили въ бой, причемъ казаки съ подоспѣвшими съ постовъ егерями, обратили шведовъ въ бѣгство. Къ Апрѣлю мѣсяцу прибылъ въ Финляндскую армію «генераль-маіоръ Войска Донского походный атаманъ» Денисовъ. Не теряя времени, Денисовъ сталъ знакомиться съ мѣстностью. Объѣзжая посты отъ Аборфорса по берегу рѣки Кюмени, онъ увидѣлъ на противоположной сторонѣ рѣки непріятельскій пикетъ; не утерпѣвъ Денисовъ и сейчасъ же рѣшилъ его забрать. Присоединивъ къ сопровождавшимъ его нѣсколькимъ конвойнымъ Лейбъ-казакамъ небольшую команду нашихъ солдатъ съ ближайшихъ постовъ, онъ перешелъ рѣку и стремительно атаковалъ шведовъ. Шведы разбѣжались, оставивъ убитыми 17 человекъ и взятыми нами въ плѣнъ 7. 18-го Апрѣля шведы пытались захватить въ отместку нашъ Мемельскій постъ; завязалось небольшое дѣло и шведы опять были обращены въ бѣгство. 21-го Апрѣля близъ урочища Ламала-Сари шведы опять пытались перейти границу, но казаками и егерями, подъ командою генерала Михельсона, были отбиты, потерявъ убитыми 20 человекъ, 3 плѣнныхъ и значительное количество ружей и боевыхъ припасовъ. 23-го Апрѣля отрядъ шведовъ около 1.000 человекъ съ двумя орудіями, перейдя границу у Веккера, сталъ наступать на Суомменеми. Подоспѣвшія наши части вступили въ бой и отбросили шведовъ. 24-го Апрѣля генераль-маіоръ Спренгпортенъ выслалъ роту егерей съ 20 казаками на поискъ по Рандасальмской дорогѣ и у деревни Паскумаки произошелъ бой. Шведы были разбиты и бѣжали, причемъ казаки ихъ преслѣдовали. Въ то же время у генерала Михельсона былъ поискъ, имѣвшій цѣлью разрушить мельничную плотину у Сигаоски, а у генерала Шульца была стычка 27-го Апрѣля Бѣлозерскаго полка со шведами близъ деревень Матка-сильда и Якимаки, также для насъ успѣшная.

Такимъ образомъ, рядомъ мелкихъ схватокъ и поисковъ началась весенняя кампанія, причемъ инициатива мало-по-малу стала переходить въ наши руки. Въ то же время начались дѣйствія и на морѣ и также для насъ успѣшныя,—часть нашей эскадры зимовавшая въ Копенгагенѣ, выйдя крейсировать между островами Борнгольмомъ и Карлскроною, 29-го Апрѣля взяла на abordажъ шведскій куттеръ съ 12 пушками. Въ Маѣ стычки и схватки продолжались. Генераль-маіоръ Шульцъ наблюдая за непріателемъ на дорогахъ къ Сулкову и Рандасальму, 23-го Мая, узнавъ, что шведы намѣрены устроить засаду между вышеупомянутыми дорогами въ находящимся тамъ дефіле, выслалъ туда 60 егерей и 25 казаковъ, которые, оттѣснивъ непріятельскіе посты, ворвались въ деревню Ервепаймоне, зажгли ее и, выгнавъ оттуда шведскихъ егерей и драгунъ, преслѣдовали ихъ до деревни Лаутила, гдѣ находился другой непріятельскій постъ, который былъ также прогнанъ, а деревня сожжена; добычей казаковъ было 5 плѣнныхъ съ лошадьми.

Отрядъ генерала Михельсона, получивъ свѣдѣнія о сосредоточеніи шведовъ близъ деревни Кири, 31-го Мая на разсвѣтѣ перешелъ въ наступленіе. Авангардъ

подъ командой генераль-маіора Раутенфельда, пройдя около 5 верстъ отъ урочища Веккера, обнаружилъ непріятеля болѣе 1.000 человекъ на укрѣпленной и снабженной артиллеріей позиціи, впереди деревни. Пославъ донесеніе Михельсону, Раутенфельдъ

поспѣшилъ развернуться и занять находившіяся тутъ дефиле, которыя могли послужить намъ въ пользу. Подошли главныя силы съ Михельсономъ. Наши батареи сейчасъ же открыли огонь по непріятельскимъ укрѣпленіямъ. Гренадеры, подъ

начальствомъ Спренгпортена и Раутенфельда, стремительно атаковали шведовъ, находившихся въ ретраншаментѣ, несмотря на преграждавшую имъ путь воду и жестокой картечный обстрѣлъ. Первымъ ворвался съ двумя гренадерами гвардіи капитанъ Бибииковъ и овладѣлъ одной пушкой, шведы не выдержали и стали очищать укрѣпленія, отходя къ деревнѣ Кири, причемъ бывшіе при насъ башкиры, подскакивая почти вплотную къ неприятелю, осыпали его стрѣлами. Генераль Денисовъ съ Лейбъ-казачьимъ эскадрономъ и 100 егерями пошелъ въ обходъ и бросился на неприятельскій отрядъ, защищавшій переправу между озерами. Несмотря на упорное сопротивленіе, шведы были сбиты, оставивъ въ рукахъ Денисова одно орудіе. Отступивъ, шведы вновь заняли позицію и приготовились къ отпору, въ это время съ фронта ихъ стали тѣснить съ главными силами Михельсонъ, а съ фланга опять стремительно ударилъ Денисовъ. Шведы не выдержали и послѣ отчаяннаго сопротивленія обратились въ бѣгство, частью въ лѣсъ, а частью къ Саймскому озеру, ища спасенія въ лѣсной чащѣ и въ водѣ, но тщетно—раздраженные упорнымъ боемъ, наши егеря и конница ожесточенно ихъ преслѣдовали. Шведы въ лѣсу были почти что всѣ перебиты егерями, а бросавшихся въ озеро—прикалывали пиками и стрѣлами казаки и башкиры, въѣзжая въ воду и гоняясь чуть не вплавь. Побѣда надъ шведами была полная.

Они оставили на полѣ сраженія болѣе 300 человекъ убитыми, а въ плѣн сдались 8 офицеровъ и 50 нижнихъ чиновъ. У насъ было убитыхъ около 20 человекъ, въ томъ числѣ 2 офицера и ранено 52 нижнихъ чина и 2 офицера, пострадалъ и Денисовъ, получившій въ ногу тяжелую контузію. Императрица Екатерина съ большимъ участіемъ отнеслась къ Денисову: «о контузіи полученной генераль-маіоромъ Денисовымъ,—сожалѣемъ и ожидаемъ увѣдомленія въ какомъ онъ положеніи ¹⁾».

Денисовъ былъ представленъ за это дѣло къ Георгію 3-ей степени, какъ говорилось въ реляціи: «съ двумястами казаковъ и со сто егерями отрѣзывалъ ретирату неприятелю и превозмогая всѣ трудности, овладѣлъ мѣстомъ, гдѣ неприятель жесточайшимъ образомъ препятствовалъ его переправѣ, откуда онъ ударилъ на него въ тылъ... съ отличною храбростью и неустрашимостью ²⁾». Кромѣ того, особенно отличились Лейбъ-казаки: полковникъ Ефремовъ, поручикъ Федоръ Денисовъ и хорунжій Назаровъ ³⁾.

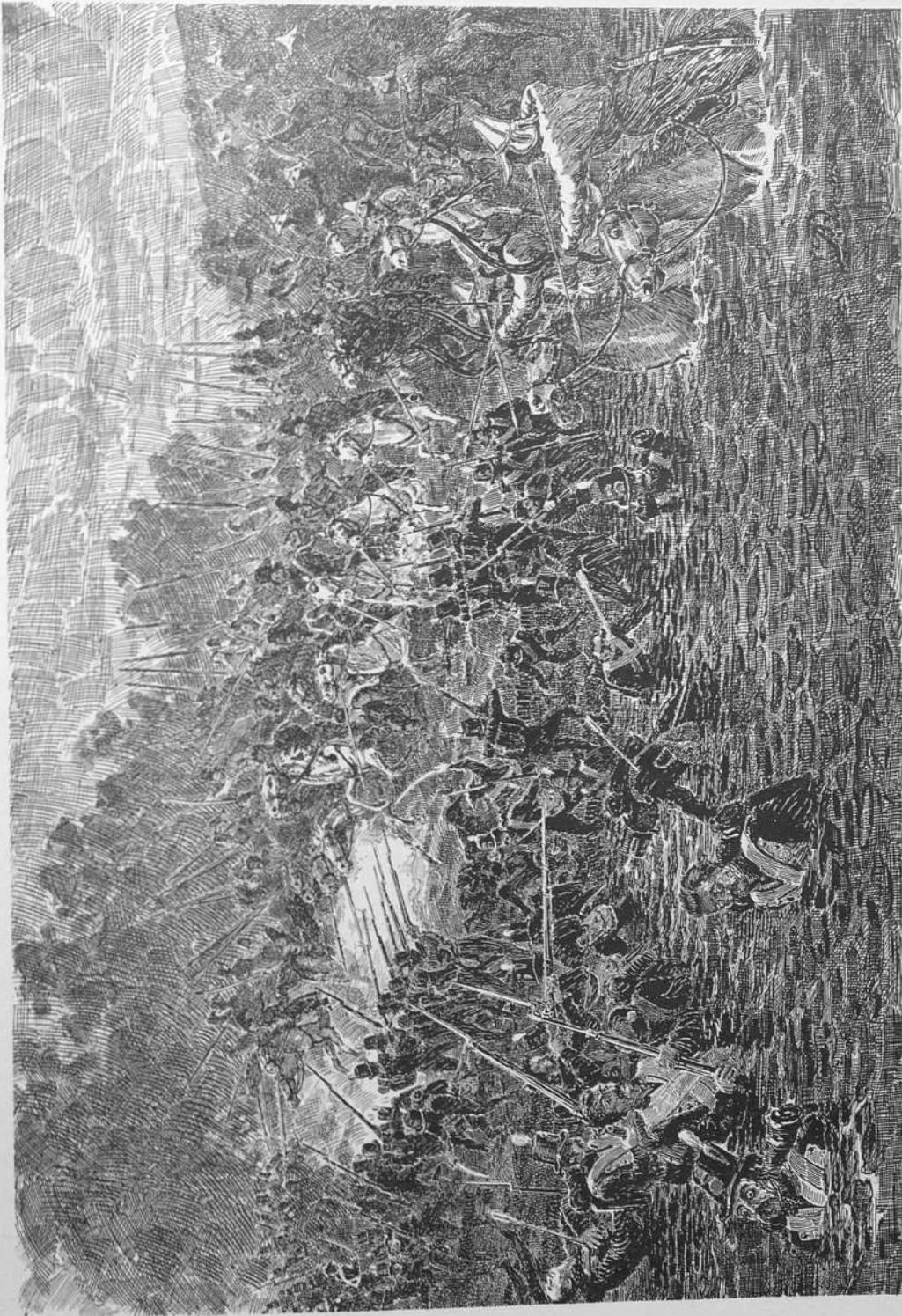
Перваго Іюня на разсвѣтѣ, не встрѣчая больше никакого сопротивленія на пути, вступилъ генераль Михельсонъ въ Христину, имѣя въ авангардѣ Денисова съ Лейбъ-казаками и легкими войсками.

Генераль Михельсонъ по занятіи Христины, безостановочно продолжалъ наступленіе къ Санъ-Михелю. Въ авангардѣ его шелъ по прежнему Денисовъ съ егерями и Лейбъ-казаками. Продвинувшись на 12 верстъ впередъ, Денисову удалось

¹⁾ «Русскій Вѣстникъ» 1888 г., Февраль.

²⁾ «Собраніе реляцій», изд. 1791 г.

³⁾ Тамъ же.

Атака Лейбъ-казаковъ и Башкиръ въ сраженіи при Кири 31-го Мая 1789 года.

захватить двухъ шведскихъ драгунъ изъ разѣзда; дальше было отгѣснено непріятельское охраненіе и, наконецъ, къ тремъ часамъ ночи, въ шести верстахъ отъ Санъ-Михеля, достигли переправы у Парасальма. Шведы успѣли разобрать мостъ, а находившіяся тамъ ихъ двѣ батареи сейчасъ же открыли огонь. Наши орудія немедленно отвѣтили картечью, причемъ потопили нѣсколько лодокъ со шведами, которые намѣревались высадиться намъ въ тылъ. Тѣмъ временемъ, при помощи нарубленныхъ деревьевъ, мостъ былъ наскоро восстановленъ и наши войска бросились на непріятельскія укрѣпленія, имѣя во главѣ генераловъ Денисова, Бергмана и Спренгпортена. Шведскія подкрѣпленія устремились навстрѣчу, завязался горячій бой на самомъ мосту. Смѣло бросались егеря въ штыки, отчаянно бились Лейбъ-казаки, но тѣсно было имъ работать своими пиками... подъ давленіемъ превосходныхъ силъ отошли наши за мостъ. Денисовъ въ эту минуту былъ раненъ въ ногу. Несмотря на рану, Денисовъ, по собственной инициативѣ, взялъ на себя командованіе аріергардомъ и упорнымъ боемъ въ теченіи двухъ часовъ задерживалъ насѣдавшихъ шведовъ. Ф. П., распорядясь, стоялъ верхомъ на батарее; около него, спѣшившись, отстрѣливались Лейбъ-казаки, здѣсь онъ раненъ пулею въ руку; отѣхавъ немного въ сторону, Денисовъ приказалъ лѣкарю извлечь пулю, а самъ, мужественно перенося боль, продолжалъ управлять огнемъ батареи. Медленно отступалъ нашъ отрядъ, послѣдними отходили Лейбъ-казаки съ Денисовымъ. Потери наши были довольно значительны: убитыми 7 офицеровъ и 171 нижній чинъ, ранеными 3 генерала ¹⁾, 15 офицеровъ и 254 нижнихъ чина. Подъ самимъ Михельсономъ была убита лошадь. Вскорѣ мы себя вознаградили. 7-го Іюня, получивъ въ подкрѣпленіе 2 баталіона гренадеръ, Михельсонъ на разсвѣтѣ перешелъ въ наступленіе, сбивая на пути непріятельскіе пикеты и дошелъ до Парасальма. Выдѣливъ 4 роты егерей, 100 казаковъ и башкиръ для атаки праваго непріятельскаго фланга, Михельсонъ на фронтъ шведовъ направилъ 4 роты гренадеръ съ 4-мя орудіями, 60 егерей и команду казаковъ и башкиръ, которые двинулись на непріятельскія батареи. За нашимъ правымъ флангомъ уступомъ шли 10 ротъ Лейбъ-гренадеръ. Въ резервѣ оставались 4 роты гренадеръ, подъ прикрытіемъ части легкихъ войскъ. Завязалась перестрѣлка, продолжавшаяся цѣлый день почти безъ результата и замолкшая съ наступленіемъ ночи. За ночь Михельсонъ успѣлъ построить на командующихъ высотахъ батареи, которая, 8-го Іюня въ 2 часа утра, открыли огонь и сейчасъ же заставили замолчать шведскую батарею крупнаго калибра. Попытка непріятели обойти нашъ лѣвый флангъ была остановлена генераль-маіоромъ Бергманомъ, который, взявъ изъ уступа 9 ротъ Лейбъ-гренадеръ, повелъ ихъ въ контръ-атаку. Въ то же время съ фронта наши войска, подкрѣпленные 4-мя ротами резерва, начали наступленіе на непріятельскіе ретраншаменты; ударомъ въ штыки была взята шведская батарея, а защитники ея почти-что всѣ переколоты.

¹⁾ «О генераль-маіорахъ... Денисовѣ... увѣдомьте Насъ, въ какомъ они состояніи, послѣ ранъ ими полученныхъ, находятся и дайте имъ знать, что Мы скорѣйшаго выздоровленія имъ желаемъ». Письмо Императрицы Екатерины отъ 9-го Іюня 1789 г.

Шведы не выдержали и стали отступать. Сдѣлавъ слабую попытку къ сопротивленію еще разъ по дорогѣ къ Санъ-Михелю, шведы, увидѣвъ настигавшихъ ихъ Лейбъ-казаковъ и гренадеръ, не приняли даже удара и «обратившись въ кучу гонимаго стада», бѣжали дальше черезъ Санъ-Михель по дорогѣ къ Юкасу, причемъ, въ поспѣшности, не имѣя возможности съ собою захватить артиллерійскіе припасы, они взорвали свой пороховой погребъ. Оставивъ въ Санъ-Михелѣ отрядъ изъ Лейбъ-гренадеръ, егерей и Лейбъ-казаковъ, подъ командой Ф. П. Денисова, которому раны мѣшали ѣхать дальше верхомъ, Михельсонъ, пользуясь паникой шведовъ, продолжалъ наступленіе на Пумалазундъ. Денисовъ, распорядившись потушить пожаръ въ Санъ-Михелѣ, происшедшій отъ взрыва порохового погреба, нашель въ городѣ значительную военную добычу: 1 штандартъ, 2 знамени, 46 бочекъ пороху, большое количество военного снаряженія, много съѣстныхъ припасовъ, въ томъ числѣ болѣе 300 бочекъ сельдей. Разсыпавшись по городу, всюду шныряли Лейбъ-казаки и башкиры, захватывая замѣшкавшихся при отступленіи шведовъ, которыхъ набрали 8 офицеровъ и болѣе 100 нижнихъ чиновъ. Тутъ же были найдены, считавшіеся въ предыдущемъ, неудачномъ для насъ, дѣлѣ, убитыми, оставшіеся въ рукахъ шведовъ, наши раненые 1 офицеръ и 37 нижнихъ чиновъ.

Башкиръ.

Генераль Михельсонъ, донося объ этомъ славномъ дѣлѣ, въ своей реляціи, отзываясь, «...что всѣ вообще легкія войска, какъ казаки, такъ и башкиры, особенно же (Лейбъ-казаки) полковникъ Ефремовъ, поручикъ Денисовъ и многіе другіе сихъ войскъ чиновники, въ семъ дѣлѣ своими подвигами отличилися».

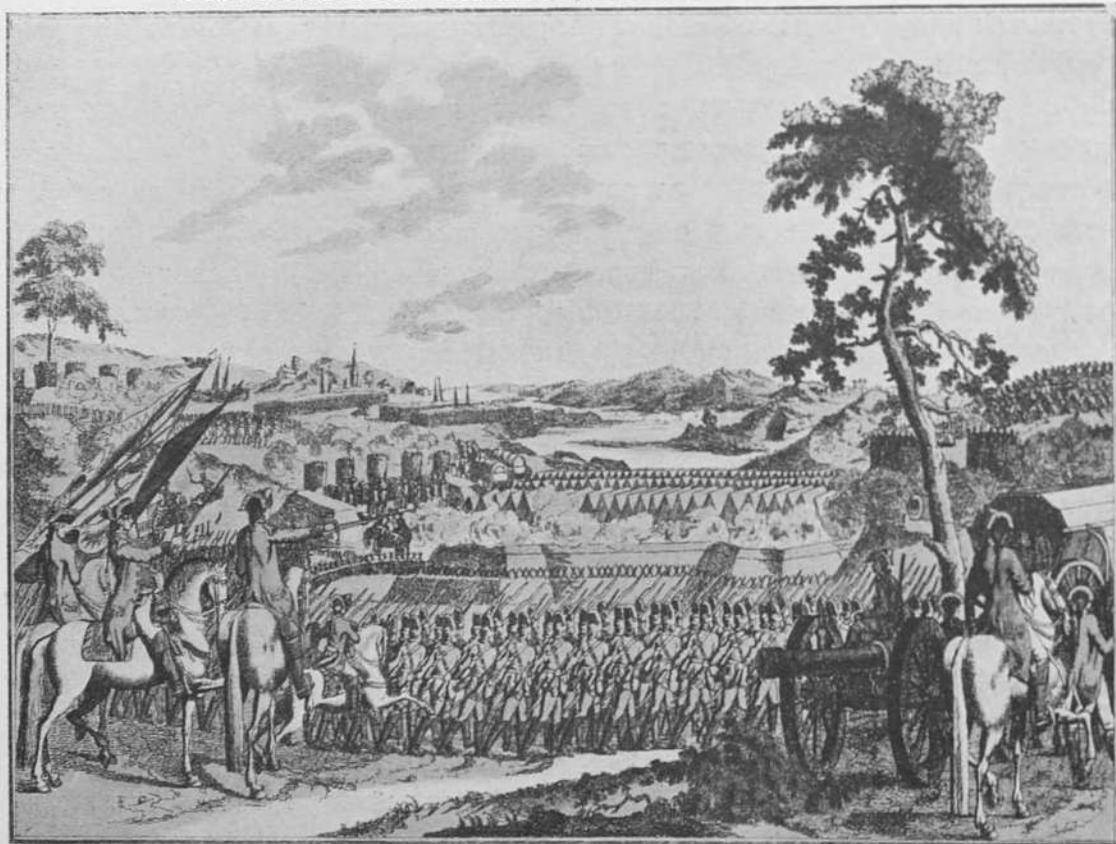
Взятіе Санъ-Михеля значительно улучшало наше положеніе, ибо непріятельскій корпусъ, дѣйствовавшій въ Саволакѣ, оказывался отрѣзаннымъ отъ главной шведской арміи. Генераль Михельсонъ, продолжая свой путь къ Юкасу, дошелъ до деревни Кнутила-Мекки въ 24 верстахъ отъ Санъ-Михеля, гдѣ, узнавъ о нахожденіи шведскаго отряда, онъ выслалъ атаковать его съ фронта генераль-маіора Раутенфельда, а легкія войска послалъ въ обходъ. Шведы отступили къ деревнѣ Кильпаланъ-Коска, гдѣ у нихъ были батареи; послѣ непродолжительнаго боя, боясь за свой тылъ, шведы отступили къ Юкасу, потерявъ плѣнными 19 человекъ.

Непріятель, отрѣзанный въ Пумалазундѣ отрядомъ генераль-маіора Кнорринга, вступилъ было съ нимъ въ переговоры и, усыпивъ его бдительность, ночью 12-го числа отплылъ на судахъ къ Нейшлоту. Кноррингъ, забравъ крестьянскія лодки, послалъ часть отряда его преслѣдовать, а съ другой частью отряда занялъ непріятельскія укрѣпленія, не встрѣтивъ тамъ почти никакого сопротивленія, причемъ взялъ нѣсколько плѣнныхъ, 16 пушекъ, много ружей, зарядовъ, пороху и всевоз-

можныхъ припасовъ, два большихъ мачтовыхъ судна, много мелкихъ судовъ и судовыхъ принадлежностей. Этотъ успѣхъ имѣлъ для насъ также большое значеніе, ибо, такимъ образомъ, районъ Саймскаго озера былъ очищенъ отъ шведовъ и особенно отъ досаждавшей намъ, ихъ гребной флотилии.

Между тѣмъ, генераль-маіоръ Шульцъ, разбивъ непріятеля у Сулкова 5-го Іюня, затрудненный въ движеніи испорченными шведами мостами, дойдя до Юкаса, шведовъ тамъ уже не засталъ. Шведы, уничтоживъ тамъ свои склады, спѣшно отсту-

NORDISCHER KRIEGSSCHAUPLATZ. N° 10

*Winnech, F.
Angriff der kaiserlich-russischen Truppen in Savolax und Christina Sprengel unter Comando des Gral. Lieutenant
Michelson am 11. u. 12. Junius 1789. gegen die königl. schwedischen Truppen unter Comando des Brigade-Chefs Obersten von
Steding bei Kyro und Porosalmi*

Сраженіе у Кири и Парасальма.

пали по дорогѣ на Юразъ. Быстро двинувшись за ними, Шульцъ настигъ арьергардъ; казаки, разсыпавшись въ лаву, поддержанные егерями, стремительно атаковали шведовъ, причѣмъ хорунжій Бирюковъ взялъ пушку, а есауль Митрофановъ взялъ въ плѣнъ офицера и трехъ солдатъ.

На морѣ эскадра адмирала Чичагова 21-го Іюня, близъ Паркалаутскаго мыса, встрѣтила непріятеľскія гребныя суда, съ которыми завязался бой, причѣмъ съ берега насъ обстрѣливала непріятеľская батарея. Шведскій флотъ былъ прину-

ждень отступить, а высаженный нами десантъ, прогнавъ шведовъ съ батареи, овладѣлъ двумя орудіями и брошеннымъ шведами лагеремъ. Третьяго Іюля непріятель, близъ деревни Коувалы, началъ тѣснить наши передовые посты въ отрядѣ генерала Денисова. Денисовъ, получивъ донесенія отъ казаковъ, что непріятель сосредоточивается, откуда можно было предположить, что шведы намѣрены перейти въ наступленіе, рѣшилъ навести ихъ на засаду. Усиливъ наши посты, Денисовъ завязалъ со шведами перестрѣлку и приказалъ Лейбъ-казакамъ и казакамъ Леонова медленно отходить на деревню Кайпіасъ, гдѣ скрытно занялъ позицію Великолуцкій пѣхотный полкъ съ артиллеріей, а по сторонамъ подступовъ къ деревнѣ залегли двѣ сотни спѣшенныхъ казаковъ. Увлеченные преслѣдованіемъ нашихъ постовъ, шведы неожиданно наткнулись на засаду, были стремительно атакованы съ фронта и съ фланга и стали спѣшно отступать. Денисовъ, несмотря на наступавшую ночь, по пятамъ гналъ непріятеля до деревни Утти, откуда дальше выслалъ преслѣдовать шведовъ, подполковниковъ Яновскаго и Леонова съ легкими войсками до самой Коувалы. Шведы оставили убитыми около 300 человекъ.

По полученіи извѣстія объ этомъ дѣлѣ, Императрица пожаловала Денисову драгоцѣнную саблю въ двѣ слишкомъ тысячи рублей ¹⁾).

Изъ-за разногласія относительно плана дѣйствій, у Денисова произошла размолвка съ осторожнымъ Михельсономъ, что дошло до свѣдѣнія Императрицы, которая писала объ этомъ Потемкину: «Михельсонъ, поссорясь съ Денисовымъ, сказался больнымъ, а Мой гренадерскій полкъ такъ золь на Михельсона, что его называютъ измѣнникомъ ²⁾».

Дальше, ввиду болѣзни Михельсона, Денисовъ дѣйствуетъ самостоятельно,— 28-го Іюля со 120-ю казаками и баталіономъ егерей онъ неожиданно напалъ на шведскіе посты близъ той же деревни Коувалы и тѣснилъ ихъ до шведской батареи, съ которой шведы, увидя вслѣдъ за Лейбъ-казачьими пиками и штыки егерей, не приняли атаки и поспѣшно отступили, увезя пушки безъ передковъ, а передки остались въ нашихъ рукахъ.

На морѣ адмиралъ Чичаговъ имѣлъ трехдневный бой—14-го, 15-го и 16-го Іюля—со шведской эскадрой близъ острова Эланда, послѣ чего соединился съ Копенгагенской эскадрой адмирала Козлянинова.

13-го Августа нашъ галерный флотъ, подъ начальствомъ принца Нассау-Зигенъ, близъ Фридрихсгама, имѣлъ бой со шведскимъ армейскимъ флотомъ, между островами Куцаль-Мулимъ, Котка и Муссала. Послѣ 14-часового жестокаго боя нами было взято у шведовъ 9 судовъ съ 214 пушками, 37 офицеровъ и 1200 нижнихъ чиновъ плѣнныхъ, а остатокъ шведскаго флота былъ загнанъ въ устья рѣки Кюмень. Мы потеряли убитыми и ранеными: офицеровъ 53 и нижнихъ чиновъ 957 человекъ.

¹⁾ Дневникъ Храповицкаго 1789 г.

²⁾ Письмо Императрицы Екатерины къ Потемкину 6-го Іюля 1789 г. «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», т. 42.

Интересная подробность, что вмѣстѣ съ нашими солдатами на гребныхъ судахъ сражались противъ шведовъ и плѣнные турки, присланные въ армію Потемкинымъ, которые, между прочимъ, подъ выстрѣлами непріятельскихъ батарей, взяли 2 шведскихъ судна.

21-го Августа эскадра принца Нассау-Зигенъ, между Гейнлакомъ и Куписомъ, съ бою высадила десантъ, который началъ тѣснить шведскихъ егерей; въ то же время по сигналу, данному съ галернаго флота, сухопутный корпусъ генерала Левашева тремя колоннами повелъ атаку на непріятельскія войска, бывшія подъ начальствомъ самого короля. Колоннами командовали: первую генераль-поручикъ Нумсенъ, вторую—среднею генераль-маіоръ Боуверъ и третью—правою бригадиръ Римскій-Корсаковъ. Корсаковъ энергично атаковалъ противника и овладѣлъ его батареею, прикрывавшей мостъ; въ то же время часть его колонны переправилась на гребныхъ судахъ на противоположный берегъ и, опрокинувъ шведовъ, начала наводить мосты. Одновременно Нумсенъ овладѣлъ переправой при деревнѣ Гелила; шведы начали отступать. Принцъ Нассау успѣлъ посадить свой десантъ. Казаки, не дожидаясь исправленія разобранныхъ шведами мостовъ, переправились черезъ Кюмень вплавъ и преслѣдовали непріятеля, поспѣшно отступавшаго, до деревни Суттола, гдѣ нашли подожженные шведами склады запасовъ. Потушивъ пожаръ и исправивъ испорченный шведами мостъ, на разсвѣтѣ казаки продолжали преслѣдовать шведовъ до деревни Сторъ-Куписъ, гдѣ густой туманъ остановилъ дальнѣйшее движеніе; тутъ соединились войска Нумсена и принца Нассау. Давъ передохнуть, утомленнымъ ночнымъ движеніемъ, людямъ, продолжали наступленіе,— Нумсенъ по дорогѣ на Герви-Коскъ, а Нассау на Аборфорсъ, куда отступали главныя силы короля шведскаго; для связи между колоннами, были назначены казаки. Дойдя до деревни Питисъ, принцъ Нассау настигъ шведовъ, которые разрушивъ мостъ и побросавъ обозныя повозки, спѣшно занимали позицію у Краснаго дома. Наши егеря и спѣшенные казаки, быстро перебравшись по переброшеннымъ бревнамъ, атаковали шведовъ и обратили ихъ въ бѣгство, причемъ преслѣдовали до самой границы.

Нами взято въ добычу 73 орудія, много съѣстныхъ и артиллерійскихъ припасовъ, 60 плѣнныхъ, а отрядомъ гребнаго флота—18 гребныхъ судовъ, изъ которыхъ были и вооруженныя пушками, въ томъ числѣ собственная королевская баржа. Между особенно отличившимися отмѣченъ казачій полковникъ Поздѣевъ. Наши потери состояли изъ 32-хъ убитыхъ нижнихъ чиновъ и раненыхъ 5 офицеровъ, въ томъ числѣ Войска Донскаго капитанъ Мартыновъ и 67 нижнихъ чиновъ. 27-го Августа шведами была произведена неудачная попытка посадить десантъ у деревни Кильона.

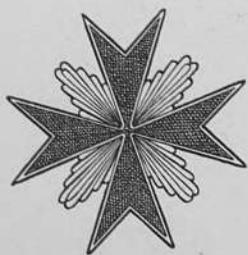
На морѣ 4-го Сентября часть нашей эскадры, подъ командой капитана Тревенена, была отряжена для занятія Борезундскаго поста между Гангутомъ и Перкслаутомъ. Входъ въ Борезундскій заливъ былъ защищенъ шведами съ южной и сѣверной стороны батареями, кромѣ того, за мелкими островами въ бухтѣ стояло

нѣсколько судовъ, которыя могли анфилировать своимъ огнемъ входъ въ бухту. Шведы придавали значеніе этому мѣсту, ибо это былъ дѣйствительно ключъ отъ всѣхъ шхеръ. Рѣшивъ атаковать непріятеля, корабли наши, приблизясь къ бухтѣ, вступили въ перестрѣлку.

Непріятельскія суда отошли черезъ шхеры, гдѣ, за неимѣніемъ лоцмановъ, мы не могли ихъ преслѣдовать, а батареи были поспѣшно оставлены шведами; намъ досталось 4 пушки и большое количество артиллерійскихъ снарядовъ. У насъ сѣлъ на камни корабль «Сѣверный Орелъ». Потери наши: 3 убитыхъ и 12 раненыхъ. Цѣною такихъ, въ сущности, ничтожныхъ потерь мы овладѣли этимъ важнымъ мѣстомъ.

На сушѣ 24-го Сентября, бригадиръ Римскій-Корсаковъ, командовавшій отрядомъ войскъ у Нейшлота, получилъ донесеніе отъ передовыхъ постовъ о наступленіи шведовъ на Киримяки, куда и отрядилъ небольшой отрядъ легкихъ войскъ для рекогносцировки. Отрядъ дошелъ до деревни Ролгонемы, гдѣ, встрѣтясь со шведами, вступилъ въ перестрѣлку и заставилъ ихъ отступить къ деревнѣ Юликонни. Вся наша потеря заключалась въ одномъ раненомъ казакѣ. Того же числа нашимъ постомъ у деревни Талбанемы была отражена попытка шведовъ пристать на лодкахъ къ берегу. 28-го Сентября Римскій-Корсаковъ, узнавъ о намѣреніи шведовъ переправляться отъ Саймскаго моста къ деревни Юликонни, чтобы тѣмъ отрѣзать Корсакова отъ Кирки Киримяки, отрядилъ «деташементъ» для овладѣнія непріятельской батареей, находившейся на противоположномъ берегу Саймскаго пролива. Быстро наведя мостъ подъ непріятельскимъ огнемъ, мы овладѣли батареей; когда же подоспѣвшія подкрѣпленія шведовъ начали одолѣвать, то захвативъ два взятыхъ орудія, русскіе вернулись обратно. Изъ бывшихъ на батареѣ шведовъ— всѣ погибли, защищая пушки, за исключеніемъ 3-хъ человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ. У насъ убиты 2 офицера и 50 нижнихъ чиновъ, ранено нижнихъ чиновъ 42 человека.

Этими дѣлами окончилась кампанія 1789 года. Хотя войска наши и проявили много мужества, но особеннаго успѣха въ общемъ мы не имѣли, по тѣмъ же причинамъ, отмѣченнымъ Императрицею: «Прошлый годъ былъ тяжелъ, въ нынѣшнемъ досадна иная Пушкіна»; такъ что, оттѣснивъ шведовъ за Кюмень, перенести войну на ихъ территорію намъ не удалось. Войска получили повелѣніе занять зимнія квартиры.

Полковник
Степанъ Степановичъ
ЕФРЕМОВЪ.

Начальникъ Донской Лейбъ-казацкой Придворной команды.
1786—1788—1790.

Всадникъ на бѣломъ конѣ въ голубомъ кафтанѣ.

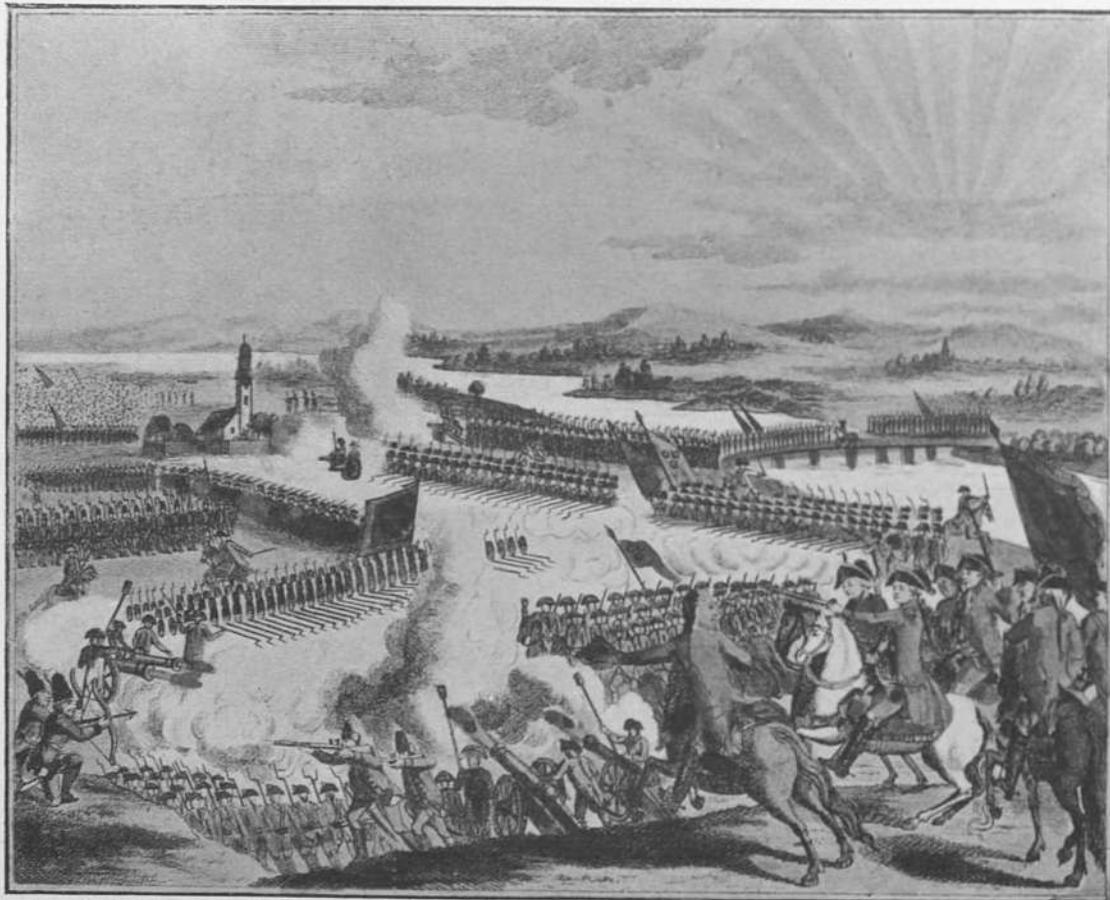
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Продолженіе Шведской войны.—Обстановка передъ началомъ кампаніи 1790 года.—Неудача генерала Игельстрома.—Побѣда Денисова при Кайпіасѣ.—Дѣло Лейбъ-казаковъ на Елимской дорогѣ.—Дѣйствія флота.—Дѣло Лейбъ-казаковъ у Селямпіи и Ялы.—Выборгская побѣда.—Бой Денисова при Тогокоти.—Роченсальмское пораженіе.—Верельскій миръ.—Заключеніе.

Съ наступленіемъ весны должна была начаться третья кампанія; между тѣмъ, политическій горизонтъ становился все мрачнѣе. 9-го Февраля скончался другъ и союзникъ Екатерины, Австрійскій Императоръ Юсіфъ II, а съ воцареніемъ брата его Леопольда политика его двора получила другое направленіе. Пруссія стала угрожать Россіи еще третьей войной. Таково было положеніе къ веснѣ 1790 года. Учитывая причину нашихъ недостаточныхъ успѣховъ въ Финляндіи, Императрица, хотя и не желала обидѣть, «понеже Я ему персонально обязана», графа Мусина-Пушкина, но все же рѣшила его замѣнить, почему начальство надъ нашими войсками и было поручено вмѣсто него графу Ивану Петровичу Салтыкову.

18-го Апрѣля генераль Игельстромъ получилъ отъ Салтыкова приказаніе вытѣснить шведовъ, укрѣпившихся въ Парадокоскѣ и Керникоскѣ,—для чего былъ назначенъ отрядъ подѣ начальствомъ генераль-поручика принца Ангальтъ-Бернбургскаго. Войска выступили тремя колоннами: первая, изъ двухъ баталіоновъ Преображенцевъ съ артиллеріей, выйдя изъ деревни Салкисъ, устроивъ батарею противъ острововъ Лапенсало и Котень, атаковала Парадокоскую батарею, гдѣ

NORDISCHER KRIEGSSCHAUPLAZ N. 20.

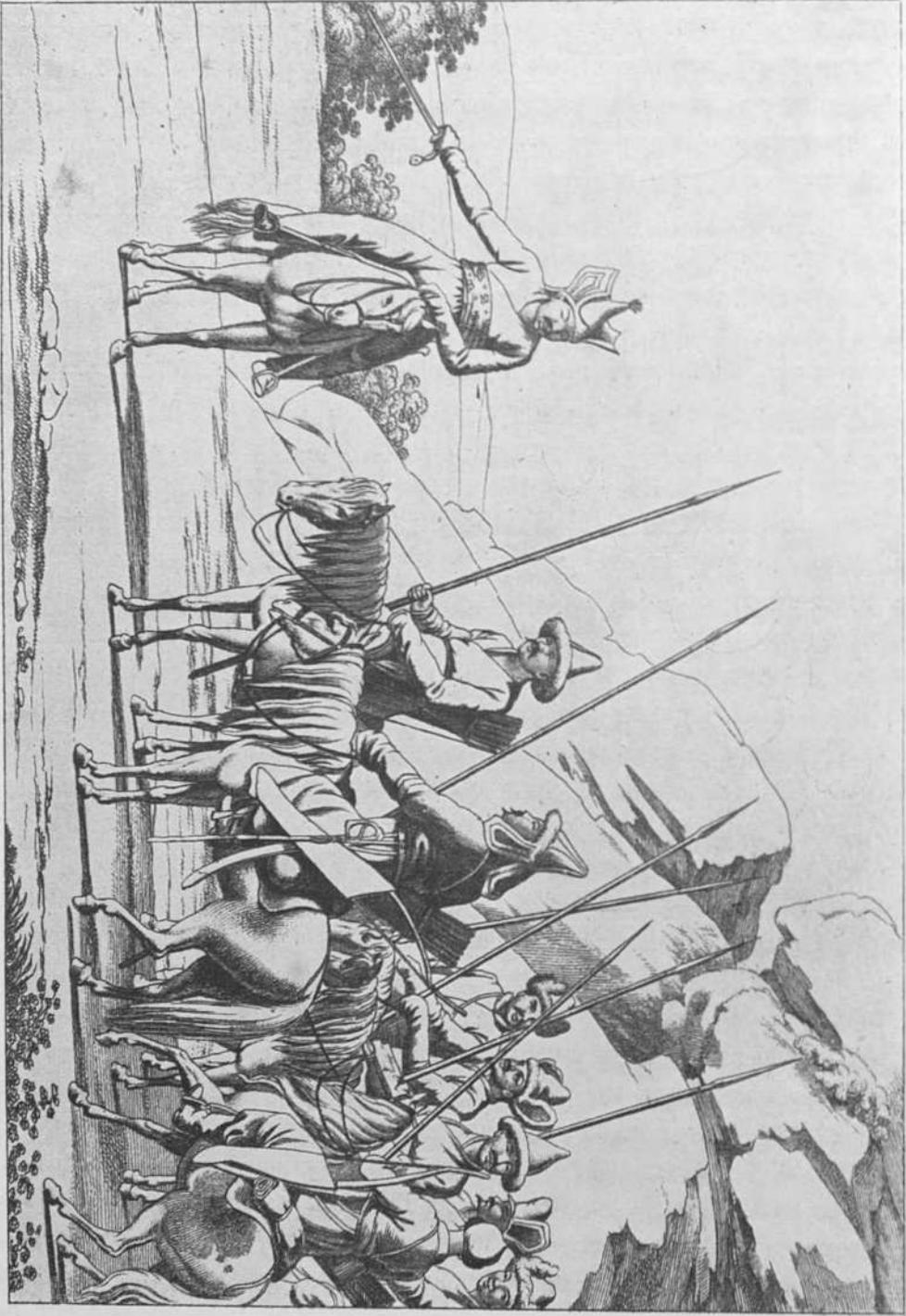
Angriff St Majestät des Königs von Schweden gegen die russischen Kaiserlichen Truppen bei Valkeala am 20 April 1790 um die Communication der Königl. schwedischen Truppen zwischen den Baron von Armfelt wieder zu eröffnen, wo zugleich der König eine Contusion am rechten Arm selbst erhält.

Сраженіе у Валкіалы.

была нѣсколько задержана жестокимъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ и въ то же время неожиданно атакована непріятельской колонной, скрытно подошедшей отъ острова Куйваса; начальникъ колонны бригадиръ Байковъ былъ раненъ, остальные старшіе офицеры были ранены или убиты. Солдаты, оставшіеся безъ начальниковъ, терпя отъ сильнаго огня и разстрѣлявъ почти всѣ свои патроны, замялись и дальнѣйшаго успѣха эта колонна уже имѣть не могла, почему и получила приказаніе отъ Игельстрома отступить.

Вторая колонна, подъ командой генераль-маіора фонъ-Сухтелена, состоявшая изъ трехъ баталіоновъ Великолуцкаго и Елецкаго полковъ, выступила изъ Савитайпола на Парадокоски лѣтнею дорогою, выславъ впередъ авангардъ съ рабочими; при этой колоннѣ находился и принцъ Ангальтъ-Бернбургскій. Путь этой колонны былъ сильно затрудненъ крутыми подъемами и каменистою дорогою, почему артиллерія, бывшая при колоннѣ, нѣсколько отстала. Колонна, поджидая пушки, остановилась, причемъ въ это время занялись изслѣдованіемъ прочности льда въ заливѣ, который этой колоннѣ предстояло перейти. Шведы, замѣтивъ нашихъ, открыли орудійный огонь; тогда, по приказанію принца, войска наши съ барабаннымъ боемъ пошли въ атаку на Керникосскій мостъ, а егеря были отряжены для обхода. Обходъ не удался, егеря были отбиты; командовавшіе ими подполковникъ Петровичъ и маіоръ Михельсонъ въ самомъ началѣ тяжело ранены. Атака самой колонны тоже оказалась неудачной, хотя, присоединившіяся изъ 3-ей колонны двѣ роты Лейбъ-гренадеръ, подъ командой секундъ-маіора Ершова, уже, было, и овладѣли шведской батареей и изъ ихъ же орудія открыли огонь. Подавленные превосходнымъ числомъ шведовъ и особенно сильно терпя отъ ихъ егерей, засѣвшихъ въ лѣсу, баталіоны наши должны были отступить, причемъ часть второй колонны оказалась отрѣзанною и отступая соединилась съ третьей колонной.

Третья колонна, подъ начальствомъ генераль-маіора Бергмана, состояла изъ двухъ баталіоновъ Лейбъ-гренадеръ съ орудіями, команды егерей и Лейбъ-казаковъ. Отрядивъ съ самага начала двѣ роты Лейбъ-гренадеръ подъ командой секундъ-маіора Ершова съ десятию егерями и восьмью казаками по зимней Парадокоской дорогѣ на деревню Пилко, чтобы вытѣснить изъ нея непріятели и дальше атаковать Керникоски съ лѣвой стороны, самъ, дойдя до острова Лехтисень-Сари, Бергманъ выслалъ двѣ роты при одномъ орудіи, подъ командой маіора Фрейндсдорфа, къ мысу Соуменсалу, въ качествѣ заслона на дорогѣ по льду изъ Суоинемеи къ Савитайполу. При этомъ же отрядѣ было послано 36 казаковъ при сотникѣ Желтухинѣ, «чтобы дѣлали они диверсію и старались обратить на себя непріятели», самъ же съ остальными войсками сталъ между островомъ Лехтисень-Сари и мысомъ Ротасало, въ полтора верстахъ отъ деревни Пилко, чтобы воспрепятствовать шведскимъ подкрѣпленіямъ идти къ Парадокоски. Остальные Лейбъ-казаки и башкиры были высланы въ разъѣзды для связи со второй колонной и для развѣдки. Черезъ часъ послѣ открывшейся въ Керникоскѣ канонады, получивъ черезъ маіора Фрейндсдорфа отъ сотника Желтухина донесеніе, что непріятели, усилившись на Суоинемскомъ берегу, двигается и къ промежутку острова Лембо-Сари,—маневрированіемъ заставилъ непріятели отказаться отъ намѣренія подать помощь въ Парадокоски. Дѣйствія Ершова уже извѣстны. Такимъ образомъ, послѣ пятичасового боя войска наши, по приказанію Игельстрома, отступили, потерявъ убитыми 3-хъ офицеровъ и 194 нижнихъ чина; ранеными 21 офицера и 285 нижнихъ чиновъ; въ числѣ раненыхъ былъ и принцъ Ангальтъ-Бернбургскій, вскорѣ умершій. Изъ Лейбъ-казаковъ представленъ къ отличію хорунжій Усачевъ.

Eine Baschkiren Patrouille von ihrem Officier angeführt.
Баукирскій офицерскій паръ-башаръ.

19-го Апрѣля бригадиръ Римскій-Корсаковъ, «начальствовавшій Нейшлотскимъ detachmentомъ», съ баталіономъ Рязанскаго и двумя баталіонами Нарвскаго полковъ совершилъ поискъ къ деревнѣ Юлякони и Кумуранда, причемъ непріатель, занимавшій ихъ, былъ совершенно разстроены; нами взято въ плѣнъ 31 человекъ, отбита одна пушка и сожжены 12 канонерскихъ лодокъ и фуражный складъ. При взятіи батареи особенно отличились Донской подпоручикъ Бирюковъ, который «поступалъ при семъ случаѣ храбро, а приказной казакъ Веденѣевъ сдѣлалъ довольное число плѣну». Уничтоживъ непріательскія укрѣпленія, 20-го Апрѣля, вечеромъ, Корсаковъ возвратился и занялъ прежніе посты. 24-го Апрѣля совершенъ поискъ генераломъ Нумсеномъ за Кюмень у Мемеля, причемъ у шведовъ взято 12 пушекъ и 5 офицеровъ въ плѣнъ.

22-го Апрѣля шведскій король съ 1.500 человекъ и двумя орудіями отъ кирки Валкіала сдѣлалъ рекогносцировку дорогъ до деревни Тайкала, «отъ которой прямой путь на Кайпіасъ»; наши казачьи пикеты отошли назадъ. Возвращаясь обратно, шведы, въ 4-хъ верстахъ отъ Тайкалы, заложили батарею. Генераль Денисовъ сейчасъ же занялъ эту деревню пикетами и рѣшивъ отгнать шведовъ, 24-го Апрѣля въ 2 часа дня, перешелъ въ наступленіе. У Денисова было: 2 баталіона Лейбъ-гренадеръ, Тобольскій пѣх. полкъ, баталіонъ Эстляндскихъ егерей, 2 роты Финляндскихъ егерей, Лейбъ-казачій эскадронъ и часть Донцовъ Леонова. Шведы безъ сопротивленія оставили батарею и начали отходить двумя частями,—одна на деревню Селямпію, а другая отъ Юкалы къ Ороволовой мызѣ. Мостъ, у деревни Юкалы, былъ шведами сожженъ, почему Денисовъ свернулъ къ Ороволовой мызѣ, и, настигнувъ шведовъ у деревни Варенды, вступилъ въ бой. Принудивъ шведовъ отступить, Денисовъ настойчиво ихъ преслѣдовалъ до самой мызы и овладѣлъ всѣмъ обозомъ. Отступая, шведскій король пытался дать отпоръ у Маттиловскаго моста, но войска его не выдержали стремительнаго наступленія Денисова и обратились въ бѣгство. Спасаясь отъ преслѣдованія, шведы зажгли мостъ,—это не остановило Лейбъ-казаковъ, они переправились черезъ протокъ вплавь и гнали шведовъ безостановочно всю ночь до разсвѣта, когда, наконецъ, шведы дошли до деревни Маттилы и перебрались за Кюмень. Денисовъ сейчасъ же занялъ границу своими постами. Кромѣ обоза, было взято 9 плѣнныхъ и отбиты у шведовъ наши раненыя 15 человекъ, взятые ими 18-го числа. Шведы потеряли убитыми и ранеными 150 человекъ, у насъ были ранены 1 офицеръ и 44 нижнихъ чина, убито 15 человекъ. Въ числѣ отличившихся отмѣчены: Донской полковникъ Василій Денисовъ, командовавшій Лейбъ-казаками, «находясь впереди всего отряда въ непрерывномъ огнѣ, съ двухъ часовъ пополудни до пяти пополуночи, наносилъ непріателю чувствительные удары, наблюдая всѣ его движенія». Лейбъ-казакъ капитанъ Андрей Слюсаревъ, исправлявшій должность дежурь-майора; получившій рану есаулъ Леонтій Ежовъ и поручикъ Трифонъ Долговъ.

У начальника Пумалазундскаго отряда полковника Анрепа 23-го Апрѣля былъ также успѣшный бой, во время котораго Анрепъ у мызы Тимала сжегъ шведскія казармы, обозъ, патронные ящики и провіантскіе склады.

Генераль-поручикъ Нумсенъ того же числа имѣлъ бой со шведами близъ Корписа, ему удалось очистить правую сторону непріятельскаго берега Кюмени и отгнать шведовъ за 13 верстъ до Вилкалаби. 27-го Апрѣля Денисовъ, получивъ извѣстіе, что у брода и у моста противъ Перелы шведы перешли на нашу сторону рѣки Кюмени, выслалъ второй баталіонъ Эстляндскихъ егерей, подъ командой Лейбъ-гренадерскаго полка секундъ-маіора Ершова и часть Лейбъ-казаковъ.

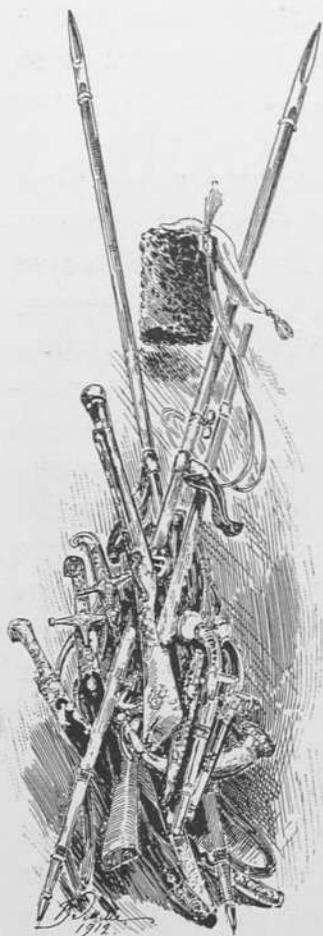
Атаковавъ шведовъ съ трехъ сторонъ, мы отгнали непріятели обратно и выставили свои посты. Ершовъ свидѣтельствовалъ, что: «всѣ, бывшіе въ семъ дѣлѣ офицеры, егери и козаки, поступали съ отличною храбростію».

Перваго Мая шведы перешли въ наступленіе по Елимской дорогѣ на отрядъ Денисова и начали гнать передовые посты. Полковникъ Денисовъ, собравъ Лейбъ-казаковъ съ ближайшихъ постовъ, смѣло атаковалъ шведовъ и отразилъ нападеніе, они отступили, оставивъ 13 убитыми и 5 плѣнными.

На морѣ тѣмъ временемъ—обстоятельства измѣнились: 30-го Апрѣля эскадрою адмирала Чичагова былъ замѣченъ шведскій флотъ около 30-ти судовъ, идущій къ намъ. Наши корабли изготовились. 1-го Мая шведскій флотъ, пройдя между островами Наргеномъ и Вульфомъ, подошелъ къ Ревельскому рейду, а втораго Мая начался бой. Чичаговъ, несмотря на то, что былъ значительно слабѣе шведовъ, смѣло ихъ атаковалъ и заставилъ отступить. У шведовъ былъ взятъ, вмѣстѣ съ 64 пушками и 500 человекъ, въ числѣ которыхъ было 100 кирасиръ, назначенныхъ для десанта, корабль «Принцъ Карлъ». Особое участіе во взятіи его принялъ нашъ корабль «Ростиславъ». Послѣ этого 4-го Мая шведы, подъ предводительствомъ самого короля, разгромили нашъ гребной флотъ подъ Роченсальмомъ, послѣ чего Густавъ потребовалъ сдачи отъ Фридрихсгамскаго гарнизона, но получилъ отказъ.

Узнавъ объ этомъ, наши сухопутныя войска поспѣшили на выручку, почему шведы, не пытаясь спустить десанта, всѣмъ флотомъ отошли къ Питкопасу. Подъ Нейшлотомъ шведы потерпѣли нѣсколько мелкихъ неудачъ.

22-го Мая близъ деревни Перелы шведы «отрядили своихъ козаковъ для снятія нашего поста козачьяго жъ». Шведы были отбиты, взятый плѣнный показалъ, что въ деревнѣ 150 человекъ пѣхоты съ двумя пушками и 30-ю всадниками. Генераль-маіоръ Денисовъ приказалъ премьеръ-маіору Унгернштернбергу, находившемуся въ Селямпіи, съ частью Тобольскаго полка и Лейбъ-казаками выбить шведовъ изъ Перелы. Ночью подъ 23-е число отрядъ скрытно выступилъ, сбиль шведскіе посты и,

перейдя рѣчку, съ двухъ сторонъ атаковалъ деревню. Шведы послѣ непродолжительнаго сопротивленія, начали спѣшно отступать. Часть Лейбъ-казаковъ съ сотникомъ Назаровымъ бросились ихъ преслѣдовать и гнали цѣлыхъ 10 верстъ до деревни Ялы, остальные Лейбъ-казаки сейчасъ же срыли шведскую батарею въ деревнѣ. Изъ отличившихся Денисовъ въ своемъ донесеніи отмѣчаетъ «Лейбъ-казачьей команды поручика Долгова, который перейдя за рѣчку съ 15-ю козаками ударилъ на непріятельскій постъ и разбилъ его, скололъ трехъ и одного взялъ въ плѣнъ». Казаками Назарова было убито 7 шведовъ и взято въ плѣнъ три. 24-го Мая шведскій генераль Армфельдъ во главѣ 4-хъ тысячъ атаковалъ генераль-маіора Хрущова, близъ Савитайпола, но былъ отбитъ, причемъ самъ Армфельдъ былъ тяжело раненъ. 30-го Мая полковникъ Леоновъ съ своимъ Донскимъ полкомъ близъ деревни Пукала имѣлъ дѣло со шведами, пытавшимися высадиться на берегъ, шведы были отбиты.

Вышедшая изъ Кронштадта, наша эскадра адмирала Круза, на соединеніе съ Ревельской эскадрой, 23-го мая, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, дошла до острова Сескара, гдѣ встрѣтилась со шведами и вступила въ бой, «ужасная канонада слышна съ зари почти за весь день въ Петербургѣ и въ Царскомъ Селѣ ¹⁾». Шведы отступили, боясь шедшей на соединеніе съ Крузомъ эскадры Чичагова; эскадры соединились и заблокировали шведовъ въ Выборгской бухтѣ. «Между тѣмъ въ бухтѣ Выборгской они мечутся, аки угорѣлыя кошки... Я ѣздила 20-го Мая въ Петергофъ и Кронштадтъ, тутъ стрѣльба такъ слышна была въ три первые дни, что окна тряслись ²⁾»... Произошелъ бой, въ которомъ шведы были совершенно разбиты, 5 ихъ линейныхъ кораблей и два фрегата и нѣсколько мелкихъ судовъ нами были взяты съ болѣе чѣмъ 5-ю тысячами человекъ. При преслѣдованіи еще было взято два корабля и одинъ фрегатъ, остатки разбитаго флота укрылись подъ защиту Свеаборгскихъ укрѣпленій.

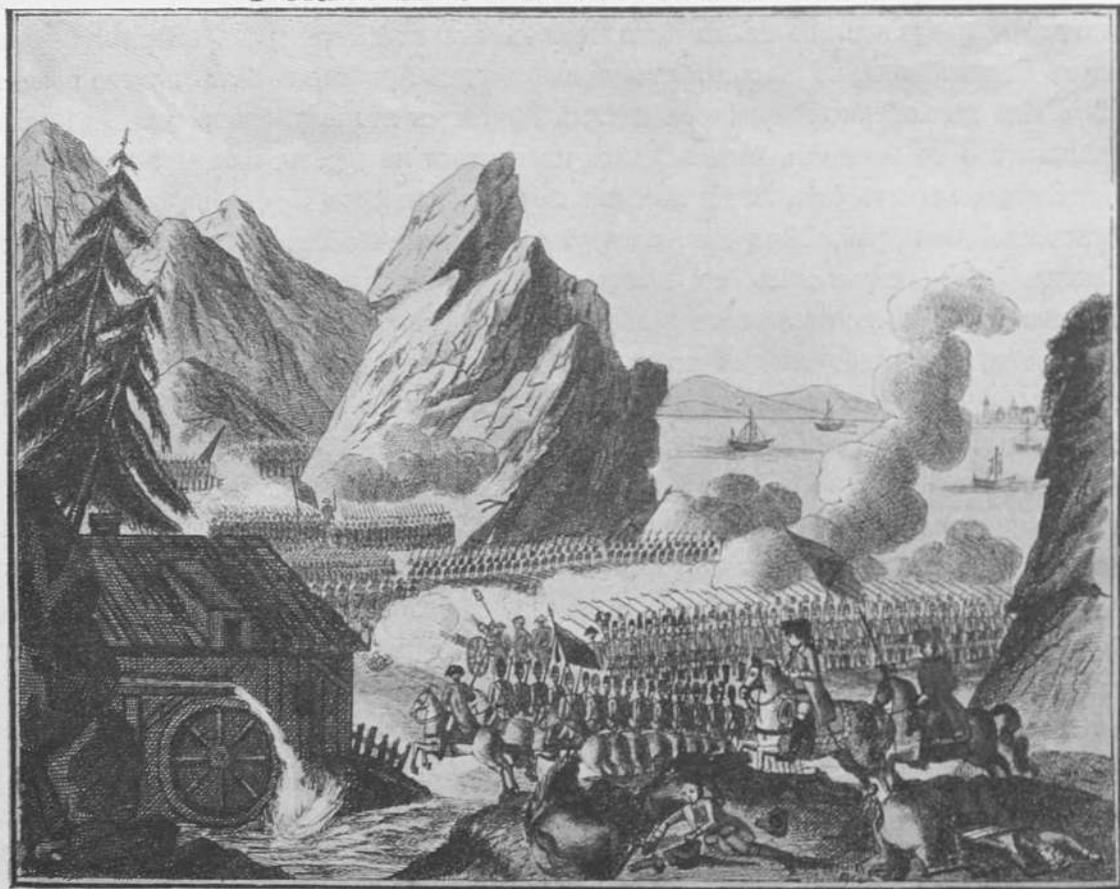
27-го Іюня шведы черезъ Мендугарію, подойдя къ нашимъ границамъ и сбивъ казачій постъ, двинулись къ деревнѣ Тогокоти. Генераль Денисовъ выслалъ вслѣдъ за ними баталіонъ Лейбъ-гренадеръ, 70 егерей и нѣсколько Лейбъ-казаковъ подъ командой Тобольскаго пѣхотнаго полка подполковника Кропотова. 28-го Іюня Кропотовъ атаковалъ шведовъ при деревнѣ Тогокоти и принудилъ ихъ отступить по Мендугарской дорогѣ. Шведы потеряли 18 человекъ убитыми и одного плѣннымъ. Кропотовъ, узнавъ, что другая часть шведовъ направилась къ Давыдовской крѣпости и Кайпіасу, укрѣпился въ Тогокоти, чтобы задержать шведовъ. Тѣмъ временемъ Войска Донскаго полковникъ Денисовъ съ 17-ю Лейбъ-казаками слѣдилъ за движеніемъ шведскаго отряда. Найдя въ 15-ти верстахъ отъ Давыдова, при пильной мельницѣ у озера Каннусъ-Эрви, удобное мѣсто для засады, онъ пересѣкъ дорогу шведамъ, а самъ послалъ объ этомъ дать знать генералу Денисову. Генераль Денисовъ выслалъ на поддержку оставшихся у него 35 Лейбъ-казаковъ и

¹⁾ Дневникъ Храповицкаго.

²⁾ Письмо Императрицы Екатерины Потемкину отъ 8-го Іюня 1790 г.

приказаль тремъ ротамъ Нарвскаго пѣхотнаго полка, идти туда же, о чемъ сообщилъ подполковнику Кропотову. Роты Нарвскаго полка, бывшія въ б-ти верстахъ отъ Давыдова, не успѣли подойти къ полковнику Денисову; Денисовъ, не смущаясь малочисленностью бывшихъ при немъ Лейбъ-казаковъ, изъ засады открылъ огонь по шведамъ; шведы, пораженные неожиданностью, повернули обратно отъ пильной мельницы на Тогокоти. Быстро вскочивъ на лошадей, полковникъ Денисовъ съ

NORDISCHER KRIEGSSCHAUPLAZ. N.33.

Angrif der kaiserlichen russischen Truppen auf das Dorf Togokotti in Finnland am 27 Juni 1790. bei der Säge-Mühle am See Erwy in den engen Pässen unter Comando des oberst-Leutenant Kro-potow und des Kosaken-obersten Denisow wo das königl. schwedische detachement von 600 Mann die Waffen niederlegen muste.

Дѣло Денисова у Тогокоти.

Лейбъ-казаками стали провожать шведовъ, все время идя у нихъ на хвосту и задирая ихъ. Отдѣльные всадники подскакивали почти вплотную къ шведамъ и стрѣляли по нимъ. Шведы, рассчитывая въ Тогокоти встрѣтить своихъ, спокойно шли. Вдругъ, совсѣмъ около деревни, ихъ встрѣтили орудійными выстрѣлами и ружейнымъ залпомъ. Это былъ Кропотовъ. Такимъ образомъ шведы были окружены. Послѣ 4-хъ часового упорнаго боя шведы сдались. Изъ бывшихъ у нихъ

350-ти человекъ пѣхоты и 70-ти драгунъ осталось въ живыхъ 67 человекъ. У насъ убитыхъ нѣтъ, а ранено 13 нижнихъ чиновъ, въ томъ числѣ два Лейбъ-казака.

Однако, радостныя извѣстія о Выборгской побѣдѣ надъ шведскимъ флотомъ были омрачены, непосредственно за этимъ полученнымъ донесеніемъ, объ уничтоженіи 28-го Іюня всей нашей гребной флотилии принца Нассау, который, будучи оставлень Чичаговымъ у Выборга, увлекся преслѣдованіемъ шведскихъ судовъ, попалъ подъ огонь береговыхъ батарей у Роченсальма, а уйти не могъ изъ-за противнаго вѣтра. Уронъ былъ громаднѣй: 6 тысячъ плѣнныхъ и 54 судна. Самъ принцъ Нассау едва спасся, тѣмъ не менѣе общее положеніе вещей было таково, что Густавъ былъ не прочь заключить миръ, который и былъ подписанъ 3-го Августа въ Верелѣ уполномоченными, съ нашей стороны, барономъ Игельстромомъ, а со шведской—барономъ Армфельдомъ. «Возвѣщая вѣрнолюбезнымъ Нашимъ подданнымъ», объявляла Императрица въ своемъ манифестѣ, «о такомъ возстановленіи мира и тишины съ сосѣдомъ нашимъ королемъ шведскимъ, возсылаемъ молитвы Наши къ Богу, каковы всякъ да учинить благодарнымъ сердцемъ, яко Творцу всѣхъ благъ. Данъ въ Царскомъ Селѣ, Августа 13-го дня, въ лѣта отъ Рождества Христова 1790, Царствованія же Нашего въ двадесять девятое».

Интересны подробности переговоровъ о мирѣ: «когда часъ насталь къ обмѣну ратификацій, войска обѣихъ націй ввиду другъ друга, не выходя изъ своихъ лагерей, стояли подъ ружьемъ. Рота гранодеръ російскихъ, такъ какъ и рота гранодеръ шведскихъ, какъ и въ добавокъ нѣсколько эскадроновъ обѣихъ армій были командированы для прибавленія свиты и отданія почестей... Полномочные послы прибыли въ одно время къ храму Дружбы, для сего нарочно построенному, сдѣлали обмѣнъ ратификацій при восклицаніи обѣихъ націй и при звукѣ ихъ пушекъ. Генералы и офицеры бросились къ намъ на шею; мы имъ отвѣтствовали такими же изъявленіями дружбы. Между тѣмъ, какъ сіе происходило, самъ король прогуливался за своимъ фрунтомъ въ сюртукѣ сѣренькомъ и, по окончаніи церемоній, онъ звалъ всѣхъ генераловъ російскихъ къ себѣ на ужинъ въ свой лагерь; многіе субалтернъ-офицеры и даже солдаты въ большемъ числѣ туда же пришли, такъ что въ одно время россияне и шведы дружелюбно нашлись смѣшанные, и король шведскій самъ стоялъ среди кучи російскихъ гранодеръ, пѣсни поющихъ ¹⁾».

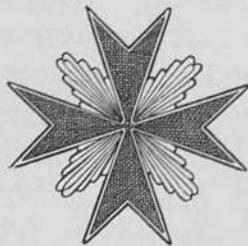
Въ Петербургѣ 15-го Августа было торжественно объявлено о заключеніи мира, а съ 8-го Сентября начались празднованія по этому случаю. Вернувшимся съ театра войны войскамъ и народу было предложено угощеніе, раздавались деньги. Въ числѣ прочихъ участниковъ кампаніи Лейбъ-казаки были награждены серебряными медалями. Такъ закончилась эта война, въ сущности, ни Россіи ни Швеціи ничего не давшая. Но для Лейбъ-казачьей команды эта война дала многое. Молодая часть, недавно сформированная, скорѣе придворная по службѣ, чѣмъ строевая, она

¹⁾ Военно-ученый Архивъ, «Русская Старина» 1876 г. «Записки Апраксина».

достойно вынесла тяжелое испытаніе,—суровый сѣверный климатъ, столь непривычный для Донцовъ, лѣсныя дебри, скалы, болота и озера Финскіе, мало знакомый противникъ,—все одолѣли Лейбъ-казаки и одолѣли съ честью. Смѣло можно сказать, что эта война была для Лейбъ-казаковъ первымъ камнемъ памятника славы ихъ дальнѣйшей боевой службы и первымъ вождемъ ихъ къ этой славѣ явился ихъ же родной Донецъ, будущій командиръ полка, Федоръ Петровичъ Денисовъ. Какъ нѣкогда отцы и дѣды ихъ, водимые знаменитымъ бригадиромъ Краснощекимъ, внушили шведамъ Лейбъ-казаки страхъ и уваженіе. Не даромъ же Густавъ III среди войны, въ 1789 г., желая хоть что-нибудь противопоставить казачьей пикѣ, пытался у себя завести такихъ же казаковъ, которые только тѣмъ и походили на нашихъ, что держали пики въ рукахъ, не умѣя совершенно ими владѣть. Не таковы были остальные шведскія войска,—прекрасно подготовленные ихъ офицеры личной храбростью своею всегда подавали примѣръ солдатамъ, «составя первый плутонгъ колонны, нападали на наши батареи со шпагою въ рукахъ». Солдаты шведскіе были хорошо снаряжены, обучены и правильно воспитаны, шведы имѣли отличную артиллерію и егерскія команды. Привычныя мѣстныя условія и природа ставили ихъ тѣмъ болѣе въ выгодное противъ насъ положеніе. Тѣмъ славнѣе были успѣхи Лейбъ-казаковъ.

Имѣя въ составѣ, импровизированнаго для войны, Лейбъ-казачьяго Конвойнаго эскадрона всего 130 строевыхъ Донцовъ при 10 офицерахъ, Лейбъ-казаки за отличія противъ шведовъ награждаются: Донской полковникъ Василій Денисовъ и секундъ-маіоръ Федоръ Денисовъ—чиномъ премьеръ-маіора. Капитанъ Алексѣй Скрастостановъ—чиномъ секундъ-маіора; поручики Иванъ Картушинъ, Андрей Слюсаревъ и Яновъ—чиномъ капитана, а два послѣдніе и—секундъ-маіора. Даніиль Лагутинъ—чиномъ прапорщика; Савелій Гуковъ и Усачевъ—чиномъ хорунжаго ¹⁾). Въ реляціяхъ неоднократно отмѣчается храбрость полковника Ефремова, есаула Леонтія Ежова, поручиковъ Федора Денисова, Трифона Долгова и сотника Назарова ²⁾).

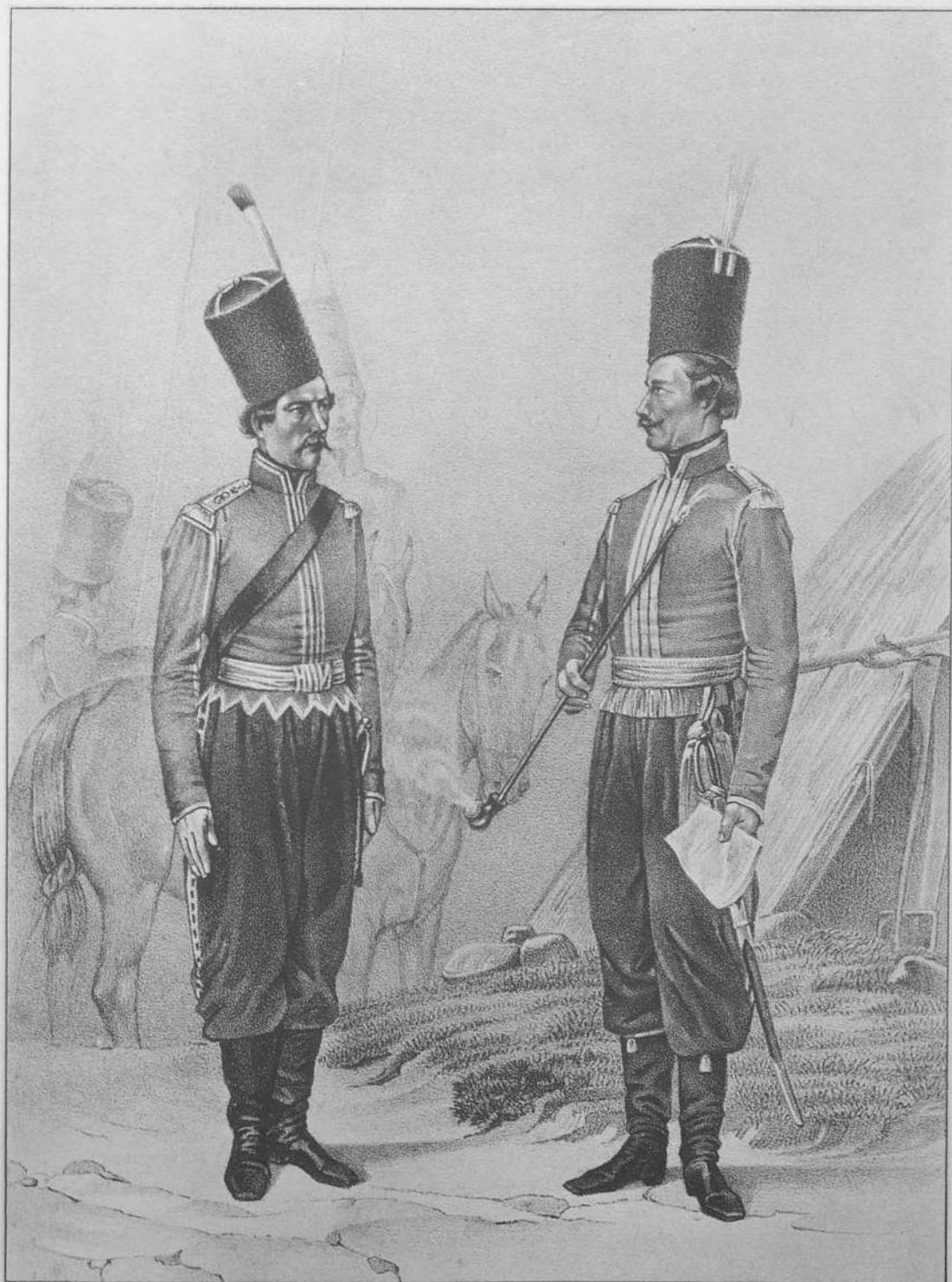
Недаромъ, когда Императрица спросила представлявшагося Ей генерала Денисова: «Генераль, скажите, пожалуйста, какъ вы осмѣлились съ горстью людей напасть на шведскаго короля?»—онъ отвѣтилъ: «смѣлость, Ваше Величество, открываетъ широкія ворота къ побѣдѣ ³⁾»).

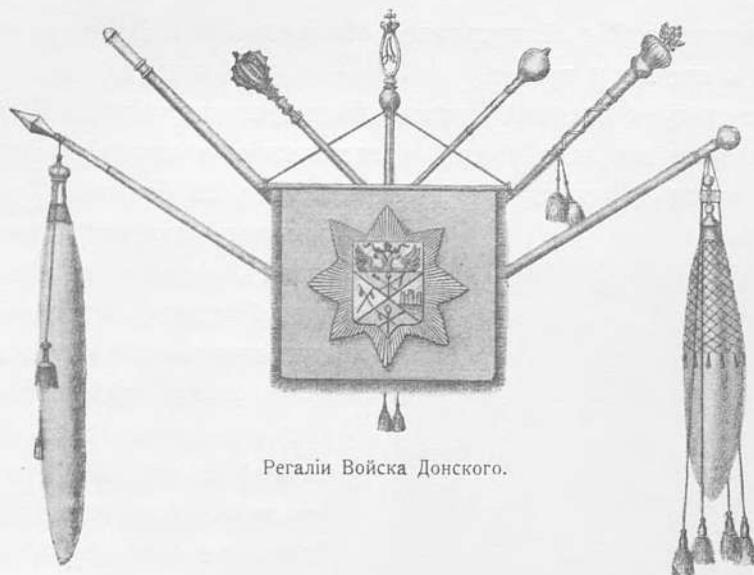
¹⁾ «Казачьи дѣла». М. отд. арх. Главнаго Штаба.

²⁾ «Собраніе реляцій», изд. 1791 г.

³⁾ Пивоваровъ, «Донскіе казаки».

Казакъ и офицеръ Лейбъ-казачьей Придворной Донской команды
въ лѣтней формѣ 1790—1796 гг.

Регалии Войска Донского.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Послѣдніе годы царствованія Императрицы Екатерины II.—Перемѣна формы.—Мирная служба.—Смерть Потемкина.—Перемѣны въ офицерскомъ составѣ Лейбъ-казаковъ.—Торжества заключенія мира съ Турціей, награды Лейбъ-казакамъ.—Царская грамота.—Встрѣча ея на Дону.—Пожалованіе знаменъ.

Отпраздновавъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1790 года заключеніе мира со Швеціей, Лейбъ-казаки разстались со своимъ боевымъ вождемъ Федоромъ Петровичемъ Денисовымъ, обратившись опять въ Придворную команду. Въ этомъ же году чины, составлявшіе во время войны Лейбъ-казачій эскадронъ, были отпущены домой, по смѣнѣ ихъ прибывшей съ Дона новой штатной командой. Щедро награжденные вернулись на родину старые Лейбъ-казаки, разнося вѣсти о Царскихъ милостяхъ по всему Дону. Щедро награжденнымъ, въ числѣ прочихъ, былъ и генераль Денисовъ, остававшійся нѣкоторое время еще при Дворѣ. Хотя канцлеръ графъ Безбородко въ одномъ изъ своихъ писемъ, перечисляя награды и милости по случаю Шведскаго мира, упоминаетъ: «третій недовольный Федоръ Петровичъ Денисовъ. Вы помните, что его желаніе было имѣть деревни и онъ мнѣ часто на Горичевъ указывалъ. Имѣя три ордена и саблю нечего ему было и дать другого, какъ 500 душъ, но онъ негодуетъ, что не генераль-поручикъ. Однако жъ, онъ, по крайней мѣрѣ, покойнѣе другихъ, шумитъ на сторонѣ по донскому манеру, а при Дворѣ весель, въ городѣ играетъ въ карты и собирается въ Лифляндію на службу».

Лейбъ-казакамъ въ Лифляндію идти не пришлось. Сильно обтрепавшимся казакамъ во время Финляндской кампаніи, нужно было заново обзаводиться почти-что всѣмъ снаряженіемъ и вотъ тутъ, какъ разъ кстати, было распространено и на Лейбъ-казаковъ дѣйствіе Высочайшаго рескрипта:

«Божією милостію Мы, Екатерина II, Императрица и Самодержица Всероссийская и прочая и прочая и прочая.

Нашему генералу и Военной Коллегіи вице-президенту князю Потемкину.

Учиненное вами по волѣ Нашей представленіе о перемѣнѣ образа одежды и вооруженія войскъ Нашихъ, Мы пріемлемъ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ,

поколикую находимъ, что симъ средствомъ, одолѣвъ все до сего бывшія предубѣжденія, истребляются излишества, кои донинѣ тяготили воина, отнимали у него время и въ крайній убытокъ ему обращались, вмѣсто же доставляется ему выгода и облегченіе съ немалою еще для казны Нашей пользою. Утверждая оное представленіе ваше во всемъ его пространствѣ, повелѣваемъ приступить къ произведенію его въ дѣйствіе по всей арміи Нашей, начиная съ тѣхъ полковъ, кои вновь составляются будутъ, или же въ которыхъ истекають сроки, мундирнымъ и аммуничнымъ вещамъ положенные; чего ради вы силою сего Нашего указа объявите Главному Коммиссаріату, дабы все зависящія отъ него распоряженія къ исполненію сей воли Нашей благо- временно учинены были. Пребываемъ, впрочемъ, къ вамъ Императорскою Нашею милостію всегда благосклонны.

Гусарь Конвойнаго эскадрона князя Потемкина.

Данъ въ Санктпетербургѣ, Апрѣля 4-го дня 1783 года.

Упомянувъ о Потемкинѣ, нельзя кстати не сказать и о послѣднихъ дняхъ его жизни; столь связанной съ Лейбъ-казаками: въ 1791 году будучи при нашей арміи въ Яссахъ, свѣтлѣйшій заболѣлъ и сдавъ командованіе войсками, выѣхалъ въ Николаевъ и по дорогѣ 5-го Октября скончался въ присутствіи тѣхъ же любимыхъ имъ казаковъ Донскихъ и Малороссійскихъ, которые его конвоировали. Тѣло его было перевезено въ Херсонъ, гдѣ и погребено 13-го Октября. Интересно описаніе его погребенія, составленное его современникомъ: «шестивѣ открывалъ эскадронъ конвойныхъ гусаръ покойнаго фельдмаршала. За нимъ кирасирскій полкъ князя Потемкина. Домъ покойнаго въ траурѣ, верховыя лошади въ богатыхъ уборахъ, каждую вели два конюха въ богатой ливреѣ, въ черныхъ эпанчахъ и шляпахъ. 120 человекъ солдатъ съ факелами, въ черныхъ эпанчахъ и распущенныхъ шляпахъ, съ чернымъ флеромъ. 24 оберъ-офицера въ траурномъ

видѣ со свѣчами, 12 штабъ-офицеровъ въ траурномъ видѣ со свѣчами, Бояре княжества Молдавскаго, князья и посланники Черкесскіе. За симъ долженъ былъ слѣдовать генералитетъ, но генералы, какъ выше сказано, изъ особливаго усердія выносили гробъ и шли подлѣ онаго до самой церкви. Духовенство. Знаки отличія, изъ которыхъ каждый несли штабъ-офицеры, имѣя двухъ оберъ-офицеровъ ассистентами: орденъ св. Андрея, орденъ св. Александра Невскаго, орденъ св. Георгія перваго класса, орденъ св. Владимира перваго класса, орденъ Бѣлаго Орла, орденъ св. Станислава, орденъ Прусскаго Чернаго Орла, орденъ Датскаго Слона, орденъ Шведскаго Серафима, орденъ св. Анны, камергерскій ключъ, гетманская булава, гетманская сабля, жалованная шпага и вѣнецъ, бантъ отъ портрета Императрицы, фельдмаршальскій жезлъ, гетманское знамя, Кейзеръ-флагъ, другое знамя, княжеская корона. Гробъ на черныхъ дрогахъ, запряженныхъ восьмью лошадьми въ черныхъ пополахъ, изъ которыхъ каждую велъ одинъ конюхъ въ черной эпанчѣ и шляпѣ. Парадная карета покрытая чернымъ сукномъ, запряженная восьмью лошадьми подъ черными покрывалами, при ней конюхи въ парадной ливреѣ и черныхъ эпанчахъ. За гробомъ шли родственники князя. Шествиѣ замыкали эскадронъ конвойныхъ гусаръ, казачій полкъ Булавы Великаго Гетмана и Донской казачій князя Потемкина полкъ ¹⁾».

Въ этомъ году Лейбъ-казачья команда разсталась съ своими зелеными кунтушами и разсталась навсегда, получивъ новую форму, по типу хотя и казачью, но измѣненную въ духѣ общихъ перемѣнъ, произведенныхъ въ обмундированіи Россійскихъ войскъ еще до Шведской войны. По этому деньги, которыя получила Придворная команда, «по рапорту комиссаріатской конторы объ удовольствіи находившюся въ 790 году во время Шведской войны въ сраженіяхъ Лейбъ-Донскую казачью команду за утраченныя безсрочныя казенныя вещи ²⁾» и были употреблены на обзаведеніе новыхъ образцовъ.

Ein Cosak und ein Baschkire.

¹⁾ Записки Энгельгардта 1766—1836 гг.

²⁾ «Казачьи дѣла». Моск. О. Арх. Г. Ш., опись 107, № 29.

Нижніе чины получили короткую красную куртку, съ небольшимъ стоячимъ воротникомъ и съ зубчиками по нижнему краю, застегнутую посрединѣ на крючкахъ и обшитую по воротнику, краямъ рукавовъ, борту, всѣмъ швамъ и вокругъ зубчиковъ—серебрянымъ шнуркомъ; эполеты изъ серебра, съ красными Императорскими вензелями; поясъ изъ бѣлаго стамеда; шаровары изъ чернаго сукна съ серебрянымъ шнуркомъ, нашитымъ вдоль боковыхъ швовъ, въ видѣ рѣшетки; сапоги черные; шапку прежняго покроя изъ черной смушки, съ чернымъ же суконнымъ верхомъ, обшитымъ серебряными галунами и украшеннымъ при оконечности серебряною кистью, съ бантомъ бѣлымъ и султаномъ бѣлымъ же, имѣвшимъ верхъ красный. Ефесъ сабли и оправа ноженъ были стальные, а аммуниція черная. Офицеры носили такую же одежду, но галуны шире; внизу куртки, вмѣсто зубцовъ—серебряную бахраму; шарфъ изъ золота и чернаго шелка; сапоги съ серебрянымъ шнуромъ и кистями; султанъ весь бѣлый; ефесъ и оправа сабли вызолоченые; темлякъ золотой съ чернымъ шелкомъ ¹⁾).

Интересенъ тогдашній взглядъ на казаковъ, отъ котораго, кажется, не вполне отрѣшились и до настоящаго времени, что казаки—среда наиболее близкая для восточныхъ инородцевъ: въ 1791 году, по рапорту генераль-поручика Татищева, былъ опредѣленъ въ Лейбъ-Донскую казачью команду, воспріавшій греческую вѣру, турокъ Петръ Очаковскій, одинъ изъ тѣхъ турокъ, взятыхъ въ плѣнъ, которые были присланы Потемкинымъ въ Петербургъ и участвовали вмѣстѣ съ русскими войсками на гребныхъ судахъ въ Финляндской кампаніи ²⁾).

Въ это время начальникомъ команды былъ премьеръ-маіоръ Федоръ Денисовъ, въ рядахъ Лейбъ-казачьяго Конвойнаго эскадрона, участвовавшій въ минувшей кампаніи и произведенный въ этотъ чинъ въ 1792 г. «за храбрые поступки въ Финляндіи оказанные». Изъ состава офицеровъ въ томъ же году выбылъ капитанъ Иванъ Кортусинъ, который былъ уволенъ «за болѣзнями отъ службы, съ награжденіемъ чиномъ секундъ-маіора». На его вакансію былъ переведенъ изъ «Ямщичьяго» казачьяго полка въ 1793 г. поручикъ Агафонъ Бузинъ, также участникъ Финляндской войны.

Когда окончились всѣ заботы и хлопоты по переобмундированію команды, спокойно потекла дворцовая служба Лейбъ-казаковъ, въ которую вносили разнообразіе лишь многочисленныя торжества, имѣвшія мѣсто въ этотъ періодъ при Дворѣ. Такъ втораго Сентября 1793 года праздновали заключеніе мира съ Турціей. Начало празднества было возвѣщено въ 5 часовъ утра пушечнымъ залпомъ. Войска подъ командой князя Репнина построились на площади передъ Зимнимъ дворцомъ. Послѣ торжественнаго богослуженія во дворцѣ и Высочайшаго выхода, на площади былъ отслуженъ благодарственный молебенъ; многолѣтіе сопровождалось «салютаціонной пальбой и троекратнымъ бѣглымъ огнемъ». Въ числѣ прочихъ войскъ, Лейбъ-казаки получили въ память заключенія мира особые жетоны. Въ этомъ же

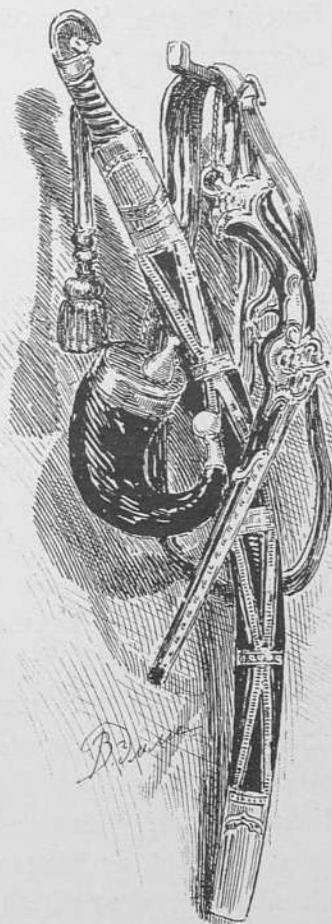
¹⁾ Висковатовъ, часть 5.

²⁾ «Казачьи дѣла». Москов. О. Арх. Г. Ш., опись 107, № 94 и собраніе реляцій, изд. 1791 г.

мѣсяцѣ было второе торжество по случаю бракосочетанія Великаго Князя Александра Павловича съ принцессою Луизою Баденской. 28-го, въ первомъ часу дня, при орудійномъ салютѣ съ крѣпости, состоялся Высочайшій выходъ изъ внутреннихъ покоевъ въ церковь Зимняго дворца. По окончаніи бракосочетанія, во время молебствія, войска, построенныя на Дворцовой площади и на прилегающихъ къ ней улицахъ, произвели троекратный салютъ изъ ружей вмѣстѣ съ пальбою пушекъ крѣпостей Петропавловской и Адмиралтейской и яхтъ, стоявшихъ на Невѣ. Въ церквахъ начался праздничный благовѣстъ, продолжавшійся три дня. Лейбъ-казаки находились въ строю вмѣстѣ съ Лейбъ-гусарами. Торжества бракосочетанія продолжались цѣлыхъ двѣ недѣли, и 11-го Октября были завершены роскошнымъ фейерверкомъ на Царицыномъ лугу и блистательной иллюминаціей. Въ память этого событія была отчеканена и раздавалась особая медаль. Въ числѣ милостей, приуроченныхъ къ этимъ празднествамъ, были и для Лейбъ-казаковъ: «за ревностную службу» награждены чинами хорунжихъ Лейбъ-Донской команды казаки Паневкинъ, Филинъ, Андріановъ, Хоперсковъ, Корсуновъ и Согуковъ. Но самымъ интереснымъ для Лейбъ-казаковъ торжествомъ, въ которомъ они явились не только участниками, но были до нѣкоторой степени и виновниками его, по принадлежности своей къ Дону, былъ приемъ Императрицей депутатовъ отъ Войска Донского и передача имъ Высочайшей грамоты.

Императрица Екатерина II, по заслугамъ цѣнившая преданную службу Войска Донского за подвиги его въ Турецкую и Шведскую кампаніяхъ, а, слѣдовательно, въ частности и за службу Лейбъ-казаковъ, явила Войску знакъ Своей новой милости, даровавъ въ 1793 г. грамоту на вѣчное владѣніе землями вмѣстѣ съ картою земель Войска Донского, Ею утвержденною еще 10-го Декабря 1786 года. Грамота и карта съ хлѣбомъ и солью 3-го Іюня 1793 года, въ присутствіи Лейбъ-казачьей Донской команды, были приняты въ Петербургѣ, лично изъ рукъ Императрицы, нарочно для сего присланными, представителями Войска Донского и перевезенныя на Донъ съ большимъ торжествомъ, встрѣчены 3-го Іюля въ Черкасскѣ. Затѣмъ копии съ грамоты и частицы Царской хлѣба-соли были разосланы во всѣ станицы, всюду встрѣченныя съ большимъ почетомъ.

«Божіею поспѣшествующею милостію Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссийская:

Московская, Кіевская, Владимірская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Царица Херсонеса-Таврическаго, Государыня Псковская и Великая Княгиня Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Корельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иныхъ, Государыня и Великая Княгиня Новгорода, Низовскія земли, Черниговская, Рязанская, Полоцкая, Ростовская, Ярославская, Бѣлозерская, Удорская, Обдорская, Кондійская, Витебская, Мстиславская и всея Сѣверныя страны, Повелительница и Государыня Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей и Кабардинскія земли, Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ Наслѣдная Государыня и Обладательница.

На Донъ, въ нижніе и верхніе юрты всѣмъ Атаманамъ и казакамъ, Атаману Алексѣю Иловайскому, Правительству Войска Донского и всему оному Войску.

Покойный Генераль-Фельдмаршалъ Князь Потемкинъ-Таврическій всеподданнѣйше представляя Намъ объ утверженіи границы земель, отъ предковъ Нашихъ Войску Донскому пожалованныхъ, и коихъ владѣніемъ казаки Донскіе издревле спокойно пользовались, доколѣ народное изъ разныхъ странъ стеченіе и сооруженіе на окрестныхъ степяхъ градовъ и селеній не произвело сосѣдственныхъ между ими споровъ о межахъ, поднесъ Намъ притомъ карту пограничную войсковую, вмѣщающую всѣ тѣ земли, на которыя казаки Донскіе отъ давнихъ временъ простирали права свои. Мы, по всегдашнему о благѣ Нашихъ подданныхъ попеченію, желая Войску Донскому доставить безспорное на вѣчныя времена владѣніе принадлежащими оному землями и чрезъ то изъявить Монаршую Нашу признательность къ ревностной его службѣ, утвердили подписаніемъ Нашимъ поднесенную Намъ и при семъ препровождаемую карту, по которой и указали сдѣлать исполненіе. Но какъ наступившая съ Портою Оттоманскою и Швеціею война воспрепятствовала произвести предписанное по сей картѣ ограниченіе земель войсковыхъ; то нынѣ, по благополучномъ возстановленіи мира, повелѣли Мы Военной Нашей коллегіи немедленно отрядить комиссаровъ, которые бы вообще съ депутатами отъ Войска Донского и отъ смежныхъ губерній наряженными, провели между, Нами утвержденную, и назначили надлежащее удовлетвореніе жителямъ земель въ войсковое владѣніе изъ губерніи Екатеринославской входящихъ. Мы надѣемся, что сія Монаршая Наша милость будетъ Войску Донскому новымъ поощреніемъ къ подвигамъ, каковыми оно наипаче ознаменовало усердіе свое къ службѣ Нашей и отличное мужество въ теченіе послѣдней съ Портою Оттоманскою и Швеціею войны, безстрашно слѣдуя на приступы крѣпостей и опровергая превосходныя силы непріятельскія въ полевыхъ сраженіяхъ. Да будутъ сіи примѣры рѣдкой храбрости подражаемы сынами и потомствомъ храбраго воинства Донского, къ которому Мы пребываемъ Императорскою Нашею милостію благосклонны. И сію грамоту собственною Нашею печатью утвердить повелѣли. Дана въ престольномъ Нашемъ градѣ Святого Петра, Маія двадесять седьмаго дня, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяща семь

сотъ девяносто третіе, Царствованія же Нашего Всероссійскаго въ тридесять первое, Таврическаго въ десятое.

ЕКАТЕРИНА.

Генераль-Фельдмаршалъ Графъ Салтыковъ“.

Какъ встрѣчали на Дону Царскую грамоту видно изъ слѣдующаго: «грамота Войска Донскаго изъ Войсковаго Гражданскаго Правительства, по Хопру отъ Букановской до Михайловской станицъ станичнымъ атаманамъ и казакамъ. Ея Императорское Величество Всемилостивѣйшая, нынѣ благополучно царствующая, Государыня Екатерина Алексѣевна, изъ Высочайшей Своей материнской Войску Донскому милости, соизволила пожаловать минувшаго Мая въ 27 день, на владѣемя Войскомъ земли за Высочайшимъ Своимъ Собственноручнымъ подписаніемъ, грамоту и планъ, съ хлѣбомъ и солью, что все минувшаго Юня 3-го числа и принято въ Санктпетербургѣ, изъ Высочайшихъ матернихъ Ея Императорскаго Величества рукъ бывшими тамъ, нарочно отправленными депутатами господами бригадиромъ Дмитріемъ Иловайскимъ и арміи полковникомъ Иваномъ Яновымъ; которые знаки Высочайшей Ея Императорскаго Величества милости получены со встрѣчею провождаемою слѣдующею церемоніею: 1) какъ скоро получено свѣдѣніе, что оные господа депутаты приближаются къ здѣшнимъ мѣстамъ, то судья полковникъ Ребриковъ съ чиновниками и казаками пятьдесятью человекъ, встрѣтивъ оные съ знаменами у рѣчки Тузлова, препроводилъ до Усть-Оксайскаго стана. 2) Въ ономъ стану на горѣ за селеніемъ, 3-го сего мѣсяца таковая встрѣча учинена была господиномъ бригадиромъ Поздѣевымъ со всѣми наличными Александровской станицы, тожъ Оксайскаго и Роговскаго становъ чиновниками и казаками при знаменахъ и препроводили оные до берега къ приготовленной нарочной гостепріимной шлюбкѣ, на коей господинъ бригадиръ и депутаты съ тѣми знаками Высочайшей милости слѣдовали водою къ Черкасскому въ препровожденіи, изготовленными судами, всѣхъ Александровской станицы и становъ наличныхъ старшинъ и казаковъ, со знаменами. 3) Изъ Черкаскаго встрѣча была судовая по Дону у Монастырскаго, куда для того тогда и выѣхалъ здѣшнихъ, тожъ Маноцкой, Багаевской и Бесергеновской станицъ съ наличными старшинами и казаками, всѣ въ лучшемъ платьѣ, со знаменами, господинъ генераль-маіоръ и кавалеръ Василій Орловъ, и какъ скоро приблизились къ депутатской шлюбкѣ, то выровнясь порядочно, учиненъ съ судовъ ружейный выстрѣлъ, и препровождалъ до самаго города къ пристани, коя была у дому господина генераль-поручика войскового атамана и кавалера Иловайскаго. 4) Какъ скоро депутатская шлюбка съ судовою встрѣчею показала у конца Нижней Рыковской станицы, то съ городскихъ трехъ бастіоновъ, состоящихъ надъ рѣкою Дономъ—Ивановскаго, Донскаго и Даниловскаго выпалено было со всѣхъ тамъ имѣющихся 27 пушекъ по одному разу и сей выстрѣлъ такъ учиненъ, что оный продолжался до самаго прибытія депутатской шлюбки къ пристани. 5) Кругъ былъ, съ выносомъ всѣхъ знаменъ и регалій, у Соборной церкви,

къ тому прибытію въ готовности, при собраніи всѣхъ здѣшнихъ городскихъ старшинъ и казаковъ, нарочно собранныхъ съ Донскихъ отъ Мелеховской до Цымлян-ской и съ Донецкихъ станицъ съ каждой по два стариковъ; въ кругѣ жъ Высочайшая грамота, планъ, хлѣбъ и соль приняты отъ депутатовъ генераль-поручикомъ войсковымъ атаманомъ и вручены изъ того хлѣбъ и соль господамъ подполковникамъ Янову и Дячкину; по вытченіи жъ въ кругу войсковымъ дякомъ той Высочайшей грамоты и по учиненіи господиномъ генераль-поручикомъ войсковымъ атаманомъ цѣлованія Высочайшей подписи Императорской руки, всѣ вошли въ соборную церковь къ Божественной литургіи, которую и благодарственный молебенъ совершалъ здѣшній протоіерей Петръ Федоровъ; въ церковь же Высочайшая грамота и планъ, хлѣбъ и соль несены арміи полковниками Васильемъ Иловайскимъ и Петромъ Кульбаковымъ и подполковниками Иваномъ Яновымъ и Иваномъ Дячкинымъ, положены были на столикѣ, нарочно къ тому среди церкви приготовленномъ; по окончаніи молебна, при многолѣтіи, выпалено изъ всѣхъ на городскихъ и форштатныхъ бастіонахъ имѣющихся пушекъ, по одному разу, что и составило 51 выстрѣлъ; потомъ всѣ и духовенство шли въ домъ генераль-поручика войскового атамана, куда вынесены Высочайшая грамота, планъ, хлѣбъ и соль, и такъ же положи на приготовленный столикъ, сдѣлано генераль-поручикомъ войсковымъ атаманомъ и одинъ другому взаимное съ Высочайшею милостію поздравленіе, надъ хлѣбомъ и солью протоіереемъ совершена принадлежащая молитва, а по совершеніи оной хлѣбъ и соль раздѣлены на шесть частей, изъ нихъ шестая раздроблена въ мелкія части и роздана всѣмъ тутъ бывшимъ для употребленія; а по окончаніи стола при питіи за Высочайшее Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ здравіе, выпалено за каждое здравіе по положенному въ табели числу изъ пушекъ и весь день былъ празднованъ со угощеніемъ въ здѣшнихъ станичныхъ домахъ всѣхъ Донскихъ и Донецкихъ станицъ сюда собранныхъ старшинъ и казаковъ; а въ наступившую тогда ночь весь городъ освѣщенъ былъ огнями. б) Со упоминаемой Высочайшей Ея Императорскаго Величества грамоты точная копія, равно одна часть хлѣба и соли, при сей посылаются къ вамъ станичнымъ атаманамъ и казакамъ съ нарочнымъ господиномъ примерь-маіоромъ Степаномъ Ефремовымъ и предписывается вамъ, чтобъ вы въ прибытіе ево, Ефремова, къ станицѣ сдѣлали всѣ вообще, въ лучшемъ платьѣ, той Высочайшей милости встрѣчу за станицею пѣшіе, и препроводя къ церкви Божьей, ту Высочайшую грамоту вычли; а потомъ, положи ее, хлѣбъ и соль посреди церкви на нарочно приготовленный столикъ, и отправили благодарный молебенъ съ пушечною гдѣ есть, а гдѣ нѣтъ то съ ружейною пальбою; а послѣ всѣмъ священникамъ идти вообще въ станичной домъ, гдѣ также, хлѣбъ и соль положи на нарочно приготовленный столикъ, священнику совершить принадлежащую молитву и послѣ хлѣбъ и соль, раздробя въ мелкія части, раздать всѣмъ тутъ будущимъ для употребленія и одинъ другога поздравя съ сею Высочайшею милостію, а послѣ при питіи за здравіе Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ, также

за каждое здравіе выпалить по одному разу, и съ Высочайшей грамоты списавъ точную копию, хранить въ надежномъ мѣстѣ въ церкви Божіей, и, съ хлѣбомъ и солью препроводивъ также пеши за станицу и возвратясь въ станицу, весь день праздновать. А въ прочія Донскія, Донецкія, Медвѣдецкія и Бузулуцкія станицы съ таковою Высочайшею милостію отправлены особые нарочные.

Юля 15-го дня 1793 года. У подлинной грамоты Войска Донскаго печать. № 7747».

Порубежникъ XV столѣтія.

Въ 1794 году вступилъ въ командованіе Лейбъ-казаками Войска Донскаго полковникъ Алексѣей Грековъ, произведенный въ слѣдующемъ году въ премьеръ-маіоры. При немъ же изъ прапорщиковъ въ поручики былъ произведенъ Даніиль Лагутинъ.

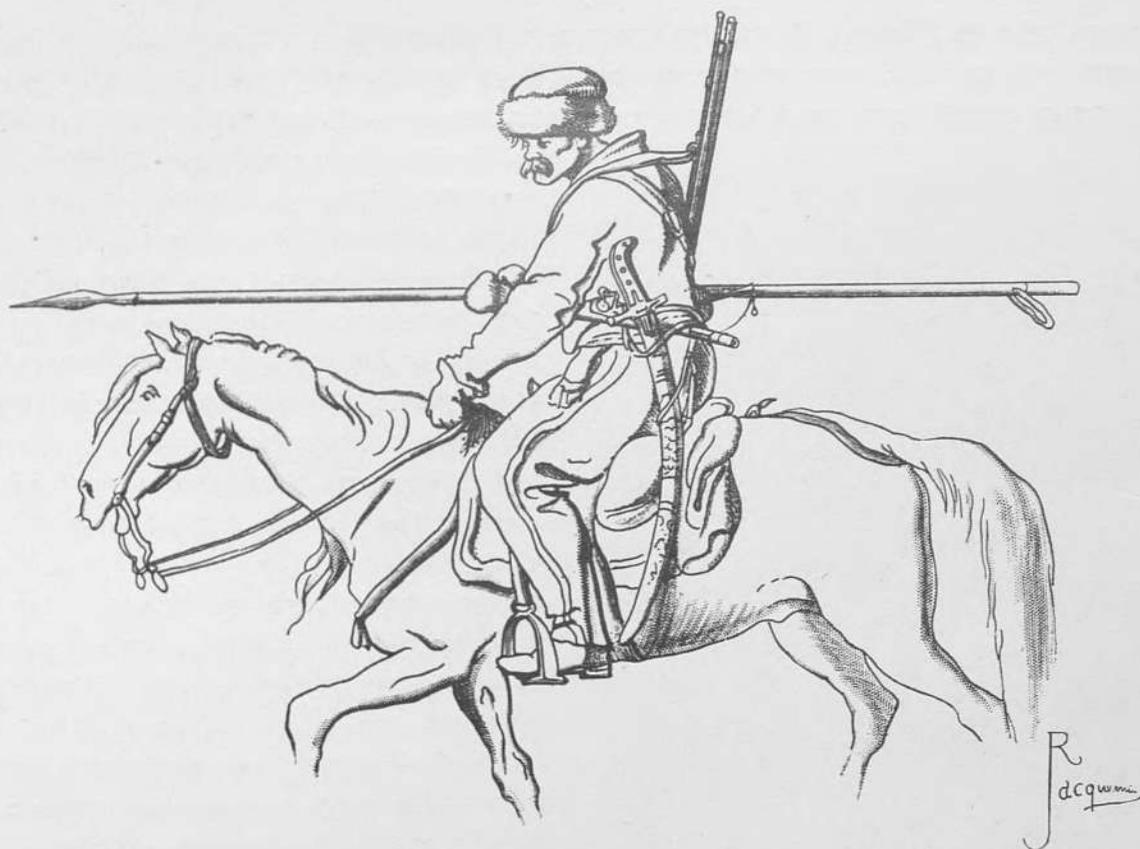
Непосредственной боевой наградой донцовъ за послѣднія двѣ войны были два бѣлыхъ знамени съ надписями: «повелѣніемъ дано сіе знамя Ея Императорскаго Величества, вѣрнымъ подданнымъ, Войску Донскому, за оказанную ихъ службу оконченныхъ Шведской и Турецкой кампаній, храбрые и усердные поступки въ вѣчную и потомственные роды Войска Донскаго славу—лѣта отъ Рождества Христова 1795. Царствованія Ея Величества 33» ¹⁾).

Печать, пожалованная Петромъ Великимъ.

¹⁾ «Регалии и знаки отличія Русской арміи». Т. 2. Николаева и Струкова.

Cosaque 1794.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Гатчинскіе казаки и войска Цесаревича Павла Петровича.—Участіе Лейбъ-казаковъ въ торжествахъ бракосочетанія Великаго Князя Константина Павловича.—Положеніе государственныхъ дѣлъ и состояніе арміи къ концу царствованія Екатерины II.—Сватовство короля Густава IV.—Послѣдніе дни и кончина Императрицы.—Воцареніе Павла Петровича.—Обзоръ службы Лейбъ-казаковъ при Екатеринѣ II.

Великій Князь Павелъ Петровичъ, живя обособленно отъ большого Двора Императрицы Екатерины и стремясь къ военной дѣятельности, еще въ 1782 году, пользуясь званіемъ своимъ генераль-адмирала, вызвалъ изъ Балтійскихъ флотскихъ баталіоновъ, для содержанія карауловъ при своихъ дворцахъ—Каменноостровскомъ и Павловскомъ, 2 команды по 30 человекъ каждая. Команды эти постепенно увеличивались. Послѣ возвращенія изъ Финляндскаго похода, уединясь въ Павловскѣ и Гатчинѣ, будучи совершенно устраненнымъ отъ государственныхъ дѣлъ, Цесаревичъ всецѣло занялся организаціей своихъ Гатчинскихъ войскъ, пришедшихъ въ нѣкоторое разстройство, по случаю привлеченія ихъ къ Шведской войнѣ. Въ 1790 году по заключеніи Верельскаго мира, Павлу Петровичу удалось возстановить существовавшія до Финляндской кампаніи свои пять ротъ. Увлекаясь воен-

нымъ дѣломъ, Павелъ Петровичъ постепенно усиливаль составъ своихъ войскъ, такъ что къ 1793 году получился уже цѣлый отрядъ изъ трехъ родовъ оружія. Корпусъ этотъ былъ расположенъ въ принадлежащихъ Павлу Петровичу Гатчинѣ

Донской казакъ время Императора Павла Петровича.

и Павловскѣ, а частью и на Каменномъ островѣ. Войска эти носили общее названіе «Гатчинскаго гарнизона». Великій князь пожелалъ имѣть, подѣ своимъ непосредственнымъ начальствомъ, и Донскихъ казаковъ, къ которымъ питалъ особое расположеніе. Въ 1793 году, поэтому была вызвана съ Дона особая команда, вошедшая въ составъ Гатчинскихъ войскъ подѣ названіемъ «Казачьихъ эскадроновъ». Эти «Казачьи эскадроны», вмѣстѣ съ бывшими уже тогда при дворѣ Наслѣдника тремя конными полками, миниатюрнаго состава, кирасирь, драгунъ и гусарь составили кавалерію Гатчинскихъ войскъ подѣ начальствомъ подполковника Кологривова. Въ «Казачьихъ эскадронахъ» состояло: одинъ штабъ-офицеръ, 5 оберъ-офицеровъ, 7 унтеръ-офицеровъ и 50 рядовыхъ, всего 63 человекъ. Для Гатчинскихъ казачьихъ эскадроновъ, въ отличіе отъ Придворной Ея Величества команды, была установлена особая форма, всецѣло по вкусу и усмотрѣнію Великаго Князя, лично входившаго въ каждую мелочь: верхніе кафтаны или чекмени синіе, куртки красныя, шаровары бирюзоваго цвѣта, кушаки бѣлые, шапки изъ чернаго барашка съ краснымъ верхомъ, бѣлыми кистями и султаномъ. Вооруженіе и аммуницію рядового казака составляли—сабля съ мѣднымъ эфесомъ и оправою, портупья черная кожаная съ бѣлыми прошивками, пистолеть привѣшенный за курокъ на бѣлой лосевой перевязи отъ карабина, лядунка черной кожи съ мѣдною бляхою во всю крышку и бѣлой перевязью, а въ конномъ строю и пика съ краснымъ древкомъ. Конское снаряженіе было обыкновеннаго казачьяго образца, подушка и чапракъ суконные, красные съ бѣлою обшивкою, весьма схожіе съ нынѣ существующими. Офицеры отличались серебряными петлицами, нашитыми на кафтанахъ и курткахъ на груди, воротникѣ и обшлагахъ, серебряною аммуниціею, темляками и шарфами ¹⁾.

Къ 1796 г. Гатчинскія войска состояли изъ 6 баталіоновъ пѣхоты, егерской роты, 4 кавалерійскихъ частей, пѣшей и конной артиллеріи при 12 орудіяхъ,

¹⁾ Висковатовъ...

помѣстной артиллеріи въ Павловскѣ и Гатчинѣ изъ 46 орудій и одной 2-хъ пудовой мортиры. Всего въ войскахъ числилось 2399 человекъ, въ томъ числѣ 128 штабъ- и оберъ-офицеровъ. Въ Павловскѣ была сооружена крѣпость, а на Гатчинскихъ прудахъ—флотилія.

Хотя Императрица и приближенные смотрѣли въ общемъ на это какъ на игру въ солдатики, но самъ Павелъ Петровичъ въ своихъ войскахъ видѣлъ основанія будущаго возрожденія Россійской арміи, нуждавшейся, по его мнѣнію, въ коренныхъ преобразованіяхъ.

15-го Февраля 1796 года въ большой церкви Зимняго Дворца состоялось обрученіе и бракосочетаніе Великаго Князя Константина Павловича съ принцессой Юлією Кобургской, принявшей имя Великой Княгини Анны Федоровны. Въ числѣ войскъ, участвовавшихъ въ торжествѣ, были и Лейбъ-казаки, изъ которыхъ поручикъ Захаръ Егоровъ удостоился производства въ капитаны.

Въ послѣдніе годы своего царствованія Императрица Екатерина, вслѣдствіе преклонныхъ лѣтъ и разстроенаго здоровья, все менѣе и менѣе могла сама вникать въ государственныя дѣла и проявляла большее довѣріе избраннымъ Ею лицамъ, но и лица эти въ смыслѣ государственной дѣятельности, съ кончиною Потемкина, оказывались менѣе достойными. Заступившій мѣсто Потемкина Зубовъ, обладавшій многими его недостатками, къ сожалѣнію не обладалъ ни однимъ изъ его достоинствъ, что явствуетъ хотя бы изъ краткаго обзора тѣхъ государственныхъ событій, которыя совершились въ теченіи шести послѣднихъ лѣтъ царствованія Екатерины, когда Зубовъ, можно сказать, безъотлучно состоялъ при кормилѣ правленія. Если же нѣкоторыя событія и принесли пользу Россіи, то мы всегда найдемъ здѣсь другихъ дѣятелей, при которыхъ Зубовы, Платонъ и Валеріанъ, отходятъ на второй планъ: присоединеніе къ Россіи нѣсколькихъ Польскихъ областей, Курляндіи связано съ именами Потемкина, Суворова, Каховскаго, Кречетникова, Ферзена, Тутолмина, князя Репнина и барона Палена; сформированіе первыхъ ротъ конной артиллеріи фактически было совершено генераль-поручикомъ Мелиссино. Основаніе Луганскаго литейнаго завода, составленіе Вознесенской губерніи, строеніе города Одессы и, наконецъ, водвореніе Черноморскаго войска на островѣ Тамани, все это совершилось при Зубовѣ, но отнюдь не Зубовымъ.

Трубачъ, унтеръ-офицеръ и штабъ-трубачъ
Лейбъ-казацкаго полка въ лѣтней формѣ
1796—1801 гг.

Наконецъ, походъ Валеріана Зубова въ Персію и взятіе Дербента выгоды Россіи никакихъ не дали, а лишь чувствительно разстроили финансы. Насколько самъ по себѣ походъ этотъ былъ не разуменъ, видно изъ того, что предназначенный первоначально командовать войсками Суворовъ, уже было намѣтившій себѣ генераловъ, въ томъ числѣ и походнаго атамана донца

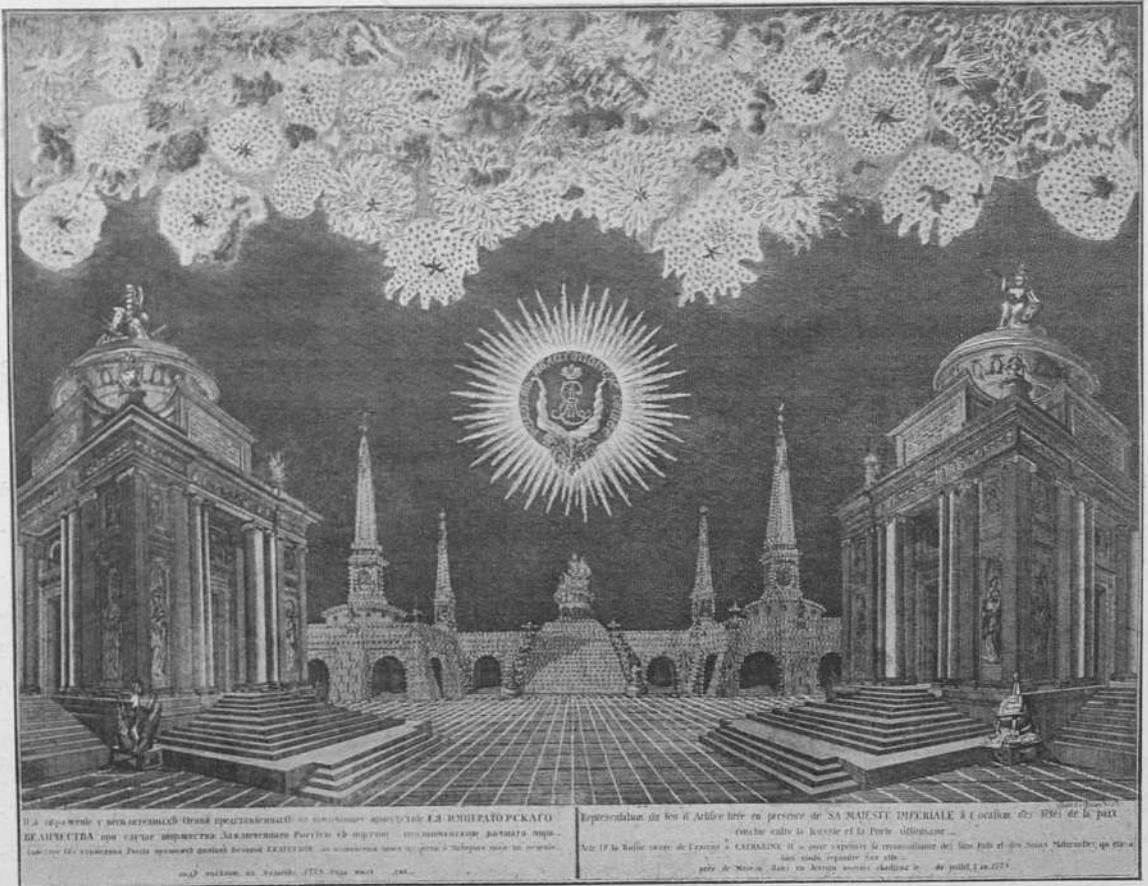

Офицеръ-драгунъ Екатерининской эпохи послѣ реформъ Потемкина.

Исаева, затѣмъ отказался отъ этого похода. Главнокомандующимъ былъ избранъ Валеріанъ Зубовъ, у котораго, по свидѣтельству современниковъ, было много охоты отличиться, но не было ни опытности, ни ума, потребныхъ для военнаго начальника. Характерно то, что когда собирался въ походъ еще Суворовъ, то въ списокъ генераловъ, которыхъ онъ хотѣлъ взять съ собою, не было Зубовыхъ. Судя по плану, знатоки военнаго дѣла не предвидѣли и конца этому походу. Между тѣмъ положеніе нашихъ финансовъ было весьма неважное, помимо разныхъ расходовъ Персидская война требовала милліоны, а казна была почти пустая. По идеѣ Платона Зубова была перечеканена мѣдная монета, но это повлекло лишь пониженіе курса на ассигнаціи. Увеличеніе государственныхъ налоговъ легло тяжелымъ бременемъ на народъ. Да и въ самой арміи нашей не все было благополучно. Не чувствуя надъ собою твердой и разумной руки истинно военныхъ людей—Румянцева и Потемкина, армія наша стала приходить въ упадокъ. Офицеры и даже нижніе чины гвардейскихъ полковъ занимались больше общественной жизнью и свѣтскими дѣлами, нежели службой. Въ службы гвардейцы щеголяли въ статскихъ костюмахъ—бархатныхъ кафтанахъ, атласныхъ камзолахъ, кружевныхъ жабо и манжетахъ; а зимою въ дорогихъ собольихъ муфтахъ и шубахъ. Дисциплина ослабла, а фактическая безконтрольность командировъ полковъ и высшаго начальства породила массу злоупотребленій: многіе военные начальники смотрѣли на свои части крѣпостническимъ взглядомъ какъ на собственную вотчину. Солдаты употреблялись начальниками на частныя работы не только для себя, но и для своихъ знакомыхъ, а если и давалась заработанная плата, то до работавшихъ часто она не доходила. Въ своемъ произволѣ многіе командиры полковъ дошли до того, что устанавливали цвѣтъ сукна въ обмундированіи по своему усмотрѣнію. Не даромъ писалъ графъ Ростопчинъ графу Воронцову о Суворовѣ, что «тотъ живя въ Тавриче-

скомъ дворцѣ чудесить... говорить Императрицѣ правду о дурномъ состояніи войскъ ¹⁾».

А Дворъ продолжалъ веселиться, предложениями къ чему были вѣсти о взятіи Дербента лѣтомъ 1796 года и рожденіе Великаго Князя Николая Павловича, а также сватовство Шведскаго короля къ старшей дочери Цесаревича Павла Петровича. Эта идея была внушена Императрицѣ Платономъ Зубовымъ. И Екатерина, не

Фейерверкъ на торжествахъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира въ Москвѣ.

задолго до того съ негодованіемъ отвергавшая планы о родственномъ союзѣ со Швеціей, склонившись на увѣренія Зубова, что этимъ упрочится величіе Россіи и обезпечится завоеваніе Турціи и Средней Азіи, дала согласіе.

Вельможи на перерывъ старались раздѣлить радость Екатерины и отличались устройствомъ великолѣпныхъ празднествъ, а генералы—парадами и маневрами, даваемыми въ честь короля-жениха.

¹⁾ Письмо отъ 8-го Декабря 1795 года, Арх. Воронцова, т. IX.

Престарѣлая Екатерина какъ бы помолодѣла: давно Она уже не бывала такъ оживлена и довольна. Близкое бракосочетаніе перестало быть тайною; оно было предметомъ обыденныхъ разговоровъ.

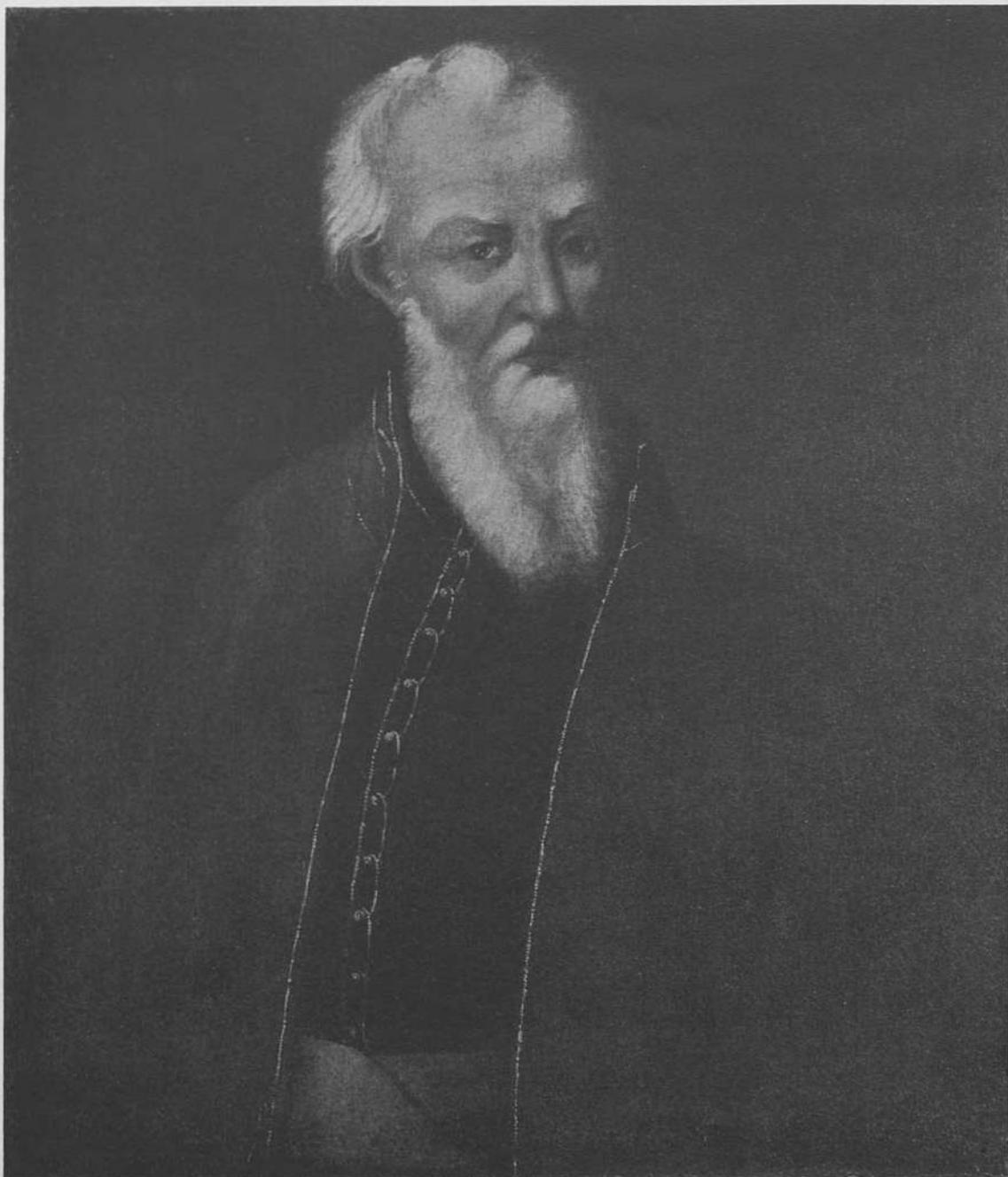
Императрица говорила уже съ королемъ и со Своею внучкою, какъ съ женихомъ и невѣстою. Казалось, что всѣ препятствія и разногласія, вызванныя вѣроисповѣднымъ вопросомъ, были улажены и 11-го Сентября должно было состояться въ Зимнемъ дворцѣ обрученіе Великой Княжны Александры Павловны съ Густавомъ IV.

Хотя официально Дворъ приглашался только на балъ, но объ обрученіи всѣ знали. Въ послѣднюю минуту неожиданно проявленное упрямство жениха, требовавшего исключенія изъ брачнаго договора статьи о сохраненіи невѣстой православія и легкомысліе Зубова, черезъ котораго велись предварительные переговоры, вызвали скандалъ. Густавъ отказался отъ брака. Узнавъ объ этомъ, Екатерина, оскорбленная, какъ глава семейства и Государыня, сильно взволнованная, почувствовала первый припадокъ паралича. Цесаревичъ Павелъ, пріѣхавшій на предполагаемое обрученіе своей дочери, уѣхалъ въ Павловскъ и больше съ Императрицею ему не пришлось видѣться.

Къ этому времени Екатерина, которая съ давняго времени все больше и больше отдалялась отъ сына Своего, окончательно упрочилась въ рѣшеніи измѣнить порядокъ въ престолонаслѣдіи и объявить преемникомъ всенародно внука Своего Александра Павловича, тѣмъ болѣе, что Она была увѣрена въ его согласіи. Тайна Зимняго дворца давно проникла въ общество, и въ Петербургѣ начали распространяться слухи, что будетъ скоро объявленъ объ этомъ манифестъ.

Въ воскресенье 2-го Ноября Императрица появилась послѣдній разъ на выходѣ. 3-го и 4-го Она не выходила изъ внутреннихъ апартаментовъ, а 5-го утромъ Она была поражена апоплексическимъ ударомъ. Всѣ старанія докторовъ привести Ее въ чувство оказались тщетными. Между довѣренными придворными произошло смятеніе. Послѣ нѣкотораго колебанія графъ Николай Александровичъ Зубовъ отправился въ Гатчину извѣстить о случившемся. Цесаревичъ въ это время, послѣ ученія, обѣдавъ на Гатчинской мельницѣ, возвращался со свитой домой; въ эту минуту къ нему прискакалъ одинъ изъ его гусаръ, которые всѣ были изъ малороссовъ, доложить, что въ Гатчину прибылъ Зубовъ съ какимъ то важнымъ извѣстіемъ. По словамъ очевидца, генерала Котлубицкаго, между Павломъ Петровичемъ и гусаромъ произошелъ такой разговоръ: «що тамъ таке»,—спросилъ Цесаревичъ.—«Зубовъ пріехалъ Ваше Высочество».—«А богацко ихъ?»—спросилъ Павелъ. Гусаръ, вѣроятно, часто слыша русскую пословицу—одинъ какъ перстъ и не понимая ее, отвѣчалъ—«одинъ якъ песь, Ваше Высочество».—«Ну, съ однимъ можно справиться» сказалъ Павелъ, потомъ снялъ шляпу и перекрестился ¹⁾). Цесаревичъ поторопился вернуться въ Гатчину, гдѣ узналъ истину отъ Зубова, послѣ чего Павелъ Петровичъ вмѣстѣ съ супругою немедленно уѣхалъ въ Петербургъ, куда прибылъ въ Зимній дворецъ около 9 часовъ вечера.

¹⁾ Шильдеръ «Императоръ Павелъ I».

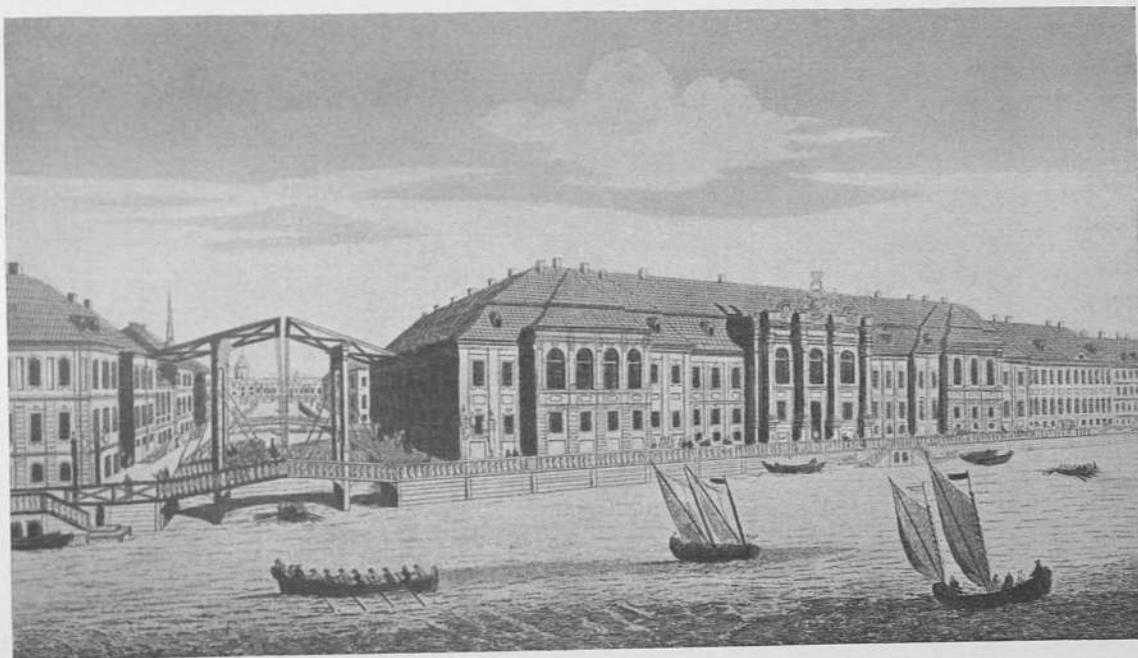

Полковник
Яковъ МѢШКОВЪ.

Начальникъ Донской Лейбъ-казацкѣй Придворной команды.
1780—1782.

Здѣсь уже были Великіе Князья Александръ и Константинъ и толпа людей всякаго званія. Къ утру Императрица еще дышала. И, наконецъ... «Благочестивѣйшая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна, имѣя отъ рожденія 67 лѣтъ, 6 мѣсяцевъ и 15 дней, 6-го Ноября въ четвертокъ пополудни въ три четверти десятаго часа, къ сѣтованію всея Россіи, въ сей временной жизни скончалась ¹⁾».

Графъ Самойловъ, послѣ принесенія Великому Князю Павлу Петровичу и его супругѣ бывшими въ опочивальной приближенными лицами поздравленій съ принятіемъ Императорскаго сана, вышелъ въ дежурную комнату и сказалъ: «мило-

Старый Зимній дворець.

стивые государи, Императрица Екатерина скончалась, а Государь Павелъ Петровичъ изволилъ взойти на Всероссійскій престоль ²⁾».

Саблуковъ въ своихъ запискахъ объ этомъ говоритъ: «нѣтъ словъ, чтобы описать скорбь, испытанную и выраженную каждымъ офицеромъ и рядовымъ Конной Гвардіи при прочтеніи намъ манифеста. Весь полкъ буквально былъ въ слезахъ, многіе рыдали, словно лишились ближайшаго родственника или лучшаго друга. Мнѣ говорили, что тоже самое происходило во всѣхъ прочихъ полкахъ». Оплакивали Императрицу и Лейбъ-казаки, которымъ по придворному званію ихъ, приходилось нести и послѣднюю службу у Ея тѣла.

¹⁾ Камеръ-фурьерскій журналъ 1796 г.

²⁾ Ростопчинъ.

Подведя итоги 22-лѣтнему существованію и службѣ Лейбъ-казаковъ въ царствованіе Екатерины, мы видимъ, что періодъ этотъ съ 1774 и по 1796 годъ захватываетъ славнѣйшія страницы Екатерининской эпохи. Лейбъ-казаки, сначала по придворному положенію своему, являются ближайшими свидѣтелями важнѣйшихъ историческихъ событій, совершавшихся въ это время; имъ же приходится проявить себя затѣмъ и на боевомъ поприщѣ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ съ честью они, достойнѣйшіе и именитые, представители Войска Донского, поддерживаютъ старинную Донскую славу, «составляя репутацію и честь тому войску, изъ котораго они взяты». Часто смѣняясь, по возвращеніи на Донъ, Лейбъ-казаки, кромѣ того, являются, такъ сказать, на Дону живыми проводниками общенія Донского казачества съ Россійскою Государственностью, а въ частности приносятъ съ собою домой и различныя петербургскія новшества науки, культуры и общественнаго быта.

За этотъ періодъ съ Лейбъ-казачьими командами перебивали въ Петербургѣ въ должности начальниковъ: Василій Орловъ, Иванъ Кумшацкій, Иванъ Дячкинъ, Яковъ Мѣшковъ*, Осипъ Поздѣевъ, Степанъ Грековъ*, Степанъ Ефремовъ, Василій Денисовъ, Федоръ Денисовъ* и Алексѣй Грековъ. Въ должности офицеровъ: Александръ Барановъ, Андрей Орловъ, Андрей Паршинъ, Степанъ Грековъ*, Яковъ Мѣшковъ*, Иванъ Яновъ, Борисъ Усачевъ, Леонтій Ежевъ, Трифонъ Долговъ, Никифоръ Назаровъ, Андрей Слюсаревъ, Алексѣй Скрастостановъ, Федоръ Денисовъ*, Иванъ Кортусинъ, Савелій Гуковъ, Даниилъ Лагутинъ, Агафонъ Бузинъ и Захаръ Егоровъ.

Вотъ сколько именъ намъ сохранили архивы. Многіе изъ офицеровъ командъ служили въ Петербургѣ по нѣсколькимъ срокамъ и затѣмъ приходили опять съ Дону уже въ должности начальника команды ¹⁾.

Какъ мы видимъ, Лейбъ-казаки впослѣдствіи занимаютъ видныя служебныя посты у себя на Дону вплоть до высокаго положенія Войскового атамана. Понятно, что въ этомъ имъ способствовала придворная служба, ибо возвращаясь домой изъ столицы съ значительно расширеннымъ кругозоромъ, они естественно должны были выдѣляться среди большинства прочихъ Донцовъ, а съ другой стороны, та же дворцовая служба создавала для нихъ въ Петербургѣ вліятельныя связи и знакомства.

¹⁾ Фамиліи, отмѣченныя звѣздочкой, означаютъ тождественность лица въ должности начальника и офицера команды.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЬ ПЕТРОВИЧЪ,
ПЕРВЫЙ ДЕРЖАВНЫЙ ШЕФЪ ПОЛКА И ЛЕЙБЪ-ЭСКАДРОНА.

1796^и годъ

Месецъ — Ноябрь.

- 6го — Представилась Государине и Императрице Екатерина Вторая; тою же была въступилъ на престолъ, Государь Павелъ Петровичъ.
- 20го — Былъ Эвонъ поцелушекъ и Императрице — и ушенина присяга палку Петровицу.
- 21го — Отправилъ благодарной молбены, и при многолетии ушенина — палку Пущевнае, — палку ируженнае, прокуратнае Палба — и всѣхъ потѣ Сенъ пошеринае — Былъ Эвонъ — и продолжалася Пущевнае Палба. 1).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Соединение Придворныхъ Лейбъ-казаковъ и Гатчинскихъ въ Лейбъ-гусарскомъ — Лейбъ-казачьемъ полку. — Первый Шефъ Лейбъ-казаковъ. — Новая форма одежды. — Участіе Лейбъ-казаковъ въ погребеніи останковъ Императрицы Екатерины II и Императора Петра III. — Переходъ въ Москву для участія въ торжествахъ коронованія. — Служба въ Финляндіи. — Назначеніе генерала Денисова командиромъ полка. — Новые штаты полка. — Эскадронъ Его Величества. — Современное положеніе — характеръ Императора. — Отношеніе Его къ войскамъ и въ частности къ Лейбъ-казакамъ.

На другой же день послѣ смерти Императрицы, Павломъ Петровичемъ на разводѣ былъ отданъ слѣдующій (первый) приказъ:

«Ноября 7-го дня

- 1) Пароль Полтава.
- 2) Его Императорское Величество Императоръ Павелъ Петровичъ принимаетъ на себя званіе Шефа и полковника всѣхъ гвардіи полковъ.
- 3) Его Императорское Высочество Великой Князь Александръ Павловичъ въ Семеновской полкъ полковникомъ.
- 4) Его Императорское Высочество Великой Князь Константинъ Павловичъ въ Измайловской полкъ полковникомъ.
- 5) Его Императорское Высочество Великой Князь Николай Павловичъ въ Конную гвардію полковникомъ.

1) Изъ дневника современника событій въ Черкасскѣ Петра Михайловича Чеботарева.

6) Полковникъ Аракчеевъ комендантомъ въ городѣ.

7) Адъютанты при Его Императорскомъ Величествѣ Императорѣ Павлѣ Петровичѣ назначаются генераль-маіоры: Плещеевъ, Шуваловъ, бригадиръ Ростопчинъ, полковникъ Кушелевъ, маіоръ Кутлубицкій и камеръ-пажъ Нелидовъ, который и жалуется въ маіоры.

8) Полковникъ Аракчеевъ въ Преображенской полкъ штабомъ.

9) Подполковнику Кологривову быть въ эскадронѣ гусаръ какъ въ Лейбѣ, такъ и въ его полку и козакахъ, что и будетъ составлять полкъ, прочіе-жъ поступать по уставу.

10) Господамъ генераламъ служащимъ другаго мундира не носить, кромѣ того корпусу, къ которому принадлежатъ, въ общемъ офицеры чтобы не носили ни въ какомъ случаѣ инаго одѣянія какъ мундирь».

«Флигель-адъютантъ Нелидовъ».

Такимъ образомъ, день этотъ явился первымъ днемъ существованія Лейбъ-казаковъ какъ полка. Восьмого Ноября Кологривовъ былъ произведенъ въ полковники.

Въ составъ вновь образованнаго Лейбъ-гусарскаго Лейбъ-казачьяго полка вошли придворные Лейбъ-казаки и Гатчинскіе. Въ числѣ чиновъ Гатчинскихъ казачьихъ эскадроновъ, вошедшихъ во вновь образованный полкъ, были: подполковникъ Евграфъ Грузиновъ, поручикъ Романъ Грузиновъ въ должности адъютанта и корнеты: Петръ Гуровъ, Осипъ Власовъ, Николай Полтавсковъ и Иванъ Егоровъ, тутъ же въ новый полкъ съ ними перешель и вахмистръ Ефремовъ, впоследствии извѣстный партизанъ отечественной войны и командиръ Лейбъ-казачьяго полка. Лейбъ-казаки образовали два казачьихъ эскадрона, во главѣ которыхъ былъ поставленъ Евграфъ Грузиновъ, комадовавшій до этого нѣсколько лѣтъ Гатчинскими казаками и пользовавшійся особымъ благорасположеніемъ самого Императора.

Первый казачій эскадронъ получилъ наименованіе эскадрона Его Величества, а другой—Грузинова. Гатчинскіе казаки, какъ и всѣ прочія Гатчинскія части, имѣли свои штандарты, которые вмѣстѣ съ ними и перешли въ полкъ. 12-го Кологривовъ былъ произведенъ въ бригады, а 14-го Ноября того же года Высочайше повелѣно: «Лейбъ-гусарскій Лейбъ-казачій полкъ считать на томъ же основаніи какъ Конная гвардія ¹⁾».

Изъ рапорта бригадира Кологривова къ президенту Военной Коллегіи отъ 16-го Декабря 1796 года съ представленіемъ Высочайше утвержденныхъ штатовъ двухъ эскадроновъ Лейбъ-гусарскаго Лейбъ-казачьяго полка видно, что «Государь Императоръ повелѣтъ соизволилъ двумъ эскадронамъ Лейбъ-казаковъ состоять на прежнемъ довольствіи, какое получала Придворная команда».

¹⁾ Полное собр. зак. Россійской Имперіи, т. XXIX, ст. 17554.

Форма одежды была установлена слѣдующая: шапка черного бухарскаго смушка съ кутасами малиново-голубого гаруса и бѣлымъ султаномъ изъ перьевъ, галстукъ изъ черного флера. Верхній кафтанъ (чекмень) синій съ небольшимъ стоячимъ воротникомъ и прямымъ бортомъ обыкновеннаго казачьяго покроя безъ погонь и эполетъ, подъ нимъ такого же покроя алое полукафтаные, полы котораго заправлялись въ шаровары бирюзоваго цвѣта на выпускъ; сапоги черные съ тупыми носками; перчатки бѣлыя съ крагами, кушакъ въ первомъ эскадронѣ бѣлый, а во второмъ свѣтло-синій. Сабля съ стальнымъ эфесомъ и черными кожаными желѣзомъ оправленными ножнами на поясной, черного сыромятнаго ремня, портупей; лядушка красной юфтовой кожи на 20 патроновъ съ такою же перевязью съ мѣднымъ приборомъ; на бѣлой лосиновой карабинной перевязи черезъ плечо, съ правой стороны, пистолетъ, подвѣшанный за курокъ. Плащъ бѣлый. У трубачей мундиры были расшиты желтымъ басономъ; трубы мѣдныя съ красно-желтыми шнурами и кистями. Конское снаряженіе обыкновеннаго казачьяго образца изъ черного сыромятнаго ремня, съ мѣднымъ наборомъ и съ сѣдломъ съ краснымъ чапракомъ и подушкою обшитыми, какъ и теперь, бѣлою тесьмою и съ бѣлымъ суконнымъ чемоданомъ. Въ конномъ строю пика съ краснымъ древкомъ и краснымъ юфтовымъ какъ и на саблѣ, темлякомъ. Офицеры также эполетъ и погонь не носили, а отличались серебряными кутасами, серебряными же шарфами съ кистями, шпорами, красными сафьяновыми портупеями, серебряными темляками и тѣмъ, что кафтаны ихъ и полукафтаныя были обшиты въ два ряда серебромъ по воротнику, бортамъ, рукавнымъ обшлагамъ, спиннымъ и рукавнымъ швамъ, и на груди петлицами въ шесть рядовъ съ канительными на концахъ витыми кисточками, а вальтрапы и подушки на сѣдлахъ были обшиты серебрянымъ галуномъ; эфесъ сабли вызолоченный; кромѣ того, офицеры и унтеръ-офицеры имѣли особыя форменныя трости ¹⁾).

Первый разъ Лейбъ-казаки появились передъ Павломъ Петровичемъ въ составѣ полка второго Декабря 1796 г. во время церемоніи перенесенія тѣла Императора Петра III изъ Александрo-Невской лавры въ Зимній дворець. Рано утромъ, по сигнальному выстрѣлу изъ Петропавловской крѣпости, войска Петербургскаго гарнизона вытянулись шпалерами по Невскому проспекту, Лейбъ-казаки стали развернутымъ фронтомъ, начиная отъ монастыря. Въ 10 часовъ утра Павелъ Петровичъ съ Императрицей и Великими Князьями пріѣхалъ въ лавру. По второму сигнальному выстрѣлу всѣ участники траурнаго шествія заняли свои мѣста. По третьему выстрѣлу процессія двинулась отъ монастырскихъ воротъ по Невскому проспекту.

Войска брали на караулъ и отдавали честь барабаннымъ боемъ, трубными сигналами и салютовкой знаменъ. Погребальной колесницѣ предшествовали два маршала съ жезлами, генераль-прокуроры и оберъ-секретари сената и синода въ длинныхъ черныхъ плащахъ и траурныхъ шляпахъ. За гробомъ Петра III шли

¹⁾ Висковатовъ.

Лейбъ-казаки Павла I.

пѣшкомъ въ глубокомъ траурѣ Императоръ съ Императрицею, Великіе Князья и Княгини и придворные чины. Послѣ прибытія траурной процессіи къ Зимнему дворцу, гробъ Петра былъ внесень въ залъ и поставлень на катафалкѣ рядомъ съ гробомъ Императрицы Екатерины. Это событіе нуждается въ нѣкоторомъ поясненіи. Императоръ Павелъ Петровичъ, желая отгнѣнить сочувствіе Свое къ несчастной судьбѣ Своего отца Петра III, имѣя въ виду, что Петръ III, подъ предлогомъ того, что не короновался, былъ погребень въ Александро-Невской лаврѣ, желалъ воздать почести останкамъ своего родителя и похоронить ихъ тамъ, гдѣ было установлено покоиться всѣмъ царствовавшимъ Монархамъ, т. е. въ Петропавловской крѣпости, для чего считалъ нужнымъ и короновать его прахъ. Такимъ образомъ и погребеніе тѣла Императрицы было отложено и совершено одновременно съ прахомъ Ея супруга. 5-го Декабря совершилось торжественное перенесеніе останковъ Императора и Императрицы въ Петропавловскій соборъ. Въ восемь часовъ утра войска собрались на площади передъ Зимнимъ дворцомъ и построились по Милліонной улицѣ. Лейбъ-казаки стояли тутъ же у Мраморнаго дворца, имѣя лѣвѣе себя Лейбъ-гусарь. Въ 10 часовъ утра процессія двинулась отъ Исаакіевского собора ¹⁾ мимо Зимняго дворца по Милліонной улицѣ. Въ это время камергеры вынесли Царскіе гробы изъ Зимняго дворца и поставили на колесницы, которыя заняли свои мѣста въ процессіи за духовенствомъ. Впереди двигалась колесница Императрицы, а за нею Императорская. Павелъ Петровичъ въ мундирѣ и траурной мантии съ Императрицею и Высочайшими особами слѣдовалъ за колесницами, затѣмъ шли придворные чины и дамы. Со стѣнъ Петропавловской крѣпости все время раздавались орудійные выстрѣлы, пока процессія не прибыла къ Петропавловскому собору. По окончаніи заупокойной литургіи Императоръ сложилъ съ себя траурную мантию и верхомъ отправился осматривать войска, «поставленныя въ парадъ». Оставшись довольнымъ, какъ видомъ войскъ, такъ и порядкомъ, Онъ пожаловалъ всѣмъ нижнимъ чинамъ, находившимся въ строю по рублю и по чаркѣ вина ²⁾. Послѣ этого состоялся вахтъ-парадъ и

¹⁾ Планъ расположенія войскъ В. Уч. Арх. Г. Ш. о. 3, № 258.

²⁾ Исторія Л.-гв. Гренадерскаго полка.

обычное отданіе при паролѣ приказа. На шестое Января былъ назначенъ церковный парадъ, почему за нѣсколько дней до этого всѣ командиры полковъ, штабъ-офицеры и адъютанты были вызваны во дворецъ для полученія отъ Самого Императора соотвѣтственныхъ указаній, послѣ чего Павелъ Петровичъ вмѣстѣ съ ними проѣхалъ верхомъ по Милліонной улицѣ и указывалъ мѣста расположенія войскъ къ предстоящему Крещенскому параду. Затѣмъ, возвратившись вмѣстѣ съ офицерами во дворецъ, Императоръ предложилъ имъ закуску и водку. Тутъ были Кологривовъ и Грузиновы.

Екатерининской и Павловской эпохъ.

Вскорѣ Лейбъ-казакамъ пришлось готовиться къ предстоящимъ торжествамъ коронаціи и вызванному этимъ переходу въ Москву. 25-го Января 1797 года былъ отданъ слѣдующій приказъ: «завтрашняго числа, въ 10-мъ часу быть готовому артиллерійскому баталіону и выступить въ Москву; послѣ завтра Лейбъ-гусарскому и Лейбъ-казачьему полкамъ—въ томъ же часу, оставляя изъ Лейбъ-гусаръ число

нужное для конвоя Его Величества и въ Лейбъ-казачьемъ полку ту команду, которая въ командировкѣ, которой и придти сюда для разъѣзду. Его Величество жалуетъ Лейбъ-казачьяго полка маіоровъ Грузинова 2 и Грекова въ подполковники».

Въ упомянутой командировкѣ былъ отрядъ полковника Грузинова I, ходившій въ Ладожскій уѣздъ для возстановленія спокойствія между волновавшимися тогда крестьянами. Среди крестьянъ распространилась тогда молва по поводу повелѣнія Императора о приведеніи ихъ къ присягѣ, наравнѣ съ прочими сословіями, чего раньше не бывало, что это для того, «чтобы впредь не быть за помѣщиками». Вспыхнули беспорядки и для усмиренія ихъ власти уже были вынуждены прибѣгнуть къ содѣйствію войскъ. Полковникъ Грузиновъ быстро и спѣшно исполнилъ порученіе и вскорѣ возвратился въ Петербургъ. Эти волненія отразились и на населеніи Петербурга, гдѣ казакамъ, оставшимся «для разъѣзду», пришлось нести довольно тяжелую службу.

Еще въ день погребенія Петра III и Императрицы Екатерины II, 18-го Декабря 1796 года, Павелъ Петровичъ возвѣстилъ въ манифестѣ, что коронаваніе имѣетъ совершиться въ Апрѣлѣ будущаго 1797 года. Въ началѣ Января гвардейскіе полки начали выступать въ походъ въ Москву. Лейбъ-гусарскій Лейбъ-казачій полкъ высту-

пиль 27-го Января. Строго придерживаясь устава, онъ на маршѣ исполнялъ безъ малѣйшаго отступленія всѣ предписанныя уставомъ правила, относительно военныхъ походовъ: впереди шель авангардъ, затѣмъ главная колонна и, наконецъ, арьергардъ. Съ бивака полкъ снимался по сбору, лошадей сѣдлали по генераль-маршу, производили разводы и исполняли зорю съ церемоніей. Въ Москву полкъ вступилъ 28-го Февраля и, ставши тамъ по квартирамъ, цѣлый мѣсяць ожидалъ прибытія Императора. 1-го Марта Павелъ Петровичъ пріѣхалъ изъ Петербурга въ Павловскъ и оттуда 10-го Марта отправился съ Императрицею въ Москву. На другой день туда послѣдовали прочіе члены Императорской фамиліи. Туда же былъ приглашенъ и король Польскій. 15-го Марта Павелъ Петровичъ прибылъ въ Москву въ Петровскій дворець, гдѣ и прожилъ до вербной субботы. 28-го Марта состоялся торжественный переѣздъ по церемоніалу Императора Павла Петровича изъ Петровскаго дворца въ Слободской дворець, — бывший домъ графа Безбородко. Шествіе открывали Лейбъ-казаки, за ними шли Лейбъ-гусары и потомъ тянулась длинная процессія. Путь шель къ Кремлю, а отъ Кремля черезъ Спасскія ворота. За Павломъ Петровичемъ ѣхали также верхами Великіе Князья Александръ и Константинъ. Императоръ почти постоянно держалъ шляпу въ рукѣ, чтобы привѣтствовать народъ. Коронація совершилась 5-го Апрѣля, въ день Свѣтлаго Воскресенія Христова. По совершеніи коронаванія Павелъ Петровичъ лично прочиталъ актъ о престолонаслѣдіи и, кромѣ того, въ этотъ день Имъ было издано учрежденіе объ Императорской фамиліи, установленіе о Россійскихъ Императорскихъ орденахъ и манифестъ о нѣкоторыхъ льготахъ крестьянамъ. Торжества сопровождались щедрыми наградами. 14-го Апрѣля вся гвардія, разставленная отъ Краснаго крыльца до дома графа Безбородко, принимала участіе въ церемоніи раздачи вновь учрежденныхъ знаковь ордена св. Анны.

Къ торжествамъ коронаціи прибыли въ Москву для принесенія поздравленій и присяги депутаты отъ Войска Донскаго съ Войсковымъ атаманомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Иловайскимъ во главѣ, а въ составѣ депутаціи находились и близкіе для Лейбъ-казаковъ генералы Федоръ Петровичъ Денисовъ и Василій Петровичъ Орловъ. По смерти тутъ же въ Москвѣ Алексѣя Ивановича Иловайскаго, Императоръ хотѣлъ назначить атаманомъ Денисова, но Денисовъ, указывая на преклонность своихъ лѣтъ и малограмотность, ходатайствовалъ о назначеніи вмѣсто него своего зятя Орлова, который и былъ назначенъ Государемъ. Въ Петербургъ Лейбъ-казаки возвратились только къ осени. Въ началѣ Октября того же 1797 года Лейбъ-гусарскій Лейбъ-казачій полкъ выступилъ въ новый походъ, выйдя изъ Гатчины 2-го Октября подъ команду генераль-маіора Кологривова для содержанія кордонной стражи на границахъ Финляндіи, гдѣ пробылъ всю осень и часть зимы.

Въ концѣ Января 1798 года Лейбъ-казачьи эскадроны, подъ команду полковника Грузинова I, были вызваны въ Петербургъ, куда и прибыли 28-го числа. Въ Петербургѣ ихъ ожидалъ новый начальникъ генераль-лейтенантъ Федоръ Петро-

вичъ Денисовъ, старый знакомый и боевой товарищъ Лейбъ-казаковъ по Шведской войнѣ ¹⁾).

О назначеніи Денисова было объявлено въ Высочайшемъ приказѣ, отданномъ при паролѣ 24-го Января 1798 года: «генераль-лейтенанту Денисову командовать Лейбъ-гвардіи Казачьимъ полкомъ и имѣть эскадронъ Его Величества». Такимъ образомъ, съ назначеніемъ Денисова связано и раздѣленіе Лейбъ-казаковъ, въ смыслѣ общаго начальника, съ Лейбъ-гусарами. Полковникъ Грузиновъ, сдавъ начальство надъ состоявшими въ его вѣдѣніи Лейбъ-казачьими эскадронами, Денисову, продолжалъ службу Лейбъ-гвардіи въ Казачьемъ полку, командуя вторымъ своего имени эскадрономъ. 6-го Апрѣля того же года Федоръ Петровичъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи, а 10-го Іюля Лейбъ-гвардіи Казачьему полку были Высочайше утверждены новые штаты и табели: «Лейбъ-гвардіи Казачій полкъ изъ двухъ эскадроновъ, въ которомъ положено: генераль одинъ, полковниковъ 2, ротмистровъ 2, поручиковъ 3, изъ нихъ одинъ адъютантъ, корнетовъ 5, изъ нихъ одинъ взаимнъ генеральскаго адъютанта, вахмистровъ 2, эстандартъ-юнкеровъ 4, унтеръ-офицеровъ 20, квартирмистровъ 2, трубачей 4, рядовыхъ казаковъ 256, аудиторъ 1, лѣкаръ 1, подъ-лѣкаръ 1, штабъ-трубачъ 1, фельдшеровъ эскадронныхъ 2, ложенный мастеръ 1, коноваль 1, кузнецовъ 2, слесарь 1, профось 1. Сверхъ того, назначено денщиковъ: генералу 8, полковникамъ по 6, ротмистрамъ по 4, штабсъ-ротмистрамъ по 3, поручикамъ по 2, корнетамъ и аудитору по одному,—всего 46 денщиковъ. Лѣкарю денщика не назначено; вмѣсто денщика ему положено выдавать причитающееся на денщика жалованіе. Жалованіе служащимъ въ полку опредѣлено въ годъ: генералу 2330 р. 40 к., полковнику 1200 р., ротмистру 777 р. 16 к., штабъ-ротмистру 624 р. 42 к., поручику 562 р., корнету 306 р., аудитору 237 р. 99 к., лѣкарю 450 р., вахмистру 95 р. 80¹/₂ к., эстандартъ-юнкеру 60 р., квартирмистру 60 р., унтеръ-офицеру 69 р., казаку 24 р., трубачу 55 р. 97¹/₂ к., подъ-лѣкарю 180 р., штабъ-трубачу 100 р., фельдшеру 22 р. 19¹/₄ к., ложенному мастеру 100 р., слесарю 60 р., коновалу, кузнецу и профосу по 22 р. 91¹/₄ к. Получающихъ провіантъ положено: 344 челоуѣка, каждому изъ нихъ въ годъ муки по три четверти, крупы по 2 четверика и 2 гарнца. При этомъ подтверждено, что какъ штабъ- и оберъ-офицеры, такъ и унтеръ-офицеры и казаки имѣютъ своихъ собственныхъ лошадей, строевыхъ по одной и подъемныхъ по одной, и что на строевыхъ лошадей унтеръ-офицерскихъ, трубаческихъ и казачьихъ въ числѣ 289-ти производится въ теченіи 10 мѣсяцевъ въ году фуражъ: на строевую лошадь овса по 3 гарнца и сѣна по 15 фунтовъ въ сутки, а на подъемныхъ 289 лошадей каждой въ сутки 2¹/₃₀ гарнца овса и сѣна 20 фунтовъ.

Перваго Августа 1798 года «Государь Императоръ соизволилъ указать сдѣланную печать для Лейбъ-казачьяго полка препроводить (къ Вашему Высокопревосходительству) для употребленія—Генералу-отъ-кавалеріи Денисову ²⁾»).

¹⁾ См. его біографію, гл. 5.

²⁾ Исходящій журналъ Высочайшимъ повелѣніямъ, объявленнымъ чрезъ генераль-адъютантовъ за 1798 г. Моск. О. Арх. Г. Ш. № 12.

Тѣмъ временемъ событія шли своимъ чередомъ. Крутыя мѣры, а въ частности военныя реформы въ духѣ Фридриха, большимъ поклонникомъ котораго былъ Государь, создавали недовольныхъ.

Императоръ, такъ жаждавшій правды и честной искренности отъ Своихъ подчиненныхъ, встрѣчалъ лишь или молчаливую покорность или угодливое восхваленіе всѣхъ Его дѣяній. Онъ, который зналъ Свои недостатки, который такъ цѣнилъ рѣдкихъ честныхъ людей, имѣвшихъ мужество останавливать порывы Его гнѣва, или указывать Ему на несправедливое рѣшеніе, Онъ этого не видѣлъ и еще болѣе отдаляясь отъ всѣхъ, порою уклонялся отъ чувства мѣры. Съ характеромъ, на который наложило отпечатокъ воспитаніе и отношеніе къ Нему Екатерины, вслѣдствіе этого недовѣрчивый и подозрительный, легко раздражающійся и способный въ гнѣвѣ забыть все, въ то же время рыцарски благородный, прямой, добрый, великодушный и даже нѣсколько сантиментальный, Павелъ Петровичъ, проникнувшись нѣкоторыми впечатлѣніями еще до вступленія на престолъ, видѣвшій со стороны недочеты въ правленіи Своей Державной Матери, сочувствовавшій какъ сынъ несчастной участи Петра III, естественно могъ проникнуться извѣстной враждебностью къ духу правленія Екатерины, а въ частности къ представителямъ Ея, столь третировавшимъ иногда его, опального Цесаревича. Въ этомъ и надо искать причину тѣхъ крайнихъ мѣръ, преувеличеній въ реформахъ, мелочности и другихъ несообразностей, такъ взбудоражившихъ Россію или, лучше сказать, высшія ея сословія.

Примѣромъ, хорошо обрисовывающимъ душевный складъ и характеръ Павла Петровича, является слѣдующій случай: однажды Императоръ встрѣтилъ голштинца, бывшаго офицеромъ въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ и лично Ему извѣстнаго по прежней службѣ въ Гатчинѣ. Замѣтивъ какую-то неисправность въ формѣ, Павелъ Петровичъ сталъ его бранить. Офицеръ началъ оправдываться; раздраженный Павелъ Петровичъ ударилъ его тростью. На другой день Императоръ позвалъ къ себѣ офицера, извинился передъ нимъ и далъ ему щедрое вознагражденіе, а кромѣ того назначилъ пенсію, но въ то же время Императоромъ было приказано подать голштинцу въ отставку и отправиться въ свое отечество: «потому-что въ Русской арміи не можетъ оставаться офицеръ потерпѣвшій оскорбленіе». Извѣстенъ и другой случай: присутствуя при разводѣ въ Гатчинѣ, Павелъ Петровичъ приготовился принять рапортъ отъ караульнаго офицера Лейбъ-гусарскаго полка Тутолмина. Согласно правилъ того времени Тутолминъ былъ верхомъ. Не сдержавъ сразу горячившуюся лошадь, Тутолминъ, подѣзжая къ Павлу Петровичу, обрызгалъ его съ головы до ногъ. Государь пришелъ въ крайнее раздраженіе. Тутолминъ тѣмъ временемъ, согласно устава, сдалъ рапортъ, слѣзъ съ лошади и сталъ на правый флангъ караула. Вышедшій изъ себя Павелъ Петровичъ бросился къ нему съ поднятой тростью; увидя это, Тутолминъ побѣжалъ между шеренгами,—Государь за нимъ; погоня длилась нѣкоторое время, наконецъ, Тутолминъ скрылся совѣмъ. Императоръ не кончилъ развода и возвратился во

PAUL I.
Empereur de toutes les Russies.
Couronné à Moscou le 5 avril 1797.

дворецъ. Страшно было на него взглянуть. На другой день, отпуская карауль, Государь какъ только увидѣлъ Тутолмина, подошелъ къ нему, положилъ руку на его плечо и ласково сказалъ ему при всѣхъ: «благодарю тебя, ты вчера спасъ отъ бѣды и себя и Меня».

«Къ несчастію», говоритъ князь Лопухинъ, «около Императора были люди злонамѣренные, которые пользовались его раздражительностью, а въ послѣднее время даже возбуждали ее, чтобы для своихъ цѣлей сдѣлать Государя ненавистнымъ. Государь вовсе не былъ тѣмъ сумрачнымъ и подозрительнымъ тираномъ, какимъ Его умышленно представляли. Напротивъ того, природныя Его качества были откровенность, благородство чувствъ, необыкновенная доброта, любезность и весьма острый и мѣткій умъ. Когда Онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, нельзя было найти болѣе пріятнаго и блестящаго собесѣдника. Никто въ этомъ отношеніи не могъ сравниться съ Нимъ. Императоръ Павелъ любилъ шутить, понималъ шутку и не сердился, когда Самъ иногда дѣлался предметомъ невинной забавы». Дѣйствительно, Государь былъ чрезвычайно раздражительный и не могъ иногда Себя сдерживать, но эта раздражительность была послѣдствіями болѣзни, перенесенной Имъ въ бытность еще Великимъ Княземъ; причиною которой, по словамъ того же Лопухина, было отравленіе Павла Петровича, о чемъ говорилъ и Онъ Самъ ¹⁾).

Въ связи со всѣми строгостями, которыя были установлены въ войскахъ, служба того времени и для Лейбъ-казаковъ была весьма трудная, хотя казаки были въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ другія части, ибо добрая половина Лейбъ-казаковъ, изъ бывшихъ въ Гатчинскихъ казачьихъ эскадронахъ, уже хорошо знала службу и требованія Павла Петровича, такъ что Лейбъ-казаки бывшей Придворной команды очень скоро усвоили и переняли все отъ своихъ же братьевъ-Донцовъ однополчанъ. Павелъ Петровичъ, обращая большое вниманіе на улучшеніе организациі Своей арміи, устроеніе въ ней должного порядка, строгой дисциплины и знанія строевого дѣла, въ то же время щедро и справедливо награждалъ достойныхъ. Являя Самъ, личными трудами, примѣръ Своимъ подчиненнымъ, Онъ былъ требователенъ и къ другимъ въ особенности во всемъ, что касалось воинскаго устава и чести. О трудности воинской службы и вообще быта военныхъ того времени можетъ ясно свидѣтельствовать, на примѣръ, слѣдующее: даже въ кратковременные отпуска офицеры полковъ въ лагерное время увольнялись не иначе, какъ Высочайшею властью; въ Высочайшихъ приказахъ за 1797 годъ мы читаемъ, что «Лейбъ-казачьяго эскадрона корнетъ Давыдовъ уволенъ на три дня въ С.-Петербургъ, Лейбъ-казачьяго полка ротмистръ Грузиновъ въ Софію до зори».

Кромѣ частыхъ ученій и парадовъ, караульной службы при дворцахъ и разъѣздовъ въ окрестностяхъ Петербурга: въ Пулковѣ, Кузьминѣ, Гатчинѣ, Резинѣ, Скво-

¹⁾ «Нѣкоторыя соображенія позволяютъ допустить вѣроятность этой попытки въ первой половинѣ 1778 года». — Шильдеръ—Императоръ Павелъ I.

рицахъ, Славянкѣ, Ижорѣ, конвоированія Государя Императора во время прогулокъ по Петербургу и переѣздовъ въ загородные дворцы, Лейбъ-казакамъ, наравнѣ съ другими гвардейскими войсками, приходилось поочереды участвовать на разводахъ, а въ воскресные и праздничные дни на вахтъ-парадахъ, на которые всегда должны были являться всѣ офицеры гвардіи, хотя бы ихъ полки въ этотъ день и не участвовали. Даже правила о формѣ одежды требовали большой точности: такъ зимою верхній мундиръ (синій чекмень) долженъ былъ быть застегнутъ на всѣ крючки, а шарфъ и сабля надѣвались сверху. Весною и осенью чекмень застегивался лишь на половину, причемъ сабля и шарфъ надѣвались подъ чекмень на красное полукафтанье. Лѣтомъ носился одинъ нижній красный мундиръ. Участіе на маневрахъ, производившихся нѣсколько разъ въ году въ присутствіи и подъ руководствомъ Самаго Государя и трудная лагерная служба,—все это давалось не легко, но Павелъ Петровичъ Самъ зналъ объ этомъ и не упускалъ случая, внимательно слѣдя за успѣхами войскъ, вознаграждать труды Своей гвардіи, въ томъ числѣ и Лейбъ-казаковъ выражая въ приказахъ «особое благоволеніе Его Величества Лейбъ-казакамъ неоднократно за ихъ расторопность, проворство и совершенное знаніе своего дѣла». Касаясь службы того времени, нельзя не упомянуть вообще о военныхъ реформахъ. Какъ уже говорилось выше, будучи убѣжденнымъ поклонникомъ Фридриха Великаго, еще Наслѣдникомъ, во время Своего путешествія, восхищенный блестящимъ видомъ, стройностью движеній и примѣрною внѣшнею дисциплиной прусской арміи,—Павелъ Петровичъ, да и не одинъ Павелъ Петровичъ, а вся Европа того времени преклонялись предъ прусскими войсками, прославленными побѣдами; даже наиболѣе авторитетные писатели того времени причину побѣдъ Фридриха видѣли въ прусскомъ способѣ образованія солдатъ, считая его единственнымъ и безукоризненнымъ. Такое обаятельное впечатлѣніе производила на всѣхъ выправленная наружность войскъ, мертвая тишина фронта, спокойствіе и точность исполненія команды, по которой всѣ, какъ одинъ равняясь по ниткѣ, маршировали мѣрнымъ, размѣреннымъ шагомъ или останавливались по одному сигналу и стрѣляли отчетливыми залпами,—благодаря всему этому, прусскій уставъ сталъ наукою, а все установленное Фридрихомъ въ его войскахъ почиталось за безусловную военную истину, въ точномъ подражаніи чему видѣли залогъ успѣха военнаго дѣла; отсюда и нѣкоторое утрированіе. Если же введеніе прусскаго устава вмѣстѣ съ такъ называемою прусскою прямолинейною тактикою, формою одежды и прусскимъ способомъ образованія солдата, сущность котораго сводилась къ обращенію его въ безсознательную машину, и было проведено въ Россіи въ жизнь черезчуръ слѣпо,—то во всякомъ случаѣ упрековъ въ этомъ заслуживаетъ не Павелъ Петровичъ: съ одной стороны, Павелъ Петровичъ отдавалъ дань времени, когда король Прусскій пользовался необычайной военной популярностью въ Европѣ, при чемъ надо замѣтить, что армія прусская была показана Фридрихомъ Павлу Петровичу, тогда еще молодому и впечатлительному Цесаревичу, никогда не видѣвшему маневрированія большой массы войскъ и, въ силу Своего отчужденнаго положенія отъ государственныхъ и

военныхъ дѣлъ при Екатеринѣ, не имѣвшаго истинныхъ военныхъ познаній, приобрѣтаемыхъ лишь боевымъ опытомъ; съ другой стороны, слѣпые исполнители воли Павла Петровича не всегда достойные и военные люди изъ излишней угодливости, а отчасти и личныхъ счетовъ и расчетовъ пересаливали. Виноваты также и противники новаго устава, не рѣшавшіеся высказать мужественно Императору правду, Ему, искавшему лишь лучшаго и увѣренному, что Онъ его нашелъ.

Насколько Павелъ Петровичъ былъ внимателенъ къ нуждамъ войскъ и насколько доступенъ—видно, на примѣръ, хотя бы изъ Высочайшаго указа отъ 7-го Апрѣля 1796 года, которымъ, по прошенію поручика Лейбъ-гвардіи Казачьяго полка Алейски, по засвидѣтельствованію уважительности сего генераль-отъ-кавалеріи Денисовымъ, было Высочайше разрѣшено перенести судебное дѣло поручика, уже было рѣшенное не въ пользу его, въ высшую инстанцію; суть въ томъ, что поручикъ Алейски находился въ походахъ, а имуществомъ его неправильно завладѣлъ нѣкій придворный служитель Андреевъ; вѣроятно, дѣло касалось какого нибудь залога, а такъ какъ своевременно ничего сдѣлать поручикъ не успѣлъ, то имущество его и перешло къ Андрееву по суду, на самомъ законномъ основаніи; но Императоръ, въ данномъ случаѣ, по врожденной Ему справедливости, нравственное право поставилъ выше и, повелѣвъ пересмотрѣть тяжбу снова, тѣмъ самымъ рѣшилъ ее въ пользу поручика. Приходилось, конечно, иногда и казакамъ испытывать на себѣ тяжелое по послѣдствіямъ, но въ основѣ своей всегда справедливое недовольство Государя,—такъ 7-го Января 1798 года былъ отданъ Высочайшій указъ: «Господинъ генераль-отъ-кавалеріи Беклешовъ ¹⁾. Исключеннаго, изъ службы Войска Донскаго полковника Грекова съ приставомъ отправить въ Шлиссельбургъ и тамъ отдать коменданту. Болѣзнь, не препятствующая господину Грекову пьянствовать, не помѣшаетъ ему ѣхать на покой для пришествія въ трезвое состояніе» ²⁾. Но гнѣвъ Императора, если дѣло только не касалось какого либо безчестнаго поступка, не былъ продолжителенъ—и Высочайшимъ же указомъ отъ 29-го Іюня Грековъ уже прощенъ.

Настолько же Императоръ былъ внимателенъ и къ нижнимъ чинамъ, неустанно заботясь и входя даже по мелочамъ въ условія быта нижнихъ чиновъ и ихъ содержанія, на примѣръ: «господинъ генераль-отъ-кавалеріи баронъ фонъ-дербъ-Паленъ. Получа рапортъ отъ генераль-маіора Смородина, усмотрѣлъ Я что по выступленіи Псковскаго драгунскаго полка изъ Кексгольма, много осталось больныхъ онаго полка нижнихъ чиновъ. По сему случаю Я желаю отъ Васъ узнать—не другая ли еще какая болѣзнь сверхъ уже вами доносимой, заразила такое множество. Удивительно число больныхъ; равномѣрно и то что 300 человѣкъ только идетъ; поѣзжайте сами къ полку и узнайте о причинахъ; Я Васъ тамъ и найду».—Писалъ Павелъ Петровичъ.

¹⁾ Сенаторъ.

²⁾ Московское отд. Арх. Г. Ш. Выс. Ук. исходившіе чрезъ воен. пох. канцел. книга XIII.

Или: «Мушкатерскаго Ротгайера полку штабъ-капитанъ Савицкій за особливое попеченіе о препорученной ему ротѣ, въ которой вовсе нѣсколько мѣсяцевъ не было больныхъ, въ примѣръ другимъ, произведенъ въ капитаны». И—«Мушкатерскаго Римскаго-Корсакова полку полковому командиру полковнику Дрекселю Его Императорское Величество объявляетъ благоволеніе за имѣніе въ полку только 4-хъ человѣкъ больныхъ и 5-ти слабыхъ». Въ бытность еще Цесаревичемъ: «приказъ отъ коменданта Кологривова. Усмотрѣно Его Императорскимъ Высочествомъ, которые находятся въ баталіонахъ и кавалеріи мѣдные съ крышками котлы, что на оныхъ нѣтъ полуды и отчего происходитъ въ людяхъ нездоровье, то и изволилъ приказать, чтобы оные были полужены, и чтобъ оное не было запускаемо навсегда».

Гербъ Войска Донскаго.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

1799 годъ.—Англо-русскій договоръ.—Планы союзниковъ относительно Голландской экспедиціи.—Составъ непріятельскихъ силъ и составъ союзныхъ войскъ.—Обстановка къ высадкѣ войскъ.—Условія экспедиціи.—Участіе Лейбъ-казаковъ.—Сраженіе у Бергена 8-го Сентября.—Неудача союзниковъ.—Подвигъ поручика Давыдова.

1799-й годъ одинъ изъ замѣчательныхъ годовъ въ исторіи Россіи какъ по славѣ ея побѣдоноснаго оружія, такъ и по могущественному вліянію, проявленному ею въ сношеніяхъ съ другими государствами. Это тотъ годъ, когда Суворовъ соперничалъ въ славѣ съ Аннибаломъ, когда Россійскій флагъ рѣялъ во всѣхъ моряхъ Европейскихъ, когда къ рѣшительному слову Россійскаго Державнаго Рыцаря прислушивалась вся Европа.

Ставъ во главѣ союза, имѣвшаго цѣлью сломить мятежный духъ французовъ, Императоръ Павелъ Петровичъ, со свойственнымъ ему безкорыстіемъ, охотно шель навстрѣчу всему тому, что вело къ осуществленію монархическихъ идей; такимъ образомъ въ то время, когда Суворовъ во главѣ русско-австрійскихъ войскъ велъ побѣдоносную кампанію, Павелъ Петровичъ принялъ съ полною благосклонностью предложеніе Англій нанести ударъ французамъ еще съ другой стороны. Было рѣшено мѣстомъ новыхъ дѣйствій избрать Голландію,—предметъ давнишнихъ вождедѣній Лондонской политики, ибо, подпавъ владычеству Франціи, являясь покорной ея союзницей, Голландія—республика Батавская, по торговому своему

значенію, географическому положенію и военнымъ силамъ, въ особенности морскимъ, значительно поддерживала Францію.

Разсчетъ былъ вѣренъ. Ближайшей цѣлью Голландской экспедиціи Императору Павлу Петровичу было представлено низверженіе Правительства Батавской республики и восстановление штатгальтерства въ Оранскомъ Домѣ. Одиннадцатаго іюня былъ подписанъ окончательный договоръ между Россіей и Англійей. Еще до этого Павелъ Петровичъ повелѣлъ готовить войска и флотъ для намѣченной экспедиціи. Увѣренность союзниковъ въ успѣхѣ первоначально поддерживалась надеждами на сочувствіе и другихъ Сѣверныхъ державъ—Пруссіи, Швеціи и Даніи; однако разсчеты эти не оправдались и исполнителями плана остались только Россія и Англія. Все же надежды на успѣхъ не терялись по тѣмъ соображеніямъ, что съ появленіемъ англо-русскихъ войскъ, Голландская армія и флотъ, среди которыхъ, по свѣдѣніямъ англійскихъ агентовъ, имѣлись приверженцы Оранскаго Дома, перейдетъ на сторону союзниковъ. Положеніе вещей въ Голландской республикѣ отчасти подтверждало это, ибо большая часть голландскаго народа тяготилась французскимъ игомъ, непомерными налогами и контрибуціями, а войскъ французскихъ, за отправкою подкрѣпленій въ Рейнскую и Швейцарскую арміи, оставалось тамъ немного; къ тому же между собственно-французскими и голландскими войсками возникли нѣкоторыя тренія, вызванныя постановкою во главѣ соединенной республиканской арміи французскаго главнокомандующаго Брюна, что оскорбило голландскихъ генераловъ, у старѣйшаго изъ коихъ Дондельса дѣло дошло до открытой ссоры. Благопріятствовало еще и то, что французскій флотъ находился въ Средиземномъ морѣ, а Англія, подавивъ возстаніе въ Ирландіи, свободно располагала своими морскими силами.

Непріятельскія сухопутныя силы состояли приблизительно изъ 20.000 батавскихъ войскъ и 14.000 французскихъ. Ожидались подкрѣпленія изъ сѣверной части восточныхъ провинцій Франціи, независимо отъ 10.000-наго корпуса, который собирался въ Бельгіи, для поддержанія тамъ внутренняго спокойствія. Въ неизвѣстности, на какую именно часть Голландіи будетъ направленъ ударъ, генераль Брюнь распредѣлил свои войска по всему протяженію республики: французы—22 съ половиной баталіона, 13 эскадроновъ и 7 ротъ артиллеріи—заняли юго-западныя области, а голландцы были раздѣлены на двѣ дивизіи, изъ коихъ одна—14 баталіоновъ и 10 эскадроновъ,—подъ начальствомъ генерала Дондельса, находилась въ собственно-Голландіи, а другая генерала Дюмонсо—8 баталіоновъ и 10 эскадроновъ,—въ сѣверо-восточныхъ областяхъ для охраны сухопутной границы со стороны Германіи противъ принца Оранскаго, который, находясь тамъ, собиралъ офицеровъ своей прежней арміи и разсылалъ прокламаціи, призывая голландцевъ подъ свое знамя. Остальныя батавскія войска занимали гарнизоны въ главныхъ городахъ и крѣпостяхъ. Брюнь, зная прежніе планы Англій, первоначально готовился преимущественно къ защитѣ острова Вальхерна, устьевъ Мааса, Шельды и Рейна, для чего имѣлись канонерскія лодки.

- Составъ союзной арміи подъ командою герцога Юрскаго былъ слѣдующій:
Россійскія войска—командиръ корпуса генераль-лейтенантъ Германъ.
Дивизія генераль-лейтенанта Жеребцова:
Лейбъ-Гусарскаго полка: офицеровъ—4, нижнихъ чиновъ—77.
Лейбъ-Казачьяго полка: офицеровъ—2, казаковъ—35.
Лейбъ-Уральской сотни: офицеровъ—2, казаковъ—62.
Піонерной роты капитана Дрейера: офицеровъ—3, нижнихъ чиновъ—130.
Своднаго гренадерскаго баталіона Митюшина: офицеровъ—17, нижнихъ чиновъ—664.
Своднаго гренадерскаго баталіона Эриксона: офицеровъ—18, нижнихъ чиновъ—659.
Гренадерскаго полка Жеребцова (Фанагорійскій): офицеровъ—56, нижнихъ чиновъ—1.616.
Гренадерскаго полка Эмме (Павловскій): офицеровъ—48, нижнихъ чиновъ—1.585.
Гренадерскаго полка Бенкендорфа (Тавричeskій): офицеровъ—49, нижнихъ чиновъ—1.620.
Мушкетерскаго полка Ферзена (Тобольскій): офицеровъ—48, нижнихъ чиновъ—1.641.
Егерскаго полка Сутгофа: офицеровъ—15, нижнихъ чиновъ—396.
Артиллеріи полковой: офицеровъ—4, нижнихъ чиновъ—355.
Артиллеріи полевой: офицеровъ—14, нижнихъ чиновъ—439.
Дивизія генераль-маіора Эмме 1-го:
Лейбъ-Гусарскаго полка: офицеровъ—1, нижнихъ чиновъ—45.
Лейбъ-Казачьяго полка: офицеровъ—2, казаковъ—25.
Піонерной роты капитана Дрейера: офицеровъ—1, нижнихъ чиновъ—54.
Своднаго гренадерскаго баталіона Штрика: офицеровъ—18, нижнихъ чиновъ—657.
Своднаго гренадерскаго баталіона Огарева: офицеровъ—18, нижнихъ чиновъ—662.
Мушкетерскаго полка Арбенева (Днѣпровскій): офицеровъ—49, нижнихъ чиновъ—1.546.
Егерскаго полка Сутгофа: офицеровъ—15, нижнихъ чиновъ—390.
Своднаго гренадерскаго баталіона Тимофѣева: офицеровъ—18, нижнихъ чиновъ—662.
Своднаго гренадерскаго баталіона Осипова: офицеровъ—18, нижнихъ чиновъ—661.
Мушкетерскаго полка Седморацкаго (Бѣлозерскій): офицеровъ—47, нижнихъ чиновъ—1.628.
Артиллеріи полковой: офицеровъ—2, нижнихъ чиновъ—363.
При 36 орудіяхъ полковой и 24 орудіяхъ полевой артиллеріи, а, за вычетомъ убыли, къ 3-му Августу на лицо всего въ корпусѣ было: офицеровъ—456, нижнихъ чиновъ строевыхъ—13.904 и 1.550 нестроевыхъ.

Англійскія войска состояли изъ: 36 пѣхотныхъ баталіоновъ, 14 эскадроновъ драгунъ, одной роты конной и 10 ротъ пѣшей артиллеріи.

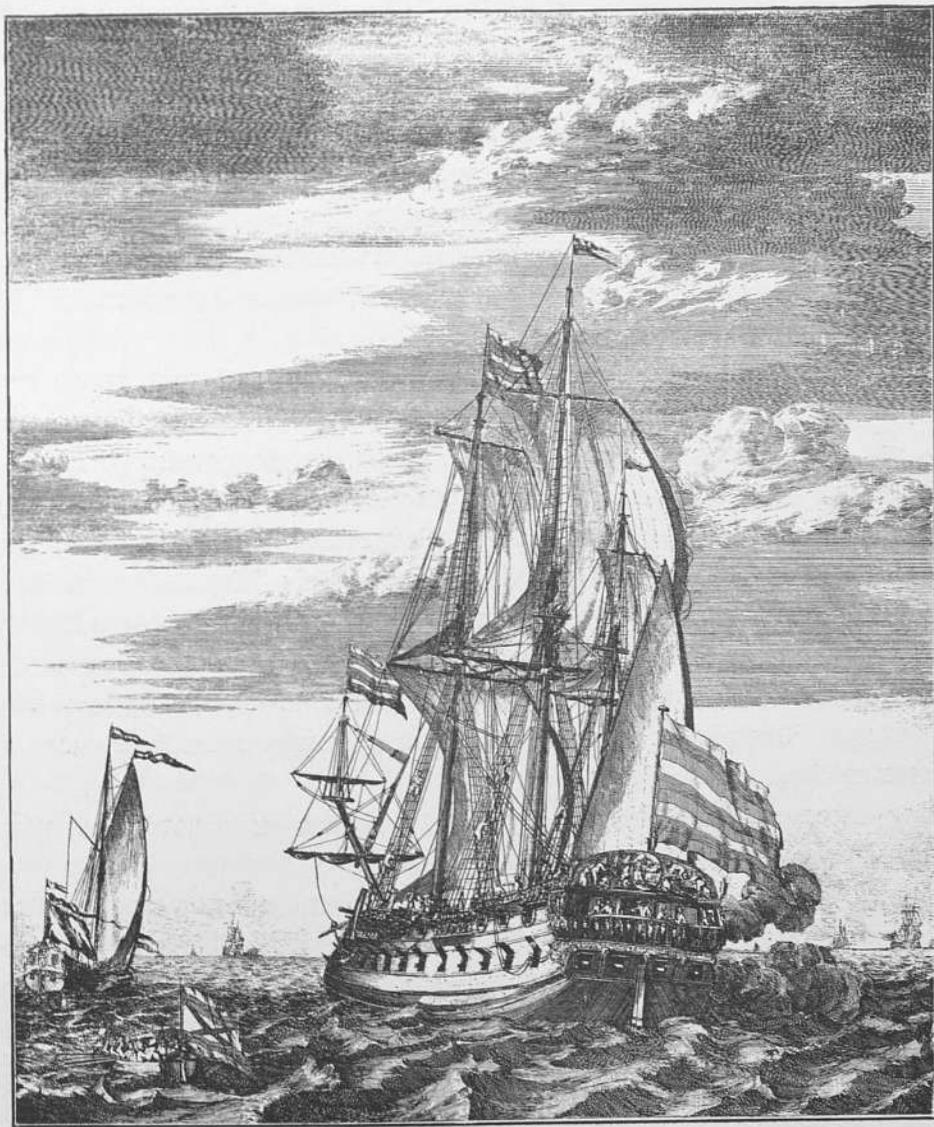
Пока англійскія войска сосредоточивались въ своихъ юго-восточныхъ портахъ для погрузки, большая часть батавскаго флота, находившаяся въ Тексельской гавани, подъ начальствомъ адмирала Сторея, была уже заблокирована русско-англійскою эскадрой адмираловъ Макарова и Денкена, а нѣсколько голландскихъ кораблей заперто въ Гелевутслейсѣ.

Русскій корпусъ, раздѣленный на двѣ дивизіи, былъ посаженъ на суда въ Ревелѣ, дивизія Эссена на русскую же эскадру Чичагова, а дивизія Жеребцова—на англійскія суда. Было рѣшено плыть черезъ Зундъ къ Ярмуту, а оттуда къ тому пункту Голландіи, который былъ бы уже занятъ первою десантною англійскою дивизіею. Несмотря на всю поспѣшность, русская дивизія Эссена отплыла изъ Ревеля только 20-го Іюля, а дивизія Жеребцова—на англійскихъ судахъ въ началѣ Августа. Обѣ эскадры были задержаны бурями въ Балтійскомъ морѣ и достигли Зунда только 8-го и 20-го Августа. Возобновивъ запасы у Гельсинера, эскадры отплыли дальше 17-го и 27-го Августа.

Англичане, полагаясь на расположеніе народа и арміи Голландіи, не дождались прибытія русскихъ войскъ и поспѣшили съ отправкой первой своей дивизіи въ 12.000 человекъ подъ начальствомъ генерала Аберкромби, отпавшей изъ Англии еще 2-го Августа. По прибытіи къ берегамъ Голландіи, высадка была нѣсколько задержана непогодю и только 15-го Августа произведена между Гельдеромъ и деревнею Грутъ-Китенъ. Къ этому времени Брюнъ успѣлъ сосредоточить сообразно новой обстановкѣ свои войска. По высадкѣ десанта произошелъ упорный бой, слѣдствіемъ котораго было отступленіе республиканцевъ. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ второй транспортъ англійскихъ войскъ генерала Дона. 20-го Августа батавскій флотъ, уже подготовленный тайными сношеніями англичанъ, перешелъ на сторону союзниковъ по почину матросовъ; причемъ корабли были отправлены въ англійскіе порты, а большая часть голландскихъ матросовъ была высажена на берегъ для содѣйствія союзникамъ. 30-го Августа Брюнъ самъ перешелъ въ наступленіе съ 21.000 войскъ противъ 17.000 англичанъ, укрѣпившихся на позиціи по линіи деревень Петенъ-Кольгорнъ, но потерпѣлъ неудачу. Въ этомъ бою приняли участіе и 180 русскихъ моряковъ, высаженныхъ съ кораблей эскадры Макарова.

Русскія войска, посаженные на эскадру Чичагова, отплыли изъ Ярмута 2-го Сентября, а дивизія Жеребцова, вмѣстѣ съ генераломъ Германомъ, прибыла прямо къ острову Текселю 31-го Августа. По причинѣ бурной погоды высадка началась только 2-го Сентября при помощи англійскихъ гребныхъ судовъ. Русскія войска, непривычныя къ морскимъ путешествіямъ, были утомлены продолжительнымъ плаваніемъ, сильною качкою и въ особенности тѣснымъ помѣщеніемъ на судахъ. Вотъ что говоритъ очевидецъ, участникъ экспедиціи: «ружья, суммы и патроны отобраны были еще на рейдѣ и сложены порядкомъ въ питрюмъ. Каждая рота сдѣлала на своей аммуниціи наскоро особые знаки, ибо англичане торопились

и спѣшили въ открытое море. Въ двухъ декахъ солдаты лежали рядомъ одинъ возлѣ другого, такъ что по тѣснотѣ едва пошевелиться можно было; между рядомъ ногъ посрединѣ въ длину дека оставленъ былъ проходъ. Надъ головами каждыя двухъ рядовъ висѣла койка и въ ней по солдату. Корабль уподоблялся бочкѣ, плотно

Русская эскадра.

укладенной рядомъ сельдями. Пока попутный вѣтеръ везъ корабль на всѣхъ парусахъ, мы попѣвали веселыя русскія пѣсенки, прохаживались по шканцамъ, попеременно выводили на свѣжій воздухъ людей изъ дековъ, а какъ вѣтеръ разыгрался, усилился, взволновалъ дно морское, поднялъ пѣнистыя волны выше дека и, наконецъ, въ виду Борнгольма сдѣлался настоящимъ штормомъ, когда противнымъ вѣтромъ линію

флота нашего разстроило и мы принуждены были лавировать, когда люки на корабль опустили и деки закрыли,—тогда всякій полбъзъ въ свою койку, пѣніе замолкло и дало мѣсто унылому оханію и сну твердому. Русскіе воины перестали обращать вниманіе на порцію солонины съ горохомъ и бѣлый сухарь опротивѣлъ. Всякій желалъ русскаго ржаного сухаря, кислой капусты и хлѣбной водки. Ромъ, въ порцію раздаваемый, былъ пренебрегаемъ. Свирѣпыя вѣтры заносили насъ то къ берегамъ шведскимъ, то обратно къ Борнгольму, то показывали намъ сквозь проливной дождь, при блескѣ молніи съ сильнымъ громомъ, островъ Христіансеръ. Эскадра наша, претерпѣвая противный вѣтеръ цѣлыхъ 15 сутокъ, наконецъ, утромъ 20-го Августа увидѣла землю и того же числа вступила въ Зундъ...

Непривычка и первое морское, хотя и недалекое путешествіе, довольно укачали десантное наше войско; всякій спѣшилъ наверхъ насладиться чистымъ воздухомъ. Надлежало выводить людей на шканцы поочереды, погода прояснилась, сдѣлалось теплѣе, солдаты спѣшили купаться»¹⁾).

Едва десантъ успѣлъ выгрузиться, какъ было получено приказаніе строиться и идти церемоніальнымъ маршемъ мимо дома, занятаго принцемъ Оранскимъ, бывшимъ къ этому времени въ союзную армію, и герцогомъ Юрскимъ близъ Гельдера. Затѣмъ пришлось совершить усиленный переходъ по сыпучимъ пескамъ, не находя нигдѣ ни капли прѣсной воды. Слѣдствіемъ чрезвычайнаго утомленія было много отсталыхъ. Утромъ 3-го Сентября дивизія Жеребцова заняла назначенныя ей мѣста на правомъ флангѣ позиціи отъ деревни Петень до Краббендама. Генераль-лейтенантъ Германъ со штабомъ помѣстился въ Бергенъ-брюгъ, а главная квартира герцога Юркскаго въ Схагеръ-брюгъ. Въ этотъ же день въ Тексель прибыла эскадра Чичагова съ дивизією Эссена и начавшаяся 4-го числа высадка была закончена 6-го.

Такимъ образомъ 7-го Сентября было закончено сосредоточеніе силъ союзниковъ, назначенныхъ для Голландской экспедиціи.

Мѣстность, на которой должны были дѣйствовать англо-русскія войска была крайне неблагопріятна для наступленія, представляя изъ себя рядъ песчаныхъ холмовъ, раздѣленныхъ болотами, голландскіе берега дальше въ глубь материка переходятъ въ низменную равнину, пересѣченную безчисленными плотинами и каналами; лѣсовъ почти что нѣтъ. Въ Сентябрѣ въ Сѣверной Голландіи наступила уже осень, на морѣ начались бури, холодный пронизывающій вѣтеръ нагналъ тучи, пошли дожди, а порою даже снѣгъ, вода въ каналахъ поднялась и залила низменныя равнины, вода въ колодцахъ испортилась, сдѣлавшись соленою. Англо-русскія войска, стоявшія биваками, сильно терпѣли отъ непогоды,—палатокъ не было, построить какіе-нибудь бараки не было матеріала, дерева даже не всегда хватало для топлива. Въ мокрыхъ плащахъ на мокромъ пескѣ дрогли солдаты. Съ продовольствіемъ тоже не всегда все было благополучно, ибо подвозка была весьма

¹⁾ «Записки военно-плѣннаго російскаго штабъ-офицера» А. Я. Дубянскаго.

затруднительна. Въ частности русскимъ было еще хуже англичанъ, ибо прибыли они налегкѣ, безъ обозовъ, офицеры и даже генералы не имѣли перевозочныхъ средствъ, такъ что всѣ ихъ вещи должны были на себѣ перетаскивать ихъ денщики. Артиллерія и кавалерія, кромѣ казаковъ, прибыли безъ лошадей, такъ какъ по договору лошадей обязались доставить англичане, но этого не исполнили и во время всей экспедиціи штабъ-офицеры, адъютанты и даже лейбъ-гусарскій эскадронъ оставались спѣшенными. Для артиллеріи же англичане хотя и привели по одной парѣ крупныхъ англійскихъ или фрисландскихъ лошадей, но и сбруя къ нимъ плохо приходилась, да и несмотря на всю силу, пара лошадей съ трудомъ вытаскивала по грязи или песку тяжелое орудіе. Въ такой то обстановкѣ предстояло дѣйствовать лейбъ-казакамъ. 60 лейбъ-казакъ подъ командою штабсъ-ротмистра Гурова при поручикѣ Давыдовѣ и корнетахъ Грузиновѣ 4-омъ и Филипповѣ да столько же лейбъ-уральцевъ составили всю кавалерію русскаго корпуса, одни они и въ этихъ условіяхъ не разставались съ надежнымъ спутникомъ своимъ—конемъ. Не легче людей было конямъ,—истомленные морскимъ плаваніемъ—дрогли и мокли они, стоя въ грязи на открытыхъ коновязяхъ, фуражъ доставлялся неаккуратно, подножнаго корма нѣтъ, постоянно мокрая сѣдла и потники парили и ссадили спины... чего только не вынесетъ казачья лошадь.

Вслѣдъ за прибытіемъ русскихъ войскъ, на 8-ое число была назначена герцогомъ Юрксимъ общая атака непріятельской арміи, занявшей позиціи впереди Бергена. Назначеніе атаки на 8-ое число объясняется тѣмъ, что, по расчетамъ, дивизія Эссена должна была прибыть не позже 6-го и имѣла бы еще цѣлый день для отдыха. Но вмѣсто этого, какъ было выше сказано, высадка задержалась и, послѣ морского переѣзда, безъ всякаго отдыха, прямо съ тяжелаго перехода по пескамъ, войска должны были итти въ бой. Затруднительность положенія еще увеличивалась тѣмъ, что войска не имѣли даже времени для ознакомленія съ совершенно новою для нихъ по своему характеру мѣстностью. Насколько бой былъ назначенъ преждевременно, видно изъ того, что 4 нашихъ баталіона пѣхоты и полевая артиллерія и вовсе не успѣли, послѣ выгрузки, принять участіе въ сраженіи.

Всего для боя герцогъ Юрксій располагалъ 47.000 человекъ. По диспозиціи войска были раздѣлены на 4 отдѣленія: Первое отдѣленіе подъ начальствомъ генерала-лейтенанта Германа, силою въ 10.000 человекъ, смѣшанныхъ войскъ, главнымъ образомъ русскихъ, должно было атаковать лѣвое крыло непріятельской арміи, занимавшее позицію отъ деревни Кампъ черезъ Грутъ и Схорль до большого Алькмарскаго канала. Авангардъ этой колонны, при которомъ было и 20 ка-